

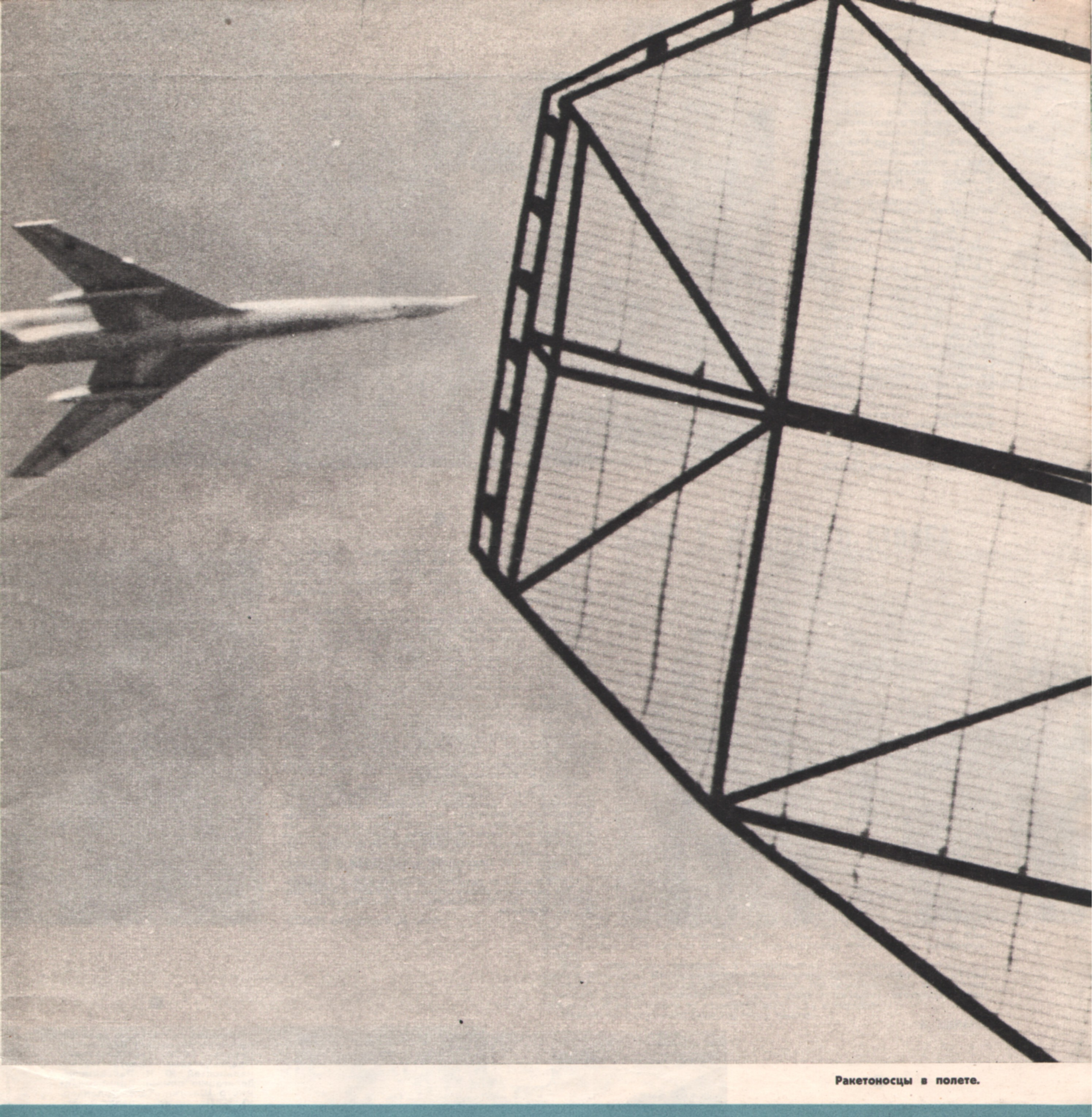
ОГОНЁК

№ 28 ИЮЛЬ 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СВЕРХЗВУК

Ракетоносцы в полете.

Гвардии генерал-майор авиации И. Горбунов (слева) и флагманский штурман гвардии полковник Э. Гривцев.

...ОВОЙ ВЫХОДИТ НА ЦЕЛЬ...

См. страницы 4—5.

3 июля на Внуковском аэродроме столицы приземлился реактивный самолет «Каравелла», на котором в нашу страну по приглашению Советского правительства с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Франции Жорж Помпиду. Вместе с ним прибыл также министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль.

Главу французского правительства встретил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

В тот же день высокий гость нанес визит А. Н. Косыгину.

В Кремле состоялись советско-французские переговоры, проходившие в дружественной обстановке.

Выступая с речью на обеде, устроенном Правительством СССР в Большом Кремлевском дворце в честь Премьер-Министра Франции, А. Н. Косыгин отметил, что укрепление отношений между нашими странами опирается на фундамент широкого совпадения основных жизненных национальных интересов советского и французского народов.

На снимке: беседа глав правительств в Кремле.

Фото В. Соболева (ТАСС).

По приглашению главы государства Сирийской Арабской Республики д-ра Нуреддина Атаси Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный находился с 1 по 3 июля 1967 года с дружественным визитом в Сирийской Арабской Республике.

Между Н. В. Подгорным и д-ром Нуреддином Атаси состоялись официальные переговоры. В ходе этих переговоров были обсуждены вопросы, возникшие в результате агрессии Израиля против Сирии и других арабских стран, и практические шаги, которые необходимо предпринять для ликвидации последствий этой агрессии.

Завершив дружественный визит в Сирию, Н. В. Подгорный прибыл в Багдад. В столице Ирака советского гостя встретил Президент республики и Премьер-Министр Абдель Рахман Мухаммед Ареф. Председателя Президиума Верховного Совета СССР тепло приветствовали жители города.

Между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Президентом Иракской Республики Абдель Рахманом Мухаммедом Арефом состоялись беседы, проходившие в духе дружбы и взаимопонимания.

Визитам Председателя Президиума Верховного Совета СССР в Сирию и Ирак придают большое значение на Арабском Востоке, ибо события последнего времени, как отмечает сирийская газета «Аль-Баас», еще раз наглядно доказали, что настоящим и верным другом арабских народов являются именно Советский Союз и социалистические страны.

4 июля Н. В. Подгорный возвратился в Москву.

На снимке: встреча на Внуковском аэродроме. На переднем плане (слева направо) — А. Н. Шелепин, А. П. Кириленко, Н. В. Подгорный и Л. И. Брежнев.

Фото Б. Трепетова (ТАСС).

В связи с открытием в Москве Югославской промышленной выставки в Советский Союз прибыл Председатель Союзного исполнительного веча Социалистической Федеративной Республики Югославии Мика Шпиляк.

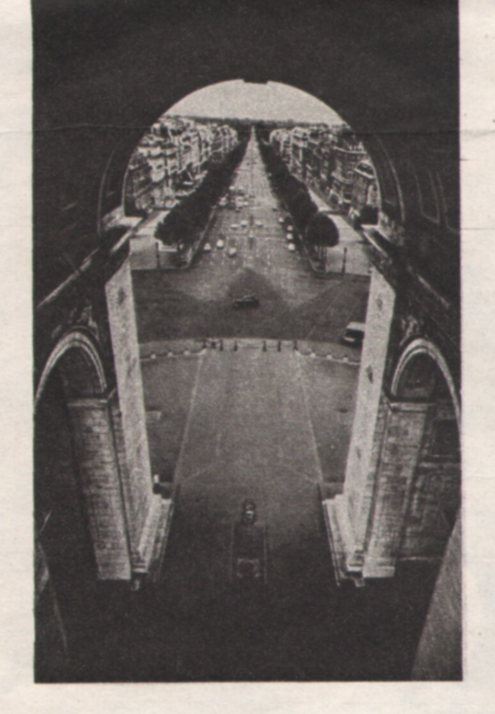
На Внуковском аэродроме главу правительства Югославии встретил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Швецию с ответным визитом посетила делегация Верховного Совета СССР, возглавляемая Председателем Совета Национальностей Ю. И. Палецкисом. Делегацию принял Премьер-Министр Швеции Таге Эрландер. Ю. И. Палецкис передал Т. Эрландеру приветствие от Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Премьер-Министр Швеции с благодарностью принял это приветствие. Он выразил уверенность, что визит делегации Верховного Совета СССР будет содействовать взаимопониманию между двумя странами.

На снимке: встреча делегации Верховного Совета СССР с Премьер-Министром Швеции Таге Эрландером (третий слева).

Вид сквозь Триумфальную арку на Елисейские поля.

14 июля — День взятия Бастилии — национальный праздник Франции.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА ПАРИЖА

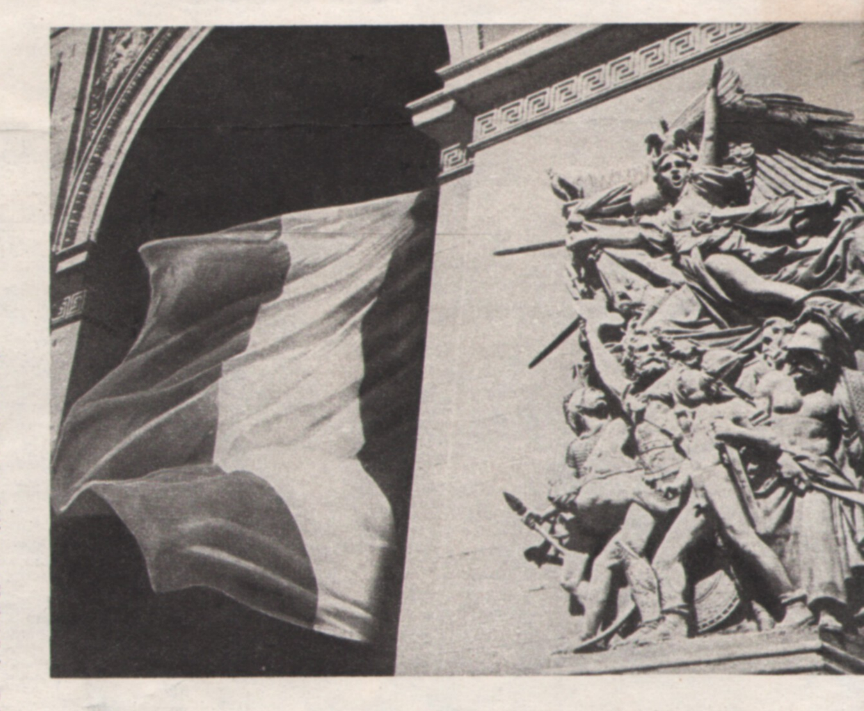
Ни один другой монумент не связан так тесно с историей Франции, как Триумфальная арка в Париже. Под ней останавливаются в траурном молчании похоронные процессии, когда хоронят великих сынов страны.

В 1871 году Коммуна складывала под ней свои запасы пороха и установила на ней пять артиллерийских орудий.

Под ее сводами похоронили сына всех французских матерей, потерявших своих детей в первой мировой войне,— арка стала местом погребения Неизвестного солдата.

Когда четверть века спустя шли последние бои за освобождение Парижа, танк № 52 из знаменитой танковой дивизии Леклерка первым ворвался на Площадь Звезды. На вершине арки уже развертывалось огромное трехцветное знамя освобождения, вывешенное патриотами.

Год тому назад к Триумфальной арке пришли реставраторы. Скульптуры, одну из которых мы воспроизводим в этом номере, были тщательно реставрированы.

Знаменитая «Марсельеза».

5 июля по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Советский Союз с официальным визитом прибыл Президент Федеративной Республики Камерун Амаду Ахиджо.

Советские люди приветствуют Президента Федеративной Республики Камерун и в его лице дружественный камерунский народ и выражают надежду, что визит президента в СССР будет содействовать дальнейшему развитию отношений между Советским Союзом и Камеруном.

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Федеративной Республики Камерун Амаду Ахиджо обходят строй почетного караула.

Фото А. Бочинина.

АГРЕССОР У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Миру брошен вызов.

Израильские агрессоры, совершив злодейское нападение на соседей, укрепляются на захваченных землях Объединенной Арабской Республики, Сирии, Иордании. Они намереваются продиктовать свою волю арабским странам.

Откуда у агрессора взялась эта наглость, эта уверенность в своей безнаказанности, это развязное отношение к требованию мировой общественности очистить оккупированную территорию? Ответа на это не нужно долго искать. Ландскнехтам империализма из Тель-Авива уже давно была предписана роль ударного отряда против прогрессивных режимов Ближнего Востока.

Вот любопытные совпадения. В январе этого года, когда Сирийская Республика решительно потребовала от международного нефтяного картеля, который использовал сирийскую территорию для транспортировки нефти, удовлетворения своих законных прав, в американском журнале «Тайм» появилась статья об Израиле. В ней журнал с многозначительными намеками писал о военной мощи Израиля и, подсказывая агрессору, отмечал, что израильская авиация, превосходя сирийскую в четыре раза, может нанести сильный удар по сирийским укреплениям на границе. В апреле, после израильской провокации против Сирии, когда на Ближнем Востоке стало все сильнее пахнуть порохом, премьер-министр Израиля Леви Эшкол дал интервью другому американскому журналу, «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». В этом интервью он подчеркнул, что США снабжают его армию самолетами, и одновременно поведал о тех заверениях, которые он получил от империалистических кругов США. Эти заверения сводились к следующему: «Мы (то есть американцы) на месте. Шестой флот на месте».

Конечно, это вовсе не случайные совпадения. Израиль пользовался поддержкой империалистов США и других стран до и во время агрессии. Он пользуется ею и сейчас. Вот источник наглости и самоуверенности агрессора.

По инициативе Советского Союза, верного принципам защиты жертв агрессора и поддержки законных прав арабских народов, в Нью-Йорке была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе этой сессии в выступлениях советских представителей и представителей других стран Израиль был разоблачен как агрессор. Вместе с ним были разоблачены и позорные планы тех, кто поддерживал его. Сам факт созыва этой сессии означает, что агрессор поставлен к позорному столбу.

Как и следовало ожидать, у израильских разбойников нашлись на сессии адвокаты. Империалистические страны препятствуют тому, чтобы агрессор получил полную меру осуждения. Но слишком рано радоваться эшколам, даянам и эбанам. Их подлая роль в империалистических планах ясна. И им не уйти от ответственности за агрессию.

Нельзя безнаказанно бросать миру вызов.

А. СЕРБИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

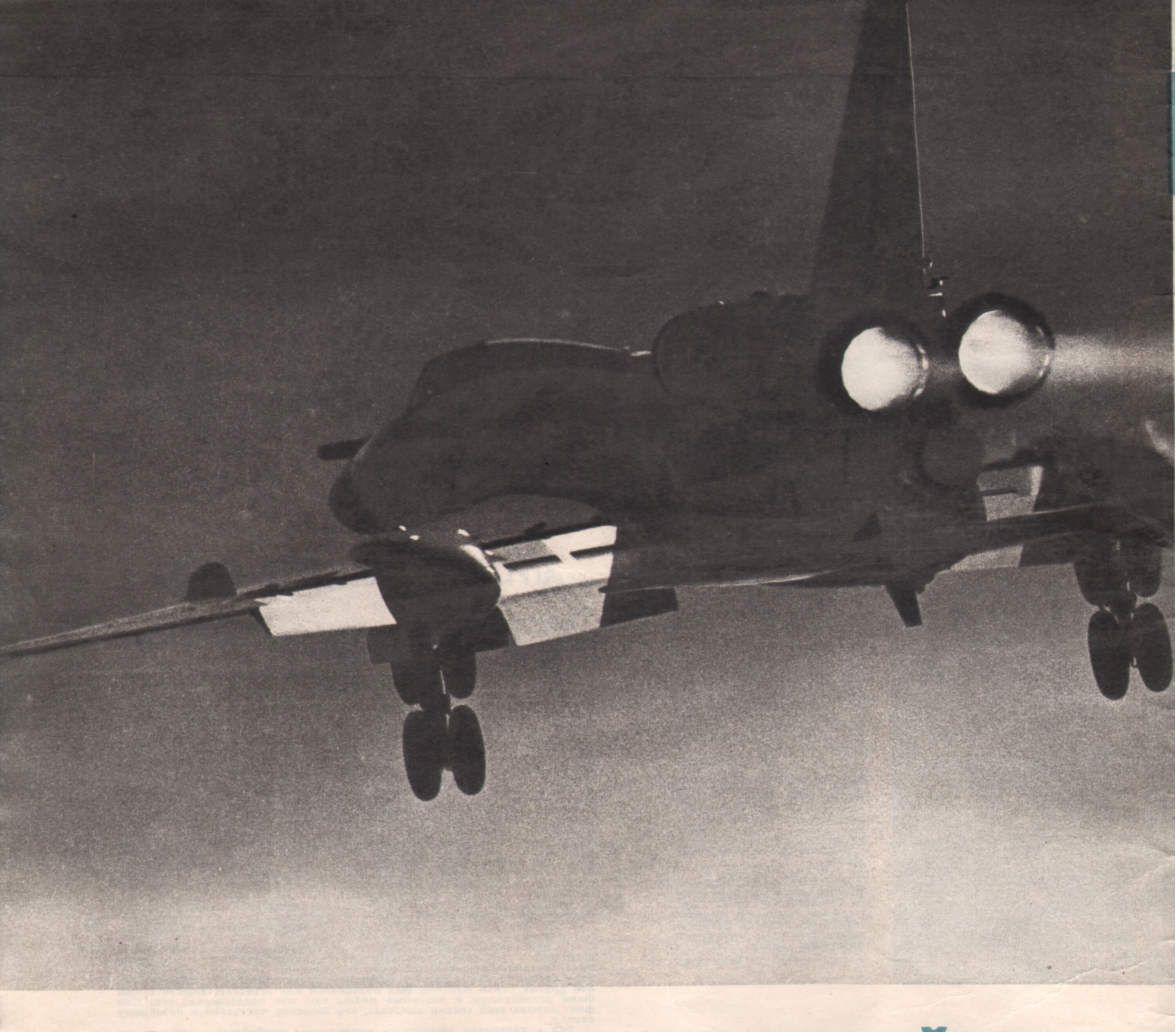

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

46-й год издания

№ 28 (2089)

9 ИЮЛЯ 1967

Репортаж с аэродрома ракетоносцев ведут специальные корреспонденты «Огонька»

А. ГОЛИКОВ, Г. МАКАРОВ

СВЕРХЗВУКОВОЙ ВЫХ

Первый раз мы увидели, как летает генерал Иван Владимирович Горбунов в столичном аэропорту Домодедово на тренировке к авиационному параду. Его сверхзвуковой ракетоносец под эскортом шести истребителей возглавлял колонну военных самолетов. Вслед за флагманом тройками, в плотном строю шли еще двадцать четыре ракетоносца. Они летели низко, точно соблюдая дистанции и интервалы, казались привязанными друг к другу.

...С командного пункта видно все летное поле. Над ним низкие серые облака. Идет дождь. Ракетоносцы на стоянке напоминают нахохлившихся хищных птиц.

— Видно, тренировка не состоится? — спрашиваем у генерала Горбунова.

— Полетим! — отвечает он.— В Москве погода хорошая.

Блестящий от дождя флагманский ракетоносец выруливает на старт. Получив разрешение на взлет, мчится по бетонной полосе и, взлетев, почти сразу скрывается из виду. Вслед за ним, сотрясая землю гулом реактивных двигателей, уходят в воздух остальные самолеты. Затем они строятся в колонну и берут курс на Москву.

За полетом группы ракетоносцев внимательно следят на командном пункте. Погода на маршруте оказалась неважной, но корабли точно выдержали время и прошли над аэродромом Домодедово, как говорят летчики, отлично, «по нулям».

Полет окончен. Садились ракетоносцы так же, как и взлетали,— в сложных метеорологических условиях.

На командный пункт приходит генерал.

— Хорошо слетали,— рассказывает нам Иван Владимирович,— даже, можно сказать, отлично. Метеорологическая обстановка на маршруте оказалась сложнее, чем думали. Чтоб не опоздать к назначенному времени, пришлось лететь при весьма ограниченной видимости... Все волновался, справятся ли летчики в таком сложном полете. Ведь строй-то у нас плотный, и погода плохая. Как только вышли на генеральный курс парада, запрашиваю по радио: где кто? Все точно на своих местах. Трудное позади. Задание будет выполнено, и строй парадной колонны будет хорошим.

— Кто в полете особенно отличился?

— Командиры кораблей Ломан, Кравченко, Мошкунов, Волков, Черняев... Да в общем-то все отлично летали. Молодцы, настоящие воздушные богатыри!

— А во время подготовки к воздушному параду боевая учеба продолжается?

— Да. Она идет своим чередом. Завтра на рассвете вылетает экипаж офицера Бесараба. Выполнит тренировочный полет по маршруту и пуск ракеты по цели.

...Солнце еще не взошло. По росистой траве аэродрома идем к стоянке самолетов. Техники уже готовят ракетоносец к полету. Грозная машина, когда находишься с ней рядом, ошеломляет. Поражают не только размеры, хотя самолет не мал. Узкий, остроносый, с небольшими, косо отброшенными назад крыльями, он кажется могучим стремительным существом, пришельцем из мира огромных, неземных скоростей.

Маленький тягач подвозит под самолет ракету, и техники специальным механизмом быстро водворяют ее на место. Большая, крылатая, она поблескивает под фюзеляжем ракетоносца, словно второй самолет меньших размеров. Занимает свои места экипаж: командир корабля Дмитрий Илларионович Бесараб, штурман Алексей Ильич Горячев, оператор Алексей Васильевич Козлов.

В конструкции ракетоносца все непривычно для нас, служивших в авиации в военные годы.

Идет последняя подготовка к полету. Гудят двигатели, и ракетоносец рулит на старт.

ОДИТ НА ЦЕЛЬ...

Взлет сверхзвукового — зрелище впечатляющее! За хвостом корабля бушует огненный вихрь, грохот такой, что прижимает к земле. Машина проносится по аэродрому и круто уходит в небо.

Сверхзвуковой самолет оборудован самой совершенной автоматикой и электроникой, которые облегчают труд экипажа в дальних напряженных полетах. Ведь ракетоносец может дозаправиться горючим в воздухе от специального самолета-танкера и без посадок пересекать континенты и океаны.

Набрав нужную высоту, Дмитрий Илларионович включает автопилот, а штурман — навигационное вычислительное устройство. Оно выполняет в полете все штурманские расчеты и выводит самолет точно на заданную цель. Оператор тем временем получает дополнительные указания с командного пункта.

Во время Отечественной войны одному из нас приходилось летать на бомбометания по вражеским объектам и испытать ураганный огонь зениток, особенно опасный, когда самолет ложится на боевой курс. Штурман в это время производит расчеты и прицеливание, а летчик не имеет права менять курс, высоту, скорость. А как же ракетоносец?

Он тоже ложится на боевой курс, но делает это, не входя в зону ПВО противника. До цели еще многие сотни километров, а приборы уже обнаружили ее. Горячев докладывает командиру корабля о готовности ракеты к пуску.

— Произвести пуск! — командует Бесараб.

Штурман выполняет команду, и самолет словно вспухает. Это отделилась ракета. Двигатели ее заработали. Секунду летчики видели перед самолетом удаляющееся блестящее тело с огненным хвостом позади. Со скоростью, в несколько раз превышающей скорость звука, ракета, грозная и неотвратимая, помчалась к цели...

В ПУНКТИРНОМ ПОЛЕТЕ

Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР
В. ВАСИН

В квартире Героя Советского Союза, заслуженного летчика-испытателя СССР Валентина Петровича Васина акваланг и охотничьи ружья примостились возле книжных полок. Книг тут много: художественная литература, учебники по высшей математике, сопротивлению материалов, аэродинамике...

— Спорт я люблю. Особенно охоту и подводное плавание,— говорит Валентин Петрович.— А учебники? Я ведь не так давно авиационный институт окончил, вечерний факультет. Теперь в этом же институте сын занимается. Так что учебники снова пригодились.

Корреспондент «Огонька» А. Голиков попросил Валентина Петровича рассказать о наиболее интересных и наиболее опасных полетах, которые ему приходилось выполнять. Вот его рассказ.

Интересные полеты не всегда бывают самыми опасными. Например, несколько лет назад мне пришлось участвовать в создании автоматической системы, которая позволяет управлять самолетом по радио с земли. Работа, в общем, была не такая уж сложная, но впечатляющая.

Инженеры установили на приборной доске самолета с новой автоматической системой щиток с кнопками. Возле каждой надпись: «Взлет», «Набор высоты», «Разворот влево», «Разворот вправо» и так далее. Нажимая их, я сам отдавал по радио самолету соответствующие команды. А на ручке управления помещалась еще одна кнопка — мгновенного отключения автоматики и перехода на обычное, ручное управление. Это уже для страховки.

...Поднялся в воздух. Для безопасности набрал высоту побольше и включил автоматику. Готовый ко всяким неожиданностям, нажимаю кнопку «Убрать шасси». Смотрю — убираются. Даю команду: «Набор высоты». Самолет выполняет. Приказываю: «Перейти в горизонтальный полет». Пожалуйста — лечу по горизонту.

«Ну,— думаю,— молодцы инженеры!» Нажимаю еще одну кнопку —

Скоро старт.

«Левый вираж»,— и вдруг машина круто уходит в правый. Отключаю автоматику, выравниваю самолет. Система-то оказалась далеко не совершенной и преподносила сюрприз за сюрпризом. Подаю команду «Снижение», а самолет крутит бочку. В общем, пришлось все время быть настороже и исправлять неточности техники.

После такого полета, пожалуй, устаешь не меньше, чем после сложных испытаний. Изматывало постоянное нервное напряжение.

К чести инженеров надо сказать, что с каждым новым подъемом в воздух автоматическая система действовала все лучше и лучше. Наконец наступил день, когда система была безупречно отработана, и я отправился в заключительный полет. В кабине сидел, скрестив на груди руки, как пассажир. Команда «Начать взлет» была передана с земли по радио. Сектор газа сам собой пошел вперед, двигатель загудел на максимальных оборотах, и самолет помчался по бетонной полосе. На нужной скорости он поднял нос, потом оторвался от земли, убрал шасси и стал набирать высоту. Машина безупречно делала «горки», виражи, пикировала... Двигались педали, ручка управления уходила то вперед, то назад, отклонялась влево, вправо, сектор газа то прибавлял обороты двигателя, то уменьшал их. В общем, это был по-настоящему академический пилотаж.

А меня будто и нет в кабине: ни к чему не прикасаюсь. И только иногда казалось, что рядом со мной находится еще один летчик, который ведет самолет. Ощущение это было настолько сильным, что я даже оглянулся: «Где он?» «Ну,— говорю себе,— это уж мистика». Однако, когда испытания кончились, я с удовольствием отключил автоматику и сам повел машину.

За пятнадцать лет работы летчиком-испытателем, конечно, всякое случалось. Но порой опасное положение, в котором оказывается летчик, становится темой для специальных испытаний. Например, посадка самолета с остановленным двигателем. Современные сверхзвуковые самолеты, похожие на ракету, с коротким треугольным крылом, плохо планируют. Поэтому инструкция приказывала летчику при отказе двигателя покидать самолет с парашютом.

Первым нарушил эту инструкцию Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель Ильюшин. Он в подобной ситуации благополучно посадил самолет на свой аэродром. Потом точно так же поступили еще несколько летчиков, в том числе и я.

Испытатель прибегает к парашюту весьма неохотно, только в самом крайнем случае. Всегда хочется сохранить машину, чтобы выяснить причину отказа той или иной детали. Поэтому, когда у меня заглох двигатель и все попытки вновь его запустить оказались напрасными, я потянул к своему аэродрому. И все обошлось. А вскоре, выполняя специальную программу полетов, я уже неоднократно выключал в воздухе двигатель сверхзвукового самолета и шел на посадку. Такая посадка имеет свои особенности. Можно сказать, что она качественно отличается от обычной. Выравнивать самолет надо не над землей, а на высоте 150—200 метров. И скорость при этом следует держать раза в полтора больше, чем всегда. Однако при достаточной тренировке любой квалифицированный летчик, оказавшись в такой аварийной ситуации, может благополучно посадить на аэродром сверхзвуковой самолет.

Все это я выяснил, летая на одном типе самолета. Потом для таких же исследований пересел на другой тип сверхзвукового самолета. Сначала уточнил, как быстро он снижается при остановленном двигателе, сколько теряет высоты на разворотах. Затем, имитируя аварийную посадку на аэродром, произвел все расчеты. Никаких неожиданностей не предвиделось, и я, выключив двигатель, уже по-настоящему пошел на посадку.

Все было нормально, расчет правильный. И вдруг на высоте 3 тысячи метров лобовое стекло изнутри стало покрываться капельками влаги. Стекло запотевало. Протереть его я не мог: мешало толстое бронестекло. Ничего, думаю, успею сесть, ведь вертикальная скорость снижения — 40 метров в секунду.

И в то же мгновение я оказался словно под ватным колпаком: абсолютно ничего перед собой не вижу. А высота уже такая, что прибегать к парашюту бесполезно. Одна надежда — успеть запустить двигатель и уйти на второй круг. Нажал на пусковую кнопку. В ответ услышал знакомый гул реактивной турбины. А до земли уже метров 300. Но теперь это не страшно. Набираю высоту, лобовое стекло вновь становится прозрачным, и я благополучно сажусь на аэродром, на этот раз не выключая двигателя.

Что же произошло? В нормальном полете двигатель гонит струю воздуха и обдувает изнутри лобовое стекло, не дает ему запотевать. Двигатель остановился — и на стекло стала оседать влага. Инженеры нашли простой способ избежать этого, и посадка без двигателя оказалась такой же доступной, как и на других сверхзвуковых машинах.

Рискованные ситуации, как правило, возникают неожиданно, и порой опасность надвигается совсем не с той стороны, откуда ее ждет летчик. Так, однажды я испытывал опытный самолет, созданный для полета на больших высотах со скоростью, вдвое и более превышающей скорость звука. В этой машине экспериментальными были и планер и двигатель, способный развивать огромную мощность. Поистине шаг в неизведанное.

Машина оказалась отличной, все полеты прошли на редкость удачно, и когда акт об успешном испытании был комиссией подписан, я ходил именинником. Такое событие надо отпраздновать. Вместе с друзьями Борисом Мельниковым и Володей Нефедовым я решил поехать на охоту. Нефедов и Мельников, блестящие летчики-испытатели, понимали и разделяли мое праздничное настроение. В субботу пораньше, благо все были свободны от полетов, мы уложили рюкзаки, забрали ружья и только хотели двинуться в путь-дорогу, как раздался телефонный звонок. Звонят с аэродрома. Вызывают меня. На экспериментальном самолете дальнейшие исследования стал проводить другой летчик, и у него в воздухе капризничал двигатель. Мне предложили немедленно еще раз проверить двигатель в полете.

— Подождите меня минут пятьдесят,— говорю я друзьям и мчусь на аэродром.

Инженеры опробовали двигатель на земле и не нашли никаких дефектов. У меня тоже не было оснований для сомнений. Быстро набираю высоту, на которой, по словам летчика, капризничал двигатель. Здесь мир контрастов. Снаружи нестерпимо яркое солнце, а в кабине — густые тени. На нижней части приборной доски, куда не достигает солнечный свет, с трудом можно прочесть показания приборов. Облака лежат далеко внизу.

Приступаю к испытаниям. Известно, что двигатель капризничал при запуске. Поэтому я разгоняю машину по горизонту и выключаю двигатель. Торможения почти не чувствую: настолько здесь разреженный воздух. Включил двигатель — он сразу же начинает работать — и почувствовал легкий толчок в спину: скорость возрастает. Так несколько раз подряд я выключал и включал двигатель. Запускался он безотказно. Самолет как бы прочерчивал в небе пунктирную линию...

По радио докладываю на КП, что испытания закончил. И вдруг начинаю ощущать легкое головокружение, словно не хватает воздуха. Думаю: видимо, испортилась кислородная система, надо быстрее снижаться, быстрее покинуть зону кислородного голодания. Отыскивать неисправность нет времени. Кислородный голод — очень опасный и коварный враг: не успеешь оглянуться, как посинеют губы, ногти, потеряешь сознание.

Едва возникла опасность, я перевел машину в пикирование. Самолет мчался к земле, но кислородный голод уже давал себя знать: на глаза словно опустилась темная сетка. Сделаешь усилие — и она поднимется, но ненадолго. А потом и вовсе глаза застлала какая-то серая муть. Думаю, все, сейчас потеряю сознание. Но тут же заметил на стеклах кабины капельки воды и обрадовался: значит, в облака попал, значит, до земли недалеко. И действительно, в голове прояснилось, силы вернулись. Друзей я не обманул. На охоту мы выехали в назначенное время...

ПО КИН

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. Умнова и Л. Шерстенникова.

Когда вам предстоит увидеть, как живут люди в 60 странах, можете смело считать, что вас ждет кругосветное путешествие.

5 июля фестивальный корабль, имея на борту делегации 70 с лишним стран и корпус корреспондентов не менее 500 человек, отправился в путешествие по глобусу. На экране — мир. Его надежды и тревоги, будни и праздники, любовь и подвиг, счастье материнства и ужасы войны.

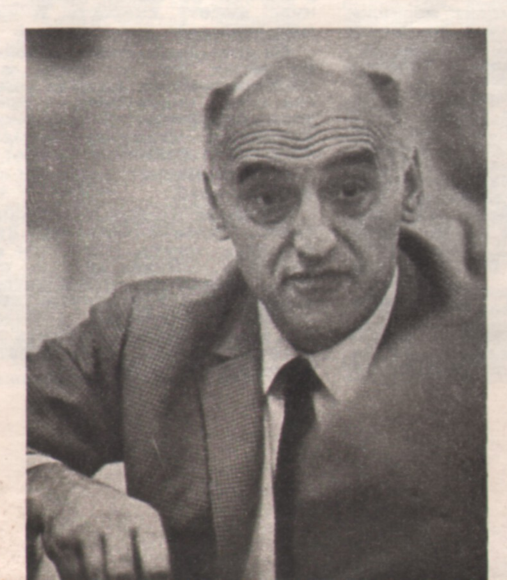
Обо всем этом на V Международном кинофестивале рассказывают художественные и документальные, научные и мультипликационные, взрослые и детские фильмы.

Прогрессивные художники мира показывают в своих лентах, как и чем живет сегодня их народ.

Что же объединяет все эти картины, такие разные по содержанию, образам, стилю,— фильмы, созданные в странах, где начиналась история кино, и там, где это искусство только зарождается?

Вся программа — фильмы, участвующие в конкурсе, и те, что демонстрируются в эти дни лишь для ознакомления,— подчинена высокому девизу фестиваля, призывающему к гуманизму искусства, миру и дружбе народов. О том, как художники толкуют этот девиз, уже выносит свое суждение большое и главное жюри фестиваля — московские зрители; пишут кинокритики; в жарких дискуссиях обсуждают высокие судьи — члены жюри, ведущие кинематографисты мира. В искусстве нет ни метров, ни секунд, ни очков, ни голов, а нужно вынести точное решение. Ну, как сказать, что лучше: французская кинолента «Вор» с Жаном Бельмондо или итальянская «Операция святой Януарий», где снимался Тото? А может быть, индийская «Третья клятва» с грустными песнями Раджа Капура или венгерская картина «Отец»? Но до раздачи призов и медалей еще более 10 дней, более 150 фильмов, а пока каждый член жюри свое мнение держит от всех в тайне, особенно от корреспондентов. «Это наше основное преимущество,— смеются члены жюри,— мы по крайней мере свободны от интервью». Зато, если спросить у членов делегаций, они смело смогут сказать, что делили свое время между кинозалом и интервью поровну. И хотя в программе фестиваля любое утро начинается с экскурсий, но кому из звезд удавалось следовать это-

Ежи Кавалерович (Польша).

Джанни Родари

Тху Хиен
и Ли Тхай Бао
(ДРВ).

Лесли Карон (Англия).

ОГЛОБУСУ

му, не дав перед тем одно или два интервью, не улыбнувшись пяти — десяти фоторепортерам! А путь от подъезда гостиницы «Москва» до машин, что ждут их тут же на мостовой, поистине самый долгий из всех рейсов, что совершали они в Москве, хотя путешествие по нашей столице — одна из самых притягательных сил фестиваля и ему гости стремятся уделить все свободное время. Но у московских поклонников киноискусства своя программа фестиваля, и не получить автограф Алексея Баталова, Людмилы Савельевой, Пьетро Джерми, Гюнтера Симона или Моники Витти, не побеседовать с Анджеем Вайдой, Стенли Крамером, Иштваном Сабо, Иржи Секвенсом, ну, просто невозможно. Все это звезды первой величины, их фильмы ежедневно совершают половокружительное турне по кинотеатрам и творческим клубам Москвы, и, конечно, о многом хочется поговорить с их создателями. Поэтому пресс-конференции идут ежедневно не только в гостинице «Москва», но и далеко за ее пределами.

Особенно тяжело пришлось вьетнамским кинематографистам: где бы они ни появлялись, их обступали корреспонденты, коллеги из других стран, жители Москвы.

Танцовщица Тху Хиен впервые снималась в кино, в фильме «Нгуен Ван Чой», который будет показан на фестивале, и в Москве давала первое интервью. У режиссера Ли Тхай Бао бóльший опыт в кино. Они рассказывают нам о своей работе: «Это фильм о нашем народном герое. Ни пытки, ни угрозы, ни приближающийся расстрел не сломили Ван Чоя. Он оставался героем и верил в то, что дело, за которое он отдает жизнь, победит. Тху Хиен играет его жену. В фильме показано гражданское и общественное возмужание этой наивной девочки, ставшей соратником и единомышленником своего мужа. Расставаясь с героями, зритель убежден, что она выполнит завещание мужа, и, как тысячи других женщин Вьетнама, будет верным бойцом. Это героико-лирическая поэма (мы хотели написать лирико-героическая, но вьетнамские товарищи нам сказали, что только такая последовательность будет точна) о подвиге народа в Южном Вьетнаме, поэма о чистой, большой любви. Наша кинематография развивается и производит картин больше, чем раньше. Мы снимаем в год 10 художественных, 2—3 мультипликационных и 200 документальных кинолент».

...Московский фестиваль славится открытием новых звезд. Сейчас в центре внимания фестиваля молодая польская актриса Пола Ракса и советский режиссер Михаил Богин. Собственно, Богина открыл IV Московский фестиваль, на котором его первая работа — короткометражная картина «Двое» — была отмечена золотой медалью. Полу Раксу мы узнали 5 июля, когда в Кремлевском Дворце съездов на торжественном открытии фестиваля демонстрировался фильм «Зося». О картине этой еще будут много писать и говорить; в ней есть все, что близко зрителю: и чистота чувств, и горечь разлуки, и скорбь, и светлая память о тех, кто не вернулся с войны. Мы же хотим сказать о факте примечательном, как нам кажется, для данного фестиваля — о творческом содружестве прогрессивных кинематографистов мира. «Зося» не исключение. В фильме Сергея Герасимова «Журналист», который будет показан во второй половине программы, снимались наряду с такими корифеями, как Тамара Макарова, Надежда Федосова, самим Сергеем Аполлинариевичем, и молодыми советскими артистами Галиной Польских и Юрием Васильевым известная актриса Франции — Анни Жирардо и недавно гастролировавшая в Советском Союзе Мирель Матье. Николай Крючков исполняет одну из главных ролей в монгольском фильме «Наводнение». Примеры эти можно продолжать, и говорят они о том, что девиз фестиваля живет не только в фильмах, но и в сердцах тех, кто создает их.

приехал с женой и дочерью (Италия).

Люцина Винницка (Польша).

ВЕЧНО ЖИВОЕ МОРЕ...

Эльвира ПОПОВА

Кто он!

Андрею Лескову, сыну знаменитого писателя, запомнился слышанный им от отца рассказ «маленького художника» Я. Филатова:

«Сижу как-то и копирую марину. Дело идет к концу. Небо в свинцовых тучах, и бушующее море, и разбиваемый на рифах волнами корабль... все верно, на месте и, кажется, неплохо. Не удаются только брызги на прибрежных скалах. Сажаю их точка в точку, как на оригинале, но там живут и блещут, а у меня мертвы. Сниму их мастихином — и опять за то же и с тем же неуспехом. А сзади кто-то давно стал и стоит. Хоть бы ушел скорее. «Не выходит?» — слышу за спиной... отвечаю: Не выходит! — «Да так никогда и не выйдет». — Ну, думаю, надо обернуться. Кто же это такой? Бритая губа и подбородок, бакенбарды, внушительный нос, совсем не артистическая, а чисто сановническая осанка. Неужели?..

А тот тем временем спокойно говорит: «Позволите?» Как не позволить? Пожалуйста! Сам подаюсь от мольберта и подаю ему свою тоненькую кисть... А он, и не взглянув на нее, нагнулся, выбрал большую грубую кисть, разжидил краску, стряхнул слегка кисть-то, повернул ее в левой руке вверх, взял в правую мастихин, поставил поперек над кистью, присмотрелся к скалам да острым его ребром как черкнет от копии к себе, скалы-то враз живыми брызгами и заиграли. Я и обомлел.

«Иначе, — говорит, — уважаемый коллега, это не делается». — И с легким поклоном сановник мой пошел дальше...».

Кто же был этот важный господин, в чьих руках неподатливая кисть стала волшебной? Для современников рассказчика, пожалуй, и не было здесь вопроса. По «живым брызгам», озарившим картину, вмиг догадались бы они, что скромный копиист «удостоился указаний самого творца марины — Айвазовского». Ведь к тому времени уже ровно три десятилетия вся Россия знала его картины, его живописный почерк.

А путь его в искусство с первых, овеянных романтизмом шагов благословил сам Гоголь.

«Исполать тебе, Ваня! Пришел ты, маленький человек, с берегов Невы в Рим и сразу поднял «Хаос» в Ватикане!..» Великий писатель произнес эти слова на банкете, устроенном русскими художниками Айвазовскому в Риме после необыкновенного успеха его картин на выставке 1841 года, где папа Григорий XVI купил картину «Хаос».

После Италии были Париж, Лондон, Лисабон, Гренада, Мальта, Амстердам... И повсюду — шумный успех.

Но вскоре прославившийся во всем мире 25-летний художник, пенсионер Академии, на два года ранее положенного срока возвращается домой.

В Петербурге Айвазовскому присуждается звание академика. И тут же следует необыкновенное распоряжение: «Художника Айвазовского причислить к Главному Морскому штабу... с званием живописца сего Штаба, с правом носить мундир Морского Министерства с тем, чтобы звание сие считать почетным». Художник сделал его почетным! Воспевая подвиги русских моряков, он «не забывает увековечить все, что только может иметь интерес для будущего поколения, потому что люди умирают и в памяти народов остаются лишь их дела и имена» — так писали об Айвазовском его современники. И феерический «Чесменский бой» исполнен гордостью победы.

«Мой адрес — всегда в г. Феодосии»

Когда любимец славы, несмотря на уговоры Николая I, решил навсегда поселиться в далекой, маленькой Феодосии, многие сомневались: «Не верим намерениям художника, но, как бы то ни было, он строится в Феодосии...»

До сих пор стоит на прибрежном Феодосийском бульваре та самая вилла с высокой балюстрадой, мраморными, терракотовыми статуями и бюстами в нишах. Во втором этаже — большая, некогда выкрашенная в темно-красный цвет мастерская с широким циркульным окном, выходящим в замкнутый двор. Здесь было создано лучшее: «Девятый вал», «Черное море», «Среди волн», «Георгиевский монастырь»...

«Радуга»! Будете в Третьяковской галерее, задержитесь подольше перед этим напоенным соленой влагой и солнечным светом полотном, которое художник заключил не в золоченую, как обычно, а в черную резную раму, чтобы не заглушить изысканного живописного аккорда.

Мастер так выбрал точку, с которой писал картину, что теперь мы с вами будто стоим среди разбушевавшихся волн, глядя с тревогой и надеждой вперед, сквозь слепящее влажное марево.

«Водяной гений», — скажет Горький. И это не потому только, что с виртуозной легкостью пишет он водную стихию, но и потому, что море — родное Черное море — взлелеяло, выпестовало, вдохновило его морской талант.

Истинную любовь не скроешь: «Несмотря на то, что Айвазовский писал все моря: Средиземное — у берегов Канн и Афин, Атлантический океан — у Биаррица, — Черное море занимает главное место в его творчестве. Оно самое близкое его сердцу» — это пишет газета «Le Temps» в апреле 1890 года, во время выставки картин Айвазовского в Париже.

И, словно бы сознавая, что всем обязан он тому уголку земли, где родился, Иван Константинович всю свою жизнь заботился о Феодосии: порт, железная дорога, художественная галерея, библиотека, драгоценная здесь питьевая вода — не перечислить сделанного Айвазовским. И все для того, чтобы заброшенный, опустошенный холерой городишко, давно забытый его эллинскими богами, превратился в культурный центр России: «...в туманной дали годов я вижу Феодосию чистеньким, опрятным городком, не скудным задатками для будущего светлого, благодатного...»

Его чувство словно бы передалось другим художникам, преломившись множеством творческих граней. И Феодосия, Черное море для нас сегодня связаны с именами Лагорио, Дубовского, Куинджи, Боголюбова, Богаевского, поэта и художника Максимилиана Волошина...

Бессмертие

В Феодосии, перед зданием художественной галереи, держа в руках палитру и кисти, пристально вглядывается в морскую даль бронзовый Айвазовский — великий маринист. В галерее его имени на холстах, обрамленных золотом тяжелых рам, вечно живет, волнуется море.

В чем чудо непреходящего обаяния его полотен? В чем тайна его неповторимого мастерства? В чем загадка его поразительной трудоспособности?

Айвазовский на эти вопросы отвечает сам: «Движения живых стихий неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны немыслимо с натуры. Для этого-то художник и должен запомнить их... Живописец, только копирующий природу, становится ее рабом...» А природа дала ему свободу, одарив редкостным даром феноменальной зрительной памяти. Однажды всмотревшись, он мог хранить в себе вечно те состояния стихии, что длятся секунды, — проходящие, изменчивые, исключительные, такие эффекты освещения, что не поддаются воспроизведению не только с натуры, но даже при копировании картин Айвазовского. Дар этот он берег, но сам сожалел, что «слишком рано перестал изучать природу...».

О феноменальной зрительной памяти певца моря рассказывал художник Остроухов: «Узнав, что я хорошо знаком с топографией местности, (он) тотчас же потянул меня на прогулку по океанскому берегу. День был бурный, и Айвазовский, очарованный видом океанского прибоя волн, остановился на пляже...

Не спуская глаз с океана и ландшафта далеких гор, он медленным движением достал свою крохотную записную книжку и нарисовал всего лишь три линии карандашом — очертания далеких гор, линию океана у подошвы этих гор и линию берега от себя... Пройдя около версты, он снова остановился и сделал такой же рисунок из нескольких линий...

— День пасмурный сегодня, — сказал Айвазовский, — и вы мне, пожалуйста, скажите только, где у вас здесь восходит и заходит солнце.

Я указал. Айвазовский поставил в книжке несколько точек и спрятал книжку...

— Теперь пойдемте... Завтра я нарисую океанский прибой в Биаррице...

На другой день действительно были написаны три эффектные картины морского прибоя в Биаррице: утром, в полдень и при закате солнца...»

Эта неиссякаемая потребность творчества, жадный интерес к стихиям помогают нам сегодня понять, отчего про живопись Айвазовский неизменно говорил — «жажда», «страсть», «наслаждение», почему самой лучшей представлялась ему картина, стоящая на мольберте, отчего он первый изобразил Суэцкий канал, ледяные горы Антарктиды, украинские степи, Ниагару, писал затмение солнца, «Всемирный потоп», «Момент мироздания»... Пытался изобразить все состояния морской стихии на одном, схожем с программной музыкой, полотне — «От штиля к урагану»... Отчего работал так — начав картину ранним утром, заканчивал ее к 4—5 часам и даже свой предсмертный шедевр «Среди волн» (1898 год) писал в десять дней.

И стоит в Феодосийской галерее на мольберте неоконченная, последняя в его жизни картина, которую он начал 18 апреля (1 мая) 1900 года, собираясь докончить завтра. Но завтра не наступило.

Наступило бессмертие. Оно — в шести тысячах картин, что хранятся ныне не только в многочисленных галереях нашей Родины, но и в музеях Европы, Индии, Японии, Америки... Оно в том, что много людей на земле впервые в жизни узнают и начинают любить море, встретившись с картинами Айвазовского. Оно в том, что имя Айвазовского наверняка среди первых имен художников слышит каждый ребенок — ведь это о детстве своем вспоминал Суриков: «Гребнев меня учил рисовать... О Брюллове мне рассказывал, об Айвазовском, как тот воду пишет, — что совсем как живая; как формы облаков знает. Воздух — благоухание...».

САМАЯ ДОЛГАЯ НОЧЬ

Татьяна ТЭСС

Рассказ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Как всегда бывает на юге, темнота наступила сразу: едва потух закат, как на город обрушилась сухая, знойная ночь, веющая запахом моря, жареной рыбы и нагревшихся за день крыш.

В переулке рядом с клиникой жильцы обычно садились в это время ужинать. По южной привычке летом ужинали прямо на улице, вынося из дома столы и табуреты и расставляя их под деревьями. В густой пыльной листве акаций загорались яркие лампы; на ветвях грелись, точно змеи, длинные электрические провода, переброшенные из раскрытых окон. Свежо и крепко пахло разрезанным арбузом. В трещинах между камнями изо всех сил звенели бесстрашные городские сверчки.

Тоня выросла в этом большом южном городе, никуда отсюда не уезжала, и ей казалось, что так люди живут повсюду. Для нее, как для всех ее сверстников, улица была продолжением дома. У них в семье тоже ужинали во дворе под акацией, а потом Тоня вместе с сестренкой уносила со стола тарелки, полные тяжелых полосатых корок арбуза. С четырех сторон во двор выходили окна и завитые диким виноградом галерейки; вечером было видно, как в квартирах, освещенные ярким светом, двигались, разговаривали, сидели, смеялись, ссорились люди, и иногда казалось, что видишь все это в театре. После ужина Тоня любила оставаться во дворе: она садилась на скамейку под акацией, смотрела на освещенные окна, и ей представлялось, что это не соседи, которых она знает с детства, а какие-то незнакомые люди с незнакомой, таинственной жизнью...

Все это бывало, когда Тоня училась в школе, и сейчас ей казалось, что с той поры прошло бесконечное количество времени. Сейчас Тоня так уставала к вечеру, что уже ни о чем не думала, глядя на чужие окна.

Сегодня день выдался особенно трудный: в ворота клиники то и дело въезжали машины «Скорой помощи». Вывихи, переломы, ожоги, аппендициты.. Дежурил сегодня Антон Кириллович, санитарки и сестры любили его больше других врачей. Это был рослый, широкоплечий человек с рано облысевшей головой и добрыми детскими глазами. Тоню поражало, что даже в самые трудные операционные дни Антон Кириллович никогда не терял ровного и даже как будто веселого расположения духа. Зайдя в палату, где лежали после операции тяжелые больные, он шутил с ними и разговаривал так, словно они были совершенно здоровыми людьми. Когда он проходил по вестибюлю, где томились, изнемогая от тревоги, родственники больных, те бросались к нему, и он охотно останавливался и стоял на сквозняке в своем белом халате с засученными рукавами, высокий, плечистый, с загорелыми щеками рыболова, и отвечал всем весело и спокойно, будто никуда не торопился.

«Как он может шутить? — думала Тоня, глядя на добродушное лицо Антона Кирилловича.— Ведь он разговаривает с женой того больного, у которого операция продолжалась четыре часа. После операции самому Антону Кирилловичу делали инъекцию камфары, так он измучился. А сейчас шутит...»

Тоня попыталась, как бывало уже не раз, представить себе операционную и то, что в ней происходит, и опять почувствовала, как между лопаток пробежал ледяной, обжигающий холодок. «Неужели врачи могут ко всему этому привыкнуть?» — подумала она и вздохнула.

Уже больше месяца Тоня работала санитаркой в большой хирургической клинике. Десять лет подряд она ходила в 63-ю школу мимо серого каменного здания клиники, стоящего в глубине двора, за красивой чугунной решеткой. Она бежала мимо ворот клиники ранним утром, торопясь на первый урок; она неторопливо проходила мимо чугунной решетки по вечерам, когда возвращалась домой из кино и ее провожал Митя Чечик.

Вначале они шли с Митей Чечиком по переулку, где стояли, выстроившись в ряд, белые машины с красным крестом, ожидая вызова. Возле дома, под деревьями, жильцы, поужинав, играли в домино. Они с размаху стучали по столу костяшками, а из окна, опершись грудью о подоконник, высовывалась, точно из театральной ложи, девушка с черной челкой и красивым недовольным лицом. За ее спиной в комнате оглушительно пели битлсы, переписанные на магнитофонную ленту с заграничной пластинки.

И вдруг, заглушая и битлсов и стук костяшек, на весь переулок раздавался микрофонный голос, словно он шел прямо со звездного неба:

— Машина номер семь, приготовиться на выезд!

Слышался стук автомобильной дверцы, тотчас же раздавался скрежещущий звук стартера, и машина со светящимся красным крестом на крыше вырывалась из переулка и уносилась в темноту.

Куда она мчалась? Кто ожидал ее? Тень чужой беды неслышно и грозно проносилась через переулок, где под облепленной мошкарой яркой лампочкой по-прежнему стучали костяшки домино и раздавались возгласы игроков.

— Я буду врачом! — говорила Тоня, глядя в темноту.— Когда мы окончим школу, я поступлю на медицинский. Я это твердо решила.

Митя Чечик молча вздыхал. Ему важно было только одно: чтобы он мог, как и прежде, провожать Тоню по вечерам домой. А Тоня смотрела на ярко освещенные окна клиники, за которыми двигались тени, и старалась представить, как она входит в палату, взрослая, красивая, в белом врачебном халате, который ей очень идет, и будущее рисовалось ей удивительным и полным подвигов.

И вот Тоня закончила десять классов и работает в клинике, о которой мечтала. Но все оказалось совсем непохожим на ту жизнь, какая представлялась ей, когда она шла с Митей Чечиком по звездному переулку.

С утра до вечера Тоня моет полы. Она моет полы в бесконечных коридорах, в палатах, в вестибюле, в уборных, она моет лестницы, площадки, переходы. Полы надо мыть теплой мыльной водой с нашатырным спиртом, тереть их жесткой щеткой, и она трет, сидя на корточках, трет истово, старательно, и, когда приходит домой, у нее болят спина и руки, а перед глазами мелькают изразцовые плитки и каменные ступени.

Разве хирург должен уметь это делать? Когда она станет врачом, она даже не будет знать, кто вымыл пол, как, наверное, не знает этого хирург, что идет сейчас по коридору, стягивая с рук резиновые перчатки и осторожно ступая по отмытым до зеркального блеска плиткам. А Тоня стоит в это время над тазом, полным мыльной грязной воды, красная, с прилипшими к потному лбу волосами, и думает о том, что завтра полы надо мыть снова.

Для чего же она кончала школу, думала Тоня. Для чего получала пятерки за сочинения; для чего ей знать наизусть стихи Анны Ахматовой, любить Чехова и Хемингуэя? Ничего, ничего этого не нужно человеку, который с утра до вечера трет полы и выносит ведра. Уборщица тетя Фрося не знает, кто такой Хемингуэй, а моет коридор куда быстрей, чем Тоня. Если хотите, это просто нелепо: человек закончил десять классов и занимается делом, для которого его знания ни к черту не нужны. И все потому, что она недобрала одного балла на конкурсных экзаменах и не смогла поступить в этом году на медицинский. Митя Чечик поступил, а она нет. Конечно, это неприятно. Но это вовсе не значит, что она должна целый год таскать ведра с грязной водой.

«Нет, надо уходить отсюда,— думала Тоня.— Жизнь коротка,— думала Тоня,— и нельзя тратить ее так бездарно. Надо скорей уходить отсюда,— думала Тоня.— Но как сказать об этом маме?»

Она представила себе лицо мамы, потом разговор с отцом. Пойдет вспоминать войну, окопы, землянки, в десятый раз расскажет, как мама, когда он ушел на фронт, работала на военном заводе... «Нет, я от тебя этого не ждала. Какое малодушие!» — скажет ей мама, и губы у нее задрожат. Все это надо выдержать. Все это надо выдержать, потому что она твердо решила больше здесь не оставаться.

А сейчас она чуточку отдохнет. Просто выйдет во двор, сядет и будет смотреть на звезды. В конце концов человек имеет право отдохнуть. Сегодня так жарко и такой трудный, такой долгий был день.

Тоня спустилась по лестнице и вышла в вестибюль. Там стояли мужчина и женщина и кого-то ждали.

Женщина была высокая, красивая, в лиловом джемпере, с клипсами в маленьких розовых ушах. Небритый мужчина казался ниже

ее ростом, глаза его глядели растерянно. Дверь приемного покоя приоткрылась, оттуда выглянула Тамара Петровна, пожилая женщина-врач, в халате и белой шапочке на седых волосах.

— Где же Арутюнянц? — сказала она с досадой.— А ну зайди сюда, Тоня...

Тоня вошла.

— Возьми пока этого мужчину,— сказала Тамара Петровна и показала рукой на клеенчатую кушетку.— Отнесешь на второй этаж, пусть готовят к операции. Аппендицит.

На кушетке, свесив тонкие ножки, сидел мальчик лет четырех. Тоня подняла его, он доверчиво обнял ее за шею.

— Как тебя зовут? — спросила Тоня шепотом.

— Вова,— ответил мальчик грустно.

Держа его на руках, Тоня вернулась в вестибюль. Там по-прежнему стояли те двое. Женщина улыбнулась мальчику, мужчина рванулся навстречу, но остановился и только помахал рукой. Тот махнул в ответ, лицо его было серьезным, как у взрослого. Подымаясь по лестнице, Тоня обернулась: мать уже пошла к выходу, а отец все стоял и смотрел им вслед. Он еще раз помахал мальчику рукой, но тот его уже не видел.

Отдав ребенка дежурной сестре, Тоня вернулась в вестибюль. Наконец-то она может выйти во двор. Она открыла дверь, ночь обдала ее ветром, горячей тьмой, звездным блеском. Тоня села на лавочку, тишина и покой хлынули на нее, она глубоко и блаженно вздохнула. Небо, густо пересыпанное звездами, было уютным и знакомым. Тоня пошевелилась, стараясь удобней сесть, и ощутила странную тяжесть в левом плече, как будто к нему по-прежнему прижималось горячее детское тело. От этого ощущения исходила смутная тревога и вместе с тем что-то доброе и нежное, с чем не хотелось расставаться. Она распрямила спину, но ощущение не исчезало.

Тогда она закрыла глаза.

И тотчас же услыхала позади себя шорох и движение.

В полумраке двора, трагично, страстно и безмолвно, как в немом кино, металась, ломая руки, женщина. Она судорожно втягивала сквозь зубы воздух. Две другие женщины пытались ее удержать. Справа ярко светилось окно операционной, за матовым стеклом двигались длинные тени.

— Боже ж мой, ведь она могла обойти его с другой стороны! — вдруг закричала женщина отчаянным голосом.— Она могла пройти по дорожке, и тогда ничего бы не случилось! Почему, почему я не пошла вместе с ней?

— Что случилось? — спросила Тоня шепотом.

Ей никто не ответил.

— Почему, почему я не пошла с ней? — снова хрипло крикнула женщина и забилась в руках подруг.

— Сердце мое, голубочка, не убивайся так,— сказала старушка в платке и заплакала сама. Обернувшись, она увидела Тоню.— Дочка ее под самоходный кран попала,— объяснила она Тоне.— Пятнадцать лет девочке. Хотела обойти кран сзади, а очутилась между краном и забором. Машинист ее не видел и подал кран назад. А ей отступить было некуда, ее и придавило...

— Ой, Надечка, ой, моя Надюшенька, почему же ты не пошла по дорожке?..— вскрикнула женщина и громко зарыдала.

В доме через дорогу включили радио, мужской голос ласково сказал: «На станции Восток сегодня днем температура была минус шестьдесят два градуса...» За оградой самозабвенно стучали костяшками игроки в домино.

Тоня стояла неподвижно, точно окаменела. Мать подняла руки ужасным, отчаянным движением и рванула свои волосы, уложенные венцом вокруг головы. Женщины запричитали, засуетились возле нее. Тоня попятилась и ринулась обратно в клинику, словно искала там защиты.

В вестибюле она остановилась и перевела дух. И тут увидела, что на лестнице стоит Антон Кириллович. Стоит и смотрит прямо на нее.

«Чего это он на меня так уставился? — подумала Тоня встревоженно.— Может, волосы выбились из-под косынки? Он, наверное, и не знает, как меня зовут. Просто толчется у него каждый день перед глазами какая-то девчонка с толстыми щеками. Ему и дела до меня нет. Лучше бы мне вернуться во двор. Господи, но я же не могу туда вернуться...»

«Зря сестры смеются, что она моет полы в перчатках,— думал в это время Антон Кириллович, глядя на Тоню.— Дело девичье, боится, что руки огрубеют... А она старательная и как будто толковая. Может, попробовать и оставить ее сегодня дежурить в седьмой палате?»

Антон Кириллович выглядел озабоченным и мрачным. Пожалуй, в первый раз Тоня видела его в таком состоянии. Тоня стояла, не решаясь уйти, а Антон Кириллович по-прежнему молчал и смотрел на нее светлыми, усталыми глазами с припухшими веками. Молчал и думал.

Антон Кириллович спустился в вестибюль из операционной: он ампутировал ногу девочке, попавшей под самоходный кран. Иного выхода не было, ампутация оказалась неизбежной. И Антон Кириллович только что закончил эту простую и ужасную операцию, которой страшатся все хирурги.

Ему было бесконечно жалко девочку. Но, кроме жалости, его мучила еще и тревога. Он знал, что испытывают люди, когда приходят в себя после подобной операции. Особенно в таком возрасте, как эта девочка. В пятнадцать лет человек не дорожит жизнью. Она может пытаться покончить с собой; надо, чтобы возле нее все время кто-то находился. Время позднее, никого в такой час не вызовешь. И, глядя на Тоню, Антон Кириллович прикидывал, можно ли поручить ей это дежурство.

— Понимаешь, Тоня...— наконец сказал он, и Тоня в удивлении подняла на него глаза: он произнес это так привычно, словно знал ее давным-давно.— В седьмой палате лежит девочка. И вот, понимаешь... Я ей сейчас ногу ампутировал.— Он вздохнул и потер лоб.— Беда, большая беда. Так вот, я хочу тебя просить возле нее сегодня подежурить. Думал вначале мать оставить, но она в таком состоянии...— Он безнадежно махнул рукой.— Так что придется, Тоня, остаться тебе. Родных твоих мы предупредим, не беспокойся. Да и тебе пора переходить на работу в палате. Хватит полы в перчатках мыть.

Он улыбнулся, увидев, как Тоня залилась румянцем, и стал в эту минуту похожим на прежнего веселого Антона Кирилловича. Но тут же лицо его снова стало серьезным и усталым.

Он помолчал и сказал уже другим, деловым голосом:

— Пойди к Анфисе Петровне, скажи, что я назначил тебя в седьмую палату. Она тебе все покажет. Если чего не поймешь, к ней обращайся. Ну, иди.

Он повернулся и пошел в дежурку, тяжело ставя длинные ноги в летних сандалиях. А Тоня пошла к Анфисе Петровне.

Анфиса Петровна работала в клинике санитаркой больше тридцати лет. Это была высокая сердитая женщина со смуглым рябоватым лицом. В клинике ее побаивались не только молоденькие сестры, но и врачи; Тоня заметила, что даже сам профессор, обращаясь к ней, всегда говорит каким-то осторожным, извиняющимся голосом. Молчаливая, длинная, как удочка, в туго повязанной косынке на темных, без единой сединки волосах, она быстро и бесшумно проходила мимо Тони, когда та мыла полы, и только строго скашивала на нее свои маленькие, пронзительные глаза.

И вот к этой-то Анфисе Петровне Тоня и должна была сейчас обратиться.

Анфиса Петровна появилась, как всегда, внезапно. Наклонившись вперед, словно бегун на старте, она неслась по коридору, держа в руке резиновую грелку.

— В седьмую назначили? — сказала она, не дав Тоне выговорить слова.— Пока не ходи. Еще у ей все в голове мешается. Пока к ей никого не надо.— Она придирчиво и неодобрительно оглядела Тоню своими сверкающими угольными глазками.— Сейчас пойдешь со мной,— приказала она.— Поможешь поднять одного тяжеленного — постель надо ему поправить. Все руки пообрываются, пока его перекладываешь...

Анфиса Петровна вошла в мужскую палату, и Тоня робко ступила вслед за ней.

На кровати лежал старичок, сухой и легкий, как лист. Плоское тело его чуть угадывалось под одеялом.

«Неужели это и есть «тяжеленный»? — думала Тоня, глядя на маленькое, как кулачок, лицо старика, обтянутое бледной кожей.— Ведь его же ветер может сдуть...»

— Сейчас, батюшка, мы тебе постельку поправим,— сказала Анфиса Петровна, наклонившись, и Тоня не узнала ее голоса — так он был тих и мягок.— Ноженьки твои холодные согреем, спинку я тебе потру...— Она скосила на Тоню глаза и вдруг рявкнула: — Чего стоишь, подойди справа! Руки, руки под его подложи... Сейчас, сейчас, батюшка...— снова сказала она мягко и ласково.

Тоня начала осторожно приподнимать больного и изумилась: старичок оказался таким тяжелым, словно был отлит из железа. Натужась, она с трудом повернула его, пока Анфиса Петровна проворно расправляла простыню. Тоня еще не знала, что тело человека, которого болезнь сделала неподвижным, всегда становится безмерно тяжелым, ибо уже не может откликнуться на чужое живое усилие.

Запыхавшись и неловко отступив, Тоня увидела на соседней кровати мальчика, которого относила на руках из вестибюля. Очевидно, ему уже сделали операцию. Мальчик молча смотрел на нее.

— Как дела, Вова? — спросила Тоня тихо, подойдя к его кровати.

— Побаливает,— серьезно ответил мальчик.

— Потерпи немножко, тебе укол сделают, и не будет болеть. А завтра мама с папой к тебе придут...

— Это не мама,— ответил мальчик так же серьезно.— Это тетя Клава.

Смутившись, Тоня поправила ему подушку. Она вспомнила красивую женщину в лиловом джемпере, вспомнила, как та ушла из вестибюля, не оглянувшись, и смутилась еще больше.

— Пойдем отсюда,— приказала Анфиса Петровна.

В коридоре было пустынно. Из палат доносились то тяжелый вздох, то скрип кровати, то чей-то стон. Больничная ночь, полная тревожного забытья, уже совершала свой обход.

— Его мама с ними не живет,— пояснила Анфиса Петровна.— Такой хороший мальчишечка, а вот поди ты, что случилось! А из чужой тети мамы не сделаешь. Особливо из этой...

Они вошли в другую палату. На койке возле самой двери лежал белоголовый мальчик немного постарше, чем Вова. Глаза его были открыты, он не спал.

— Полюбуйся на умника,— сказала Анфиса Петровна скрипучим голосом.— Стояла на рельсах вагонетка с инструментами. Так он надумал ее рукой толкать. Другой игрушки не нашел. Дотолкался, пока руку покалечил.

Мальчик молча покосился на свою правую руку, толстую от бинтов и гипсовой повязки.

— Ну? — спросила Анфиса Петровна.— Как же теперь будет с вагонеткой?

— Придется толкать ногой,— сказал мальчик уныло.

Тоня фыркнула, но поймала грозный взгляд Анфисы Петровны и сделала постное лицо.

Они шли из палаты в палату; одни больные спали, другие встречали их стоном, жалобами... Анфиса Петровна знала каждого, кто лежал здесь, знала не только, чем человек болен, но и где он работает, какая у него семья, кто придет его завтра навещать. Сильные, жилистые ее руки были ухватистыми, словно грабли.

Неожиданно Анфиса Петровна повернулась к Тоне и сказала:

— Теперь ступай в седьмую. Как раз срок.— Прочтя на Тонином лице смятение, она добавила строго: — Не боись! Бояться тут нечего. Но глаз с ей не спускай, поняла? А я, как управлюсь, зайду к тебе.

И Тоня вошла в седьмую палату.

Это была маленькая комната, где стояла одна-единственная кровать. На ней лежала очень румяная крупная девочка с кудрявыми волосами. Тоня увидела длинные загорелые руки девочки, под больничной рубахой уга-

дывались широкие плечи спортсменки. Девочка спала. Тоня села на табурет у кровати.

И тотчас же перед ней замелькали картины всего, что она сегодня видела. Какой долгой будет эта ночь, какой долгой! Она сидела, не шевелясь, уставившись на потолок с изогнутой, точно молния, трещиной на штукатурке, и все думала, думала...

И вдруг она увидела, что девочка совсем не спит.

Не спит и смотрит прямо ей в лицо. Глаза у девочки были темные, блестящие и неподвижные.

— Может быть, ты хочешь пить? — спросила Тоня робко.

— Нет.— Голос девочки звучал низко и хрипло.— Сейчас ночь?

— Да.

— А что это шумит за окном? Дождь?

Тоня прислушалась.

— Нет, ничего не шумит,— сказала она.— Я только недавно была во дворе. Небо чистое, звезды видно.

— Звезды...— медленно повторила девочка.— А мне все кажется, что идет дождь. Что же тогда шумит? Или это море шумит? — Она замолчала.— Утром была такая теплая вода в море,— сказала она.— И очень тихо было. Я далеко заплыла. Я знаешь, где купаюсь? На Пересыпи. Ты ходишь купаться на Пересыпь?

— Нет, я на Большой Фонтан езжу. Мне туда ближе.

— А я на Пересыпи купалась. И вот вышла из воды и вижу: на берегу женщина вареную пшенку продает. Ну, кукурузу. А я ее люблю, просто ужасно люблю. И вот я купила одну штуку и пошла домой. Шла по улице и ела горячую кукурузу. Это я хорошо помню.— Она опять замолчала.— Дай мне чаю, пожалуйста,— сказала она, уставившись на Тоню своими огромными блестящими глазами.— Дай мне, пожалуйста, чаю, если можно.

Тоня побежала в дежурку. Она налила горячего чаю, вынула из своей сумки большое яблоко и положила на блюдце. Осторожно, чтобы не расплескать чай, она понесла все это в палату.

И вдруг, едва Тоня вышла из дежурки, она услыхала крик.

Это был даже не крик, а вопль, полный отчаяния и ужаса. Он ворвался в коридор, и, казалось, сразу заполнил все его пространство. На секунду вопль замер, оборвавшись хриплым рыданием, потом раздался снова, звенящий, ужасный, непохожий ни на что когда-либо слышанное Тоней, невероятный, ибо нельзя было поверить, что душа человека может вместить такое отчаяние и боль.

Послышались тревожные возгласы, скрип кроватей: больные проснулись. Тоня помчалась по коридору, она уже знала, что крик несся из седьмой палаты. Яблоко упало, чай расплескался и обжег ей руку.

Но когда она вбежала в палату, Анфиса Петровна уже была там.

Она стояла к Тоне спиной, наклонившись над постелью. Еще с порога Тоня увидела запрокинутую голову девочки, странно и страшно изогнувшееся тело, смуглые руки, вцепившиеся в спинку кровати. Серое больничное одеяло валялось на полу. Правая нога девочки, загорелая и сильная, была согнута в колене; вместо левой белел короткий, забинтованный обрубок. Сквозь бинты просочились темные пятна крови. Анфиса Петровна подняла с пола одеяло и прикрыла девочку до пояса.

— Я не знала...— хрипло крикнула та.— Почему мне не сказали? Я ничего, ничего не знала... Я только сейчас увидела...

Она рванулась и хотела сорвать с раны бинты, но Анфиса Петровна крепко схватила ее за руки.

— Стыд какой,— спокойно и негромко сказала Анфиса Петровна.— Всех больных разбудила, всех растревожила. У других, может, еще больше горе, чем у тебя. Но они терпят, они тебя жалеют.

— Почему я не умерла? — крикнула девочка.— Боже мой, мне никто не сказал... Я ничего, ничего э т о г о не знала... Нет, нет, я не буду жить! Я хочу умереть...

— Помереть — дело нехитрое.— Анфиса Петровна отпустила руки девочки и прикрыла ее плотней одеялом.— А живут люди и не с такой бедой. И живут и жизни радуются! Я тридцать пять лет здесь, навидалась, насмотрелась...

Девочка замолчала и уставилась на стену своими блестящими темными глазами. Анфиса Петровна отошла, показав Тоне рукою на табурет. Тоня робко села. Из палат по-прежнему доносился негромкий тревожный шумок. Потом все умолкло. Наступила тишина.

— Почему я не умерла? — сказала девочка. Сейчас она говорила шепотом, но он был еще страшней, чем крик.— Почему я не умерла?

— Ты привыкнешь...— сказала Тоня и сама испугалась того, что она произнесла.— И ходить будешь. Ведь ходят же люди...— Она растерянно замолчала.

Девочка медленно повернула голову и посмотрела на Тоню тяжелым взглядом.

— Привыкнешь...— сказала она с ненавистью.— Тебе легко говорить. У тебя руки-ноги целы. Что ты знаешь? — Она опять отвернулась к стенке.

Тоне была видна ее смуглая щека, завитки волос над розовым ухом и родинка, нежная коричневая родинка на шее. Она смотрела на эту родинку, не зная, куда деваться от жгучего стыда, проклиная себя за беспомощность.

— Что ты знаешь? — повторила девочка глухо.— Ничего ты не знаешь.

И вдруг Тоня неожиданно для себя самой не сказала, а как бы вытолкнула:

— Нет, знаю.

Девочка молчала.

— Знаю,— повторила Тоня с отчаянным усилием.— Ты не думай, что я ничего не переживала,— продолжала она, лихорадочно соображая, что сказать дальше.— Я страшно много пережила.

Девочка по-прежнему не смотрела на нее. Потом мучительно помотала головой и укусила себя за палец.

— Замолчи,— сказала она сквозь зубы.— Пожалуйста, не говори больше ничего.

— Повернись ко мне! — сказала Тоня умоляюще.— Слышишь? Повернись ко мне! Я расскажу тебе то, чего никогда никому не рассказывала. Поняла? Расскажу тебе одной.

Девочка по-прежнему лежала лицом к стене.

— Понимаешь,— сказала Тоня шепотом.— Я люблю одного человека. Давно люблю, еще с восьмого класса. И вот можешь себе представить, что случилось. Он шел в школу и попал под трамвай. И ему отрезало ногу. Всю, до самого бедра.— Она остановилась, охваченная ужасом от собственной неожиданной выдумки.

Девочка молчала, повернувшись лицом к стене.

— Но сейчас он ходит, как все люди,— сказала Тоня дрожащим голосом.— Ты слышишь? Как все обыкновенные люди. Он кончил школу и выдержал экзамены на медицинский. Я провалилась, а он выдержал. И я его люблю. Я его всегда буду любить, всю жизнь.

Девочка продолжала молчать, глаза ее были закрыты.

— Ты слышишь меня? — спросила Тоня с отчаянием.

Девочка ничего не ответила.

Молчание тянулось долго, так долго, что у Тони остановилось дыхание. И вдруг губы девочки тихонько зашевелились, и она спросила, не поворачиваясь к Тоне:

— Как его зовут?

— Митя Чечик,— сказала Тоня и вдруг заплакала.

Она плакала оттого, что неожиданно для себя самой поняла, как сильно она любит Митю Чечика и как это было бы ужасно, если бы с ним действительно случилась беда. И еще оттого плакала, что поняла: она его все равно любила бы, что бы с ним ни случилось. Ей было бесконечно жалко девочку и Митю Чечика и почему-то было жалко и себя, и от этого она плакала еще горше и вместе с тем чувствовала охвативший ее странный пронизывающий холодок, похожий на ощущение счастья.

Девочка по-прежнему лежала, повернувшись лицом к стене, а Тоня продолжала что-то говорить, не вытирая глаз. Наконец она остановилась.

— Это хорошо, что ты его любишь,— сказала девочка хрипло, и губы ее задрожали.

— Послушай...— Тоня взяла ее за руку.— Теперь попробуй уснуть. Очень тебя прошу. Пожалуйста, попробуй уснуть.

— Только ты не уходи,— сказала девочка.

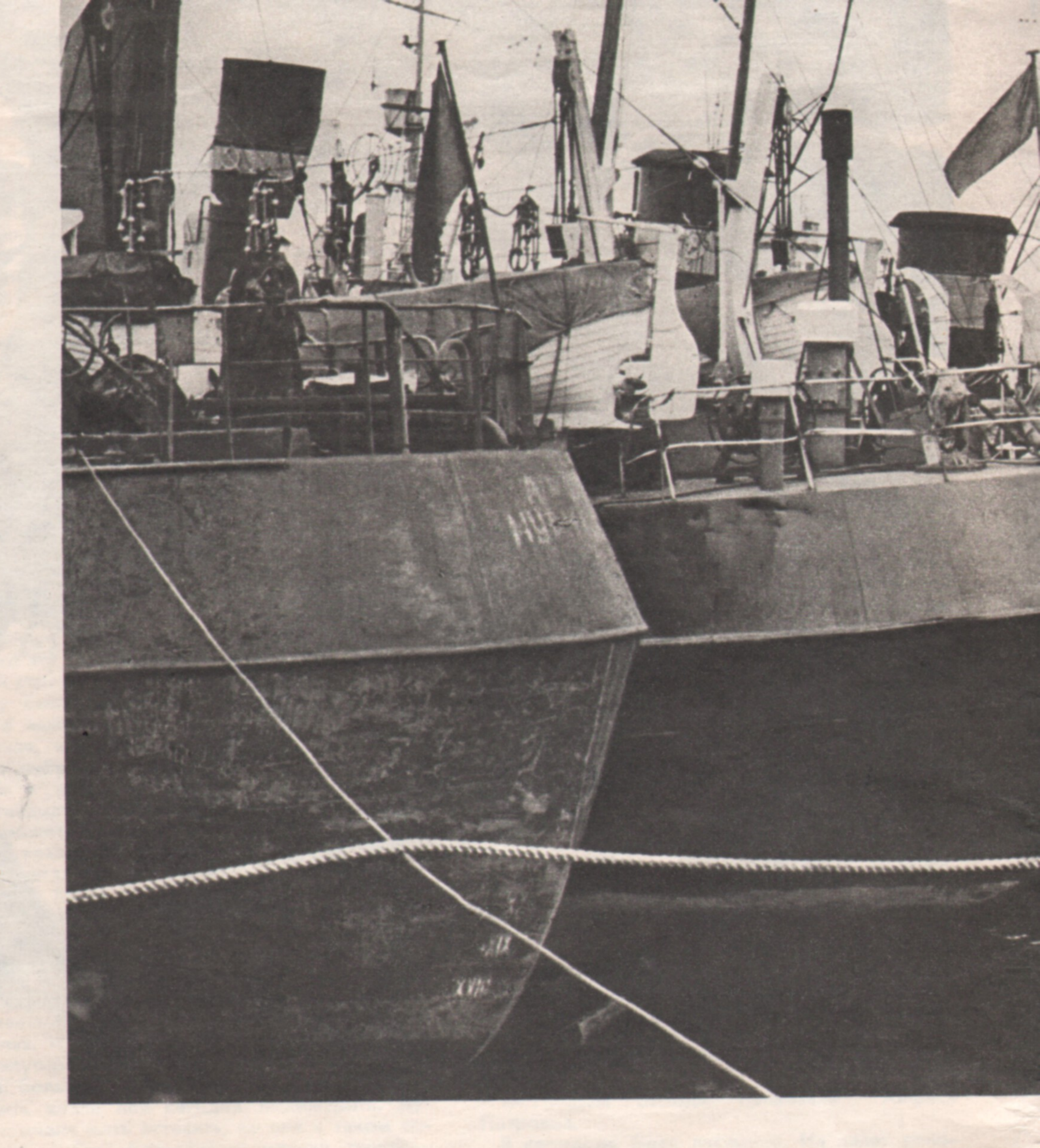
— Никуда я не уйду, что ты! Все время буду тут.

— Наверное, я никогда не смогу заснуть,— сказала девочка сонным голосом и тут же задышала глубоко и ровно.

Тоня сидела, боясь пошевелиться, боясь выпустить легкую горячую руку, доверчиво лежащую в ее ладони. Она внимательно разглядывала лицо девочки, раскрасневшееся то ли от сна, то ли от жара,— чужое лицо, которое сейчас стало для нее таким странно и мучительно знакомым. Спина Тони онемела, плечи болели, но она не шевелилась, продолжая смотреть на спящую, и вдруг почувствовала, что ей тоже ужасно хочется спать.

Тогда она тихонько повернулась и стала смотреть в окно, по-прежнему не выпуская легкой руки из своей ладони.

Южная ночь стояла за окном, как черная колонна. И высоко в небе мигал и светился старый зеленоватый ковшик созвездия Плеяды, показавшийся Тоне таким незнакомым, таким прекрасным и удивительным, словно она увидела его первый раз в жизни.

Сегодня День рыбака

О. КНОРРИНГ

ПОТОМКИ

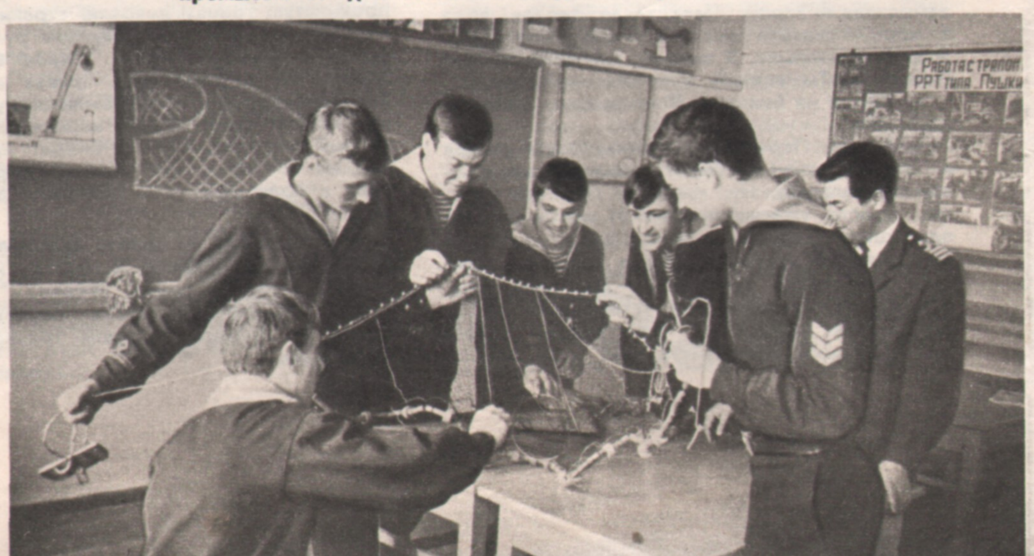
Издавна славились рыбаки Кольского полуострова. На утлых парусных суденышках выходили они, отважные, суровые, в море за рыбой и морским зверем. Ставили сети, вручную, на поддев, ловили жирную треску, били тюленей.

Многое изменилось за последние годы. Изменилось и само понятие «рыбак».

Пройдемся по Мурманскому рыбному порту. Старых деревянных парусников вы там больше не увидите. Их нет уже давно. Доживают последние дни даже паровые траулеры. На смену им пришли мощные дизельные и дизель-электроходные корабли. Борт к борту, в несколько рядов вдоль причалов стоят сотни — а сколько их еще в море! — современных рыболовных судов. Большие и средние траулеры, рефрижераторы, вспомогательные суда, буксиры, гигантские плавучие базы-рыбозаводы...

Да и ловят-то рыбу сейчас не

Будущие капитаны должны не только водить суда, но и вести промысел. А для этого необходимо изучить орудия лова.

Сотни судов стоят у причалов. И для каждого нужен капитан, механик, штурман, радист.

ПОМОРОВ

только в студеном Баренцовом море, но и у берегов Африки, Южной и Северной Америки, в Тихом и Индийском океанах, в Антарктике. На несколько месяцев за тысячи километров уходят от родного порта рыболовные флотилии. Когда трюмы наполняются рыбой, судам не надо возвращаться в порт. Улов прямо в море примет от них плавучая база. Часть рыбы на месте перерабатывается на консервы, часть замораживается или засаливается, а из отходов приготовляется рыбная мука.

Из года в год увеличивается количество рыболовецких судов, оснащенных передовой техникой. Для таких кораблей нужны знающие капитаны, штурманы, механики, радисты, технологи по переработке рыбы. Их готовят специальные высшие и средние учебные заведения. Об одном из них — Мурманском мореходном училище — наш фоторепортаж.

Представители старшего поколения — Игорь Александрович и Святослав Игоревич Карпенко. Оба — капитаны крупных рыболовных траулеров. Оба прошли путь от матроса до капитана. Быть такими, как они,— мечта каждого курсанта мореходки.

Не запутаться бы в схемах и формулах...

Курсанты мореходки. Съехались они сюда со всех концов Союза. Одних привлекла романтика моря, для других это традиционная профессия — профессия их отцов и дедов.

ВИКТОРИНА

6-й тур

Раздел ведет Е. МОСКАТОВ.

Рисунки Б. Алимова.

За первым вопросом для этого тура викторины мы обратились к руководителю электрофизической лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института новых строительных материалов НИФОНТУ НИКОЛАЕВИЧУ ДОЛГОПОЛОВУ.

РАБОТАЮТ КОСМИЧЕСКИЕ ЛУЧИ

Я с удовольствием рассказал бы читателям «Огонька» о том, что дает современная физика строителям, однако мне для этого понадобятся все страницы журнала примерно до конца года. Я понимаю, конечно, что на такое не пойдет ни одна редакция. Поэтому я лишь упомяну о чудесных возможностях рентгеновских и гамма-лучей, нейтронов и других проникающих излучений. Они уже давно используются в инженерных изысканиях, помогают определять плотность бетона и грунта, устанавливают влажность и иные свойства самых различных материалов. Можно, например, подойдя к бетонной стене, не делая в ней отверстий, измерить ее толщину. Можно определить плотность дорожного покрытия, не выходя из автомашины, и многое другое.

Сейчас развивается новое направление в приборостроении — космометрическое... Впрочем, я, кажется, увлекся. Меня просили задать читателям вопрос. Охотно это делаю.

1

Каким образом можно взвесить дом после того, как он построен?

2

Ленинский план электрификации страны был рассчитан на 10—15 лет. А сейчас СССР каждые 30 дней выполняет по пять планов ГОЭЛРО.

В Советском Союзе осваиваются и новые, необычные источники энергии. НАЗОВИТЕ ХОТЯ БЫ ТРИ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ, ГДЕ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ НОВЫЕ ВИДЫ ЭНЕРГИИ.

3

Все, наверное, слышали о радиоактивном стронции и о той опасности, которую он представляет для человека. Ученые многих стран ищут защиты от этого грозного элемента. Среди них советский ученый В. Книжников. Его выдающаяся работа внесена в Государственный реестр открытий под номером 48.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СУЩЕСТВЕ ЭТОГО ОТКРЫТИЯ?

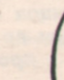
4

Более тридцати лет издает свои труды ОДИН ТАИНСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ. Его исследования переведены на многие языки и широко известны математикам всего мира. Его популярность связана не только с выдающимися работами.

В прошлом году профессор побывал в Москве на международном конгрессе своих коллег. Правда, счастливчиков, которые могли бы похвастать личным знакомством со знаменитым ученым, не нашлось даже среди участников конгресса.

ЗНАКОМО ЛИ ВАМ ИМЯ ЗАГАДОЧНОГО МАТЕМАТИКА? КАКИЕ ЕГО РАБОТЫ ВЫ ЗНАЕТЕ?

5

На земле есть много разных мостов: скромных деревянных, сделанных руками неизвестных мастеров, и величественных железобетонных, прославивших имена их создателей.

Нас интересует, знаете ли вы, ГДЕ РАСПОЛОЖЕН ВАРОЛИЕВ МОСТ и для чего он служит.

6

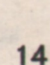
Чего только не делают метеорологи с облаками! Они их взвешивают и просвечивают, палят по ним из пушек и обстреливают ракетами, охотятся за таинственными серебристыми облаками, а порой и сами рассыпают серебро в небе.

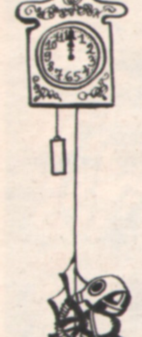
Наш вопрос: ДЛЯ ЧЕГО СЕРЕБРЯТ ОБЛАКА?

7

ЧТО ТАКОЕ ДЕКАЛЬКОМАНИЯ? Из предлагаемых ответов выберите правильный: провинция в Испании, одежда древних инков, способ изготовления переводных изображений, психическое заболевание, вымершее животное, шелковая ткань, производство консервной жести.

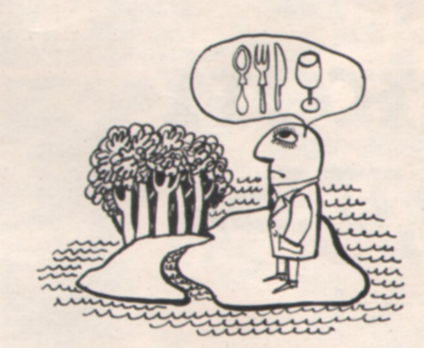

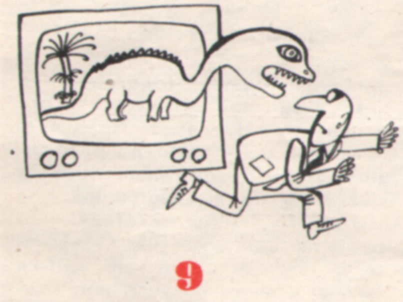

8

Тысячи ученых самых различных специальностей во всех уголках земного шара наблюдают за жизнью разных букашек. Идут поиски все новых и новых средств борьбы с вредными насекомыми. И каждый год, месяц, даже день приносит какое-нибудь новое открытие.

А теперь подумайте над таким вопросом: КОГДА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СЛЕДУЕТ ТРАВИТЬ МУХ ИЛИ, СКАЖЕМ, ДОЛГОНОСИКОВ — УТРОМ, ДНЕМ ИЛИ НОЧЬЮ? ПОЧЕМУ?

9

Атака была молниеносной — шайба влетела в ворота, и вы ничего не успели толком рассмотреть. Но не беда: через несколько секунд на экране телевизора воспроизводится острый момент хоккейного матча.

— Обыкновенная видеомагнитная запись,— скажете вы. Верно. А знаете ли вы, что существуют магнитные записи, сделанные природой сотни миллионов лет назад? Сравнительно недавно ученые расшифровали эти записи. ЧТО УДАЛОСЬ УВИДЕТЬ?

10

Вы попали на необитаемый остров. На нем растет лес, течет река и даже есть небольшая горка. Короче говоря, вы Робинзон.

ВАША ЗАДАЧА: НАЗВАТЬ ПРЕДМЕТЫ, БЕЗ КОТОРЫХ ЖИТЬ НА ОСТРОВЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДЕТ НЕВОЗМОЖНО. Победит тот, кто сумеет обойтись наименьшим количеством предметов. Свой выбор той или иной вещи постарайтесь обосновать.

Желаем удачи!

Ответы отсылайте не позднее 15 августа. На конвертах не забудьте пометить: ВИКТОРИНА—6.

Ответы на 2-й тур

1. **В первом вопросе было два задания:** указать количество искусственных спутников Луны и назвать планеты солнечной системы, спутники которых могли бы похвастаться тем же, чем и Луна. Правильный ответ: у Луны в настоящее время (на 10 марта) семь искусственных спутников. Спутникам других планет похвалиться нечем.

2. **На фотографии была изображена скульптура «Луна отделяется от Земли» Огюста Родена.** Она навеяна приливной гипотезой Дж. Дарвина — английского астронома и математика.

Кое-кто из читателей утверждает, что «качество отпечатка фотографии таково, что нам не удалось опознать этой известной скульптуры не менее известного автора...». Однако большинство все же ответило правильно.

3. Обычно на вопрос, **далеко ли до Луны,** отвечают, что до нее **384 000 километров.** Однако это — среднее расстояние. Ведь орбита Луны имеет эллиптическую форму. Точный ответ таков: расстояние между центрами Земли и Луны меняется от 363 000 до 405 000 километров.

Понравился нам и такой ответ: «До Луны совсем рядом, от «Огонька» свет дойдет до нее за 1,28 секунды...»

4. **Полная Луна светит всего лишь в 450 000 раз слабее Солнца.**

5. **В фантастическом рассказе нелепостей хоть отбавляй.** Большая их часть связана с отсутствием атмосферы на Луне. Поэтому не может быть рева двигателей, обгоревшего корпуса и горячей обшивки ракеты. Невозможны и огненные следы от метеоритов. Далее, правильнее было бы сказать «прилунилась», а не «приземлилась». И пыли, как показали наблюдения наших и американских автоматических станций, на Луне нет.

Самая сложная, пожалуй, нелепость — это бег на Луне. Прежде всего ошибочно думать, что шестикратное уменьшение веса облегчит и ускорит передвижение. Все обстоит как раз наоборот: ходить, а тем более бегать по Луне гораздо труднее, чем на Земле. Всякая попытка к бегу приведет к прыжку, длительному и высокому. Потребуется незаурядное акробатическое искусство, чтобы в таком полете-прыжке сохранить равновесие. А сделать это необходимо, иначе можно прилуниться головой или боком. Кроме того, уменьшается сила трения, что тоже затрудняет прогулки. Ученые недавно установили, что скорость передвижения космонавта (специально тренированного!) на Луне не превышает 9 километров в час. Так что Селенов не мог за минуту пробежать полкилометра.

И последнее. Многие читатели верно ответили, что восхода Земли на Луне не бывает. Она всегда висит на одном и том же месте. Не вызвала сомнений и смена фаз Земли. Однако мало кто сообразил, что в той ситуации, которая дана в рассказе, серповидной Земли не может быть. Ведь на лунном небе были видны ОДНОВРЕМЕННО и Земля и Солнце. А для того, чтобы тень Луны закрывала диск Земли, необходимо, чтобы Солнце находилось с противоположной стороны Луны.

6. **«Джон Лунд занят теперь вопросом о просверлении Луны... Дыра будет принадлежать англичанам».** Кому только не приписывали эту цитату: Бернарду Шоу, Марку Твену, Жюлю Верну, Дж. Свифту, Г. Уэллсу и даже Сирано де Бержераку. Некоторые отвечали так: «Легче найти пробку для этой дырки, чем автора». Или: «Так и быть: дыра англичанам — Луна нам!»

Выдержка же заимствована из написанной А. П. Чеховым пародии под названием: **«Летающие Острова. Соч. Жюль Верна».**

7. Мы спрашивали: **«Из чего делают бетон сейчас! Каких его ближайших потомков вы знаете!»** Пожалуй, самый точный и краткий ответ: «Легче сказать, из чего бетон не делают...» И действительно, есть легкие, словно пробка, и тяжелые, как сталь, бетон с самыми различными добавками от гравия и металла до бамбука и полимерных смол.

Что же касается первого вопроса, отвечаем: бетон делают сейчас из того же, из чего и раньше,— цемента, песка, воды и наполнителя, в зависимости от назначения бетона.

Приводим и несколько других остроумных ответов: «Из братьев бетона мы чаще всего поминаем... добрым словом железобетон, когда забиваем в стену гвозди» и: «Лучшей маркой бетона владеют футболисты киевского «Динамо».

8. **Выдающееся открытие** — промышленный способ получения искусственного каучука — **сделал замечательный советский ученый Сергей Васильевич Лебедев.**

9. **Дельфины могут развивать большую скорость благодаря слизи на коже** (остальные ответы выдуманы). Конечно, это не единственная причина, но одна из главных. Ее помощь не только непосредственная — уменьшение трения. Слизь передает давление воды пористому, губчатому слою, расположенному под поверхностью кожи дельфина. Этот слой, амортизируя, выравнивает давление, тем самым препятствуя возникновению кавитации, то есть вредных завихрений. Кроме того, сигналы с поверхности кожи передаются и специальным мышцам. Они, если нужно, заставляют кожу волнообразно сокращаться.

10. **Так где же все-таки расположено здание редакции «Огонька»: на земле кривичей или вятичей!**

Вот что пишут по этому поводу остроумцы:

«...На чьей земле стоит здание «Огонька»? Ах, боже мой, главное, что стоит!..»

«...Уж не хочет ли «Огонек» поссорить потомков кривичей и вятичей? Вспомните: «Семь городов превеликий затеяли спор за Гомера»...»

«...Такую кривоколенность переулков, показанную на карте, могли оставить в наследство современной Москве только кривичи...»

«...Городище «Огонек» находится на земле славян вятичей...»

Последний ответ верный.

Работами советских археологов точно установлено, что Москва в ее современных границах целиком находится на земле вятичей.

ПЕРВЫЕ ЛИДЕРЫ

Наступила пора предать гласности имена тех, кто возглавляет лидирующую группу нашей викторины. Правда, сразу же оговариваемся: распределение первых 25 мест по сумме двух туров носит временный характер. Следом за ними следует компактное ядро других участников, которые отстали совсем незначительно. Так что пусть сегодняшние лидеры не почивают на лаврах: за ними, буквально наступая им на пятки, следуют около ста участников. И любой последующий тур может внести существенные изменения в этот список.

Но пока первые двадцать пять мест распределились так: 1. Семья Филипповых. 2. В. Журавлева, 3. Б. А. Логовский, В. В. Старовойтов — все из Москвы. 4. Е. Н. Задоркин из Липецка, И. П. Сергеев из Москвы. 5. И. С. Дручин из пос. Елань, Кемеровской обл. 6. Ленинградец Н. В. Квасов. 7. А. П. Колесников из Камышина, Волгоградской обл., С. И. Савченко из Усть-Донецка, Ростовской обл. 8. Москвичка В. В. Воронцова, Г. Розинский из Гомеля, И. Г. Команов из Керчи. 9. П. Н. и Т. П. Ржевские из Томска. 10. И. Ф. Климов из пос. Клевань, Ровенской обл., В. П. Горбачев из Москвы. 11. Норильчанин В. Г. Корчагин. 12. Г. А. Кудряшова из Клина. 13. Запорожцы К. А. Ревнитская и И. Н. Крашенинникова, и из Аркадака, Саратовской обл., — В. Абрамкин. 14. В. Г. Новиков из Иванова. 15. А. Ф. Олейникова из Евпатории, В. Н. и Л. Н. Демидовы из Куйбышева, К. П. Купцова из Есиля, Целиноградской обл. 16. Ю. И. Ващенко из Днепропетровска, ленинградец О. П. Мухин. 17. В. М. Кораблев из Орджоникидзе, Э. Г. Бронская из Сочи. 18. Ленинградец В. Л. Карпенко, Е. И. Креденцер из Уральска. 19. А. Д. Папков из Пензы. 20. Г. Н. Пархоменко из Вахрушево, Луганской обл., Д. Ф. Скрыйник из Майкопа. 21. П. И. Пугачев из Верещак, Брянской обл., В. Д. Товстановский из Днепропетровска, В. Б. Пушкарев из Барнаула. 22. Ф. П. Селиванов из Россоши, Воронежской обл., минчане С. С. и В. Е. Лепарские. 23. И. Д. Стрекозов из Днепропетровска, Б. И. Петров из Чебоксар, В. А. Свистунович из дер. Божки, Брестской обл. 24. Ю. А. Иванов из Дубны, В. А. Эльчиев из Загорска, С. Н. Агте из Курска, У. Нерльский из Ангарска. 25. С. И. Морозов из Волгограда и львовчанин Е. Воловик.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

За полоской „тихой воды“

«Хепенинг» и Вьетнам

Бесчисленные острова цепочкой тянутся вдоль всего норвежского побережья, образуя скалистый барьер на пути океанских волн. Между этим барьером и сушей лежит узкая полоска «тихой воды». По ней без риска курсируют сотни каботажных судов.

Но совсем не тихая, а по-современному кипучая и сложная жизнь бурлит за прибрежной полоской. Это только на первый взгляд Норвегия может показаться страной с традиционно патриархальным спокойствием. Всего в десяти минутах ходьбы от «тихой воды», уснувшей у причалов Осло, находится улица Сторгата. Здесь, в доме № 22, разместился студенческий клуб. Заглянем в него.

У подъезда во дворе очередь в кассу за входными билетами (примерно полтинник за билет). Мне удается пробиться через плотную толпу быстрее других, так как я следую за встретившей меня Элен Венберг, которую еще днем попросили об этом мои норвежские коллеги-журналисты. Сразу видно, что Элен здесь человек свой и даже нечто вроде администратора. Ей двадцать лет. Хорошенькая русая головка, вся она с виду очень русская (такой типаж часто встречается в Норвегии), складная, наверное. Здесь слово «наверное» вписано не случайно: наряд Элен не позволяет судить о ее фигуре. На ней видавший виды черный свитер, он велик и потому напоминает балахон. Брюки тоже черные, мужского покроя, из какой-то дерюжки и тоже велики ей. Ботинки такие, в каких приезжали в Москву молочницы еще в 30-е годы.

Входим в клуб. Крохотная раздевалка. Пожилые гардеробщицы дают номерки, сделанные из картона. Из раздевалки узкая лестница ведет в подвал, главное помещение клуба. Подвал как подвал, но большой. По стенам какие-то трубы. Половина каменного пола занята дощатым настилом. На нем уже многие сидят в ожидании начала вечера. В одном конце помещения — сцена, в другом — буфет. Много простых стульев из металлических трубок и дерева.

Элен говорит мне, что юноши и девушки, собравшиеся здесь (человек четыреста),— студенты, начинающие художники, артисты, поэты. Многие из них одеты в стиле моей собеседницы. Бородатые мальчики в неряшливых, затрапезных нарядах. Девушки или в брюках, или в сверхкоротких юбчонках. И тем не менее, садясь на дощатый помост, они стараются оправить и натянуть юбку, от которой до колен добрых 30 сантиметров. Почти все курят и пьют пиво, за которым вытянулась очередь у буфета.

Сегодня здесь будет так называемый «хепенинг», то есть импровизированное театрализованное действо, в котором могут принимать участие все желающие. Нечто вроде наших капустников, но с большей долей импровизации. Правда, Элен тут же знакомит меня с юношей, который оказывается режиссером сегодняшнего «хепенинга».

Гаснет свет. На небольшом экране мелькают кинокадры. Королевский дворец в Осло, но почему-то в перевернутом виде. Затем на экране абстрактные картины. Одновременно раздается голос радиодиктора. Он читает «Последние известия». Из Люксембурга, из других стран... На сцене группа юношей и девушек. Двое из них играют в бадминтон. Один лезет на лестницу, имеющую форму буквы «Л», и пытается использовать ее как ходули. Человек десять просто валяются на сцене. Голос, читающий «Последние известия», время от времени выкрикивает: «Христос был бродягой!» Этот лозунг со второго-третьего раза довольно лениво подхватывает зал. Мальчик лет десяти, загримированный под шута, появляется на сцене и чем-то швыряет в зрителей. Сидящая неподалеку от сцены Элен, видимо, считает, что все идет не очень удачно, ползет на животе к сцене и присоединяется там к куче лежащих юношей и девушек. Трое парней сходят со сцены в подвал и начинают опутывать всех веревками.

Довольно бессмысленно и скучно. Зал почти не участвует в «хепенинге». Но вот в «Последние известия» врываются сообщения из Вьетнама, а на экране вместо беспорядочной смены непонятных кадров появляется вьетнамская кинохроника: бои, гробы, бомбежки, пожарища. Зал словно проснулся. Крики, свист. Голос диктора под одобрительный рев зала клеймит позором руководителей США за агрессию во Вьетнаме.

«Хепенинг» на этом заканчивается. Несколько человек из числа зрителей быстро подметают дощатый настил. На сцену выходят музыканты, и начинаются танцы. Когда-то кого-то смущавший рок-н-ролл выглядит старомодным по сравнению с тем, что танцуют здесь. Каждый танцует, что ему взбредет в голову, но стиль у всех один и тот же: трясение и кривляние на одном месте, нечто вроде «усовершенствованного» твиста. Одни танцуют с сигаретой в губах, другие — с бокалом пива в руках. Почему-то прямо среди танцующих парень с девушкой играют в бадминтон. Они задевают всех ракетками, толкают. Но их никто не одернет. Очевидно, здесь царит принцип: каждый делает что хочет.

Левые и правые

После этого «хепенинга» пью в буфете пиво и узнаю от моих собеседников, что через день здесь же, в клубе, будет лекция американского обозревателя Давида Горовица на тему «США и мировая революция». И вот через день я снова в том же подвале. Суббота, но набито битком. Субботний вечер — священное для норвежцев время отдыха. А вот молодежь пренебрегает этой традицией и собирается не попить и потанцевать, а на политическую лекцию.

Тема лекции оказалась сформулированной не очень точно. Дело в том, что выступление Горовица было на тему «США — мировой жандарм». Лектор больше часа разоблачал агрессивную сущность американского империализма, чем заслужил бурное одобрение аудитории. Кроме аплодисментов, он получил еще дюжину кружек пива.

В этот же вечер, после лекции, состоялось обсуждение и принятие резолюции о том, как провести очередную годовщину со дня нападения фашистской Германии на Норвегию. Председательствующий зачитал резолюцию. В ней предлагалось выйти в этот день на демонстрацию под лозунгом защиты Вьетнама от американской агрессии. Объяснялось, что есть полный смысл именно в таком лозунге, ибо американские войска, представляющие огромное государство, напали на сравнительно небольшую страну, так же как гитлеровцы в свое время на Норвегию.

Началось обсуждение резолюции. Первый выступавший (как и все последовавшие за ним) вышел на трибуну с набросанными заранее тезисами, но начал с того, что в течение одной-двух минут пересказал содержание только что зачитанной резолюции. Уже в этом его пересказе чувствовалось, что он за нее, но зал тем не менее зашумел, зашикал, раздались возгласы: «А ну, повтори еще раз! До нас с первого раза не дошло!»

Оказывается, аудитория осуждала его за ораторскую неловкость, за то, что он начал было пересказывать содержание резолюции, которую все минуту назад слышали. Парень смутился и тут же начал говорить по существу, объяснил, почему он за резолюцию. Его проводили аплодисментами.

На трибуну вышел юноша в очках, с виду очень рассудительный и строгий. Разложив перед собой листочки с тезисами, он начал:

— Друзья! Если бы после принятия нами этой резолюции война во Вьетнаме прекратилась, я первый поднял бы обе руки за этот документ. Но война не прекратится. Поэтому я против предложенной резолюции. Я считаю, что она составлена только с учетом точки зрения Северного Вьетнама. А где же точка зрения Южного Вьетнама и США? Мы люди, я думаю, серьезные и поэтому не должны принимать эту резолюцию. Я против нее!

Юношу в очках тоже проводили аплодисментами. Но на этот раз аплодировала другая половина зала. Они так и сидели в тот вечер: кто за резолюцию — в левой половине, кто против — в пра-

Часовой и дети.

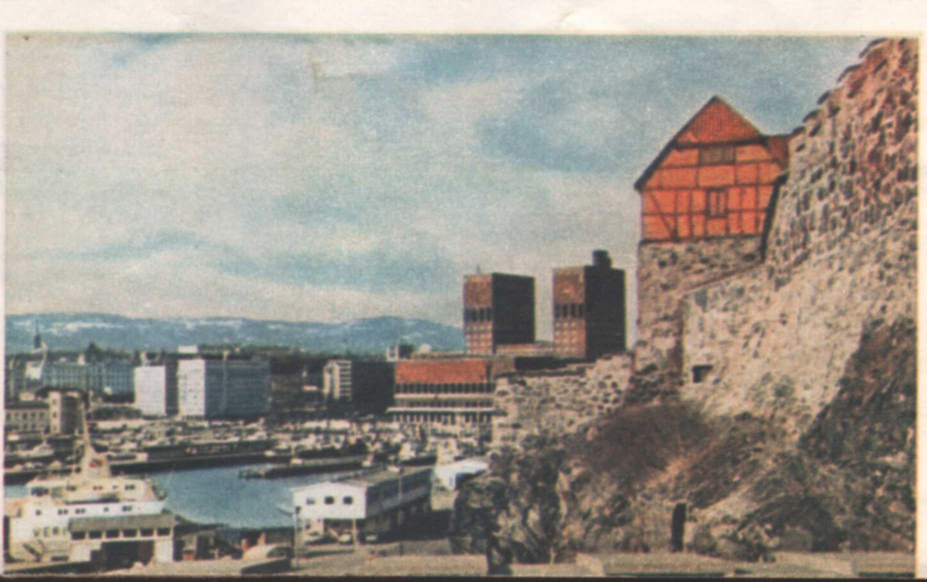
По глади фиорда.

Норвежская весна.

Сейчас начнется рыбный базар.

Осло.

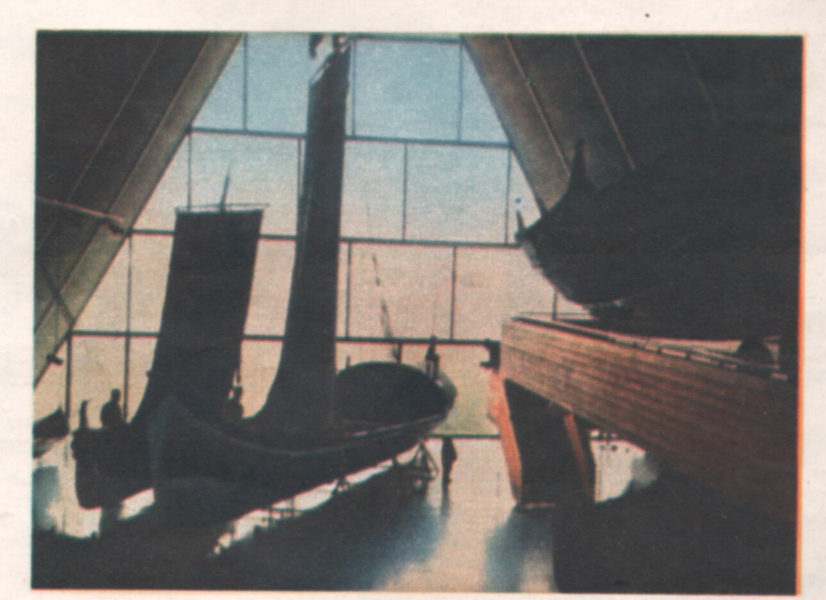

Пока нет дождя...

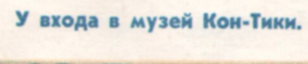
Столичный порт.

Музей старинных кораблей.

Дама с собачкой.

У входа в музей Кон-Тики.

Фрагмент композиции Вигеланна.

В горах — зима до мая месяца.

Старая церковь.

вой. Левые отличались от правых даже внешне: более экспансивные, веселые, даже в одежде не такие официальные, как правые. (Кстати, в этот вечер все были одеты строже и проще, чем во время «хепенинга».) Короче говоря, правые были больше похожи не на студентов, а на молодых парламентариев, хотя, впрочем, и левые вели себя строго в рамках демократической процедуры.

На трибуне третий оратор. Он говорит:

— Предыдущий коллега занимался здесь демагогией. Очень тонкой, но демагогией. Мы собираемся выйти на улицы Осло и потребовать прекращения варварских бомбардировок. Кто кого бомбит? Вашингтон бомбит Ханой. Поэтому мы и предъявляем наши требования к Вашингтону. Где и чьи высадились войска? Не вьетнамские в Америке, а как раз наоборот. Вот мы и выражаем протест американскому правительству.

Представитель правых, которого только что так критиковали с трибуны, просит слова для объяснения своей позиции. Зал недовольно гудит. Выкрики: «Ты и так все объяснил!», «Хватит!». Председательствующий ставит вопрос на голосование. Большинство за то, чтобы повторно слова не давать. Выступают один за другим еще несколько человек — и левых и правых. После одного из выступлений председательствующий стучит молотком по трибуне и строго заявляет:

— Многие ораторы повторяют друг друга. Прошу высказывать только оригинальные мысли. В противном случае буду лишать слова.

Обсуждение продолжается. Оно длилось около полутора часов. Затем было проведено открытое голосование. За резолюцию — 236 человек, против — 176.

В назначенный день демонстрация состоялась. Газеты сообщили, что в ней участвовало более 3 тысяч человек, главным образом молодежь и студенты. Демонстранты шли мимо американского посольства под лозунгами: «Прекратить разбой во Вьетнаме», «Варварские бомбардировки должны быть прекращены», «Вывести американские войска из Вьетнама», «Соблюдать Женевские соглашения».

Живые традиции

При обсуждении этой резолюции многие выступавшие не случайно проводили аналогию между гитлеровским вторжением в Норвегию и американской агрессией во Вьетнаме. В свое время свободолюбивый норвежский народ не склонил головы перед агрессором, так же как и героический народ Вьетнама.

9 апреля 1940 года, 27 лет назад, новейший немецкий тяжелый крейсер «Блюхер» входил в гавань Осло. На его борту было несколько тысяч солдат, предназначенных для вторжения, а также специальная группа гестапо, которая должна была «наводить порядок» в оккупированной стране. Крейсер шел нахально, как на параде. Обнаглевшие фашисты не ожидали сопротивления. И вдруг береговая батарея открыла огонь. Старое орудие, построенное в 1892 году по иронии судьбы на заводе Круппа, в упор расстреляло и потопило крейсер со всеми его пассажирами и командой.

Не только об этом помнят в Норвегии. Горит вечный огонь у мемориальных досок с именами тех, кто героически погиб в борьбе с фашизмом. У центральных ворот кладбища в Осло, на самом почетном месте, высится белокаменный советский солдат с автоматом в руках. На постаменте надпись: «Норвегия благодарна вам». Здесь похоронены советские воины, павшие на норвежской земле. Норвежцы помнят о том, что в минувшую войну мы плечом к плечу освобождали их родину. Они знают, что наша общая северная граница всегда была мирной, наши отношения никогда не омрачались военными конфликтами. В Норвегии всюду при встречах с народом ощущаешь теплое, часто сердечное отношение к нашей стране, здесь можно услышать немало волнующих историй о дружеских связях между народами Советского Союза с Норвегией. Вот одна из них.

Адам Эгеде-Ниссен, врач, коммунист с 1927 года, член муниципалитета Осло. Часа два он рассказывал мне о своей семье и о себе, а мне показалось, что пролетело всего несколько минут. Отец его, тоже Адам, был работником норвежской почты в северном городке Вардё. Он был человеком либеральных взглядов, считался хорошим специалистом и с ранних лет заслужил уважение своих окружающих. В 32 года он был избран в стортинг (норвежский парламент) и стал самым молодым его членом. Намекая на его возраст, столичные газеты тогда острили: «Из города Вардё прислали в Осло единственную зелень, какая там смогла произрасти». Но молодой парламентарий всегда оправдывал доверие своих избирателей-северян. Втянувшись в политическую деятельность, Адам Эгеде-Ниссен-старший все больше и больше тяготел к левым кругам, увлекся марксизмом, установил связи с русским революционным движением. И вот уже в его доме организована подпольная типография, в ней печатаются на русском языке революционные листовки. В бочках из-под сельди они переправляются в Россию. Как-то раз одна из таких бочек, прибывшая с очередной партией сельди, при разгрузке в русском порту раскололась. Царское правительство заявило норвежскому официальный протест. Но Эгеде-Ниссену удалось выпутаться из беды.

В 1905 году он приехал в Россию. Официальный предлог: изучение почтового дела. Во время этой командировки он еще больше сблизился с русскими революционерами. После Октябрьской революции не раз приезжал к нам, слушал Ленина, беседовал с ним. В 1936 году стал Председателем Коммунистической партии Норвегии.

Адам Эгеде-Ниссен-младший, мой собеседник, с такой же теплотой, если не благоговением, рассказывает и о своей матери, которую зовут Георга, а он ласково называет Гогги. Мать одиннадцати детей, она была верным другом своему мужу, все делила с ним пополам. Однажды ему предложили возглавить всю почтовую службу в Норвегии, но при условии, что он откажется от своих коммунистических идеалов. Адам не пошел на сделку. Георга ни минуты не колебалась и одобрила его решение. Она была не только верной подругой и матерью (по нашим понятиям матерью-героиней). В своем Вардё она устраивала вечера искусства для рыбаков (сама хорошо играла на скрипке). Во время обыска Георга ухитрялась прятать листовки в детскую коляску и выходила потом с ней гулять. Мало этого, Георга находила время даже на то, чтобы переводить Маркса на норвежский язык!

Вот в какой семье вырос Адам-младший, ныне уже сам седовласый ветеран, жалующийся на возраст и сердце. О нем от всех услышишь, что он отличный врач («Учился в Советском Союзе!» — с почтением говорят норвежцы) и деятельный член муниципалитета (нашу долгую беседу пришлось прервать из-за того, что он спешил на заседание комиссии по детской безнадзорности).

Адам пошел по стопам отца и прожил яркую жизнь, тоже во многом связанную с нашей страной. В 1940 году, во время нападения фашистской Германии на его родину, он служил врачом на норвежской китобойной флотилии. В то время, рассказывает Адам Эгеде-Ниссен, сотни норвежских кораблей были в плавании, вдали от родины, и все они заходили в порты Канады, Америки, Англии и затем всю войну служили борющейся Норвегии. Он с гордостью говорит, что было создано много норвежских соединений, которые вместе с союзными войсками боролись с гитлеровцами. Сам Адам служил врачом в одном из таких соединений — в отряде военно-морской авиации. В конце 1944 года он был в рядах норвежских и советских бойцов, освобождавших Норвегию от фашистских оккупантов.

Вот уже два поколения семьи Эгеде-Ниссен являют собой пример того, как делом и кровью скреплены узы дружбы между народами Норвегии и Советского Союза. Живым воплощением этой дружбы является Общество Норвегия — Советский Союз. О его работе мне рассказали бывший министр просвещения, ныне директор школьного управления Осло Хельге Сивертсен и Чель Квиберг, известный деятель в области просвещения. Первый является председателем Совета общества, второй — председателем Главного правления.

Общество Норвегия — Советский Союз было создано в 1945 году по инициативе виднейших общественных и политических деятелей. Сейчас оно имеет 25 отделений по всей стране. 1967 год, 50-й год Октябрьской революции, общество отмечает кампанией по расширению своих рядов. Недавно, говорят мне мои собеседники, коллективным членом общества стало столичное отделение № 1 профсоюза металлистов, насчитывающее 18 тысяч человек. В октябре — ноябре этого года в Норвегии будет проведен месячник дружбы с Советским Союзом, большая делегация собирается к нам на праздники. А по стране идет сбор подписей под приветственным адресом советскому народу, который будет вручен 7 ноября этого года.

«Холодная зима»

Такие встречи, как с Адамом Эгеде-Ниссеном и в Обществе Норвегия — Советский Союз, дружеские беседы с норвежцами на улицах, в редакциях, на отдыхе в горах — все это как-то заставляет забывать о том, что Норвегия входит в агрессивный блок НАТО. Однако из песни слова не выкинешь. С 1949 года Норвегия является членом НАТО. В марте этого года в Норвегии прошли очередные маневры в рамках Североатлантического союза. Кодовое название маневров было весьма симптоматично: «Холодная зима». Недаром финская газета «Пяйвян саномат» отмечала, что «на северном фланге НАТО проводится военная политика периода наибольшего разгара холодной войны».

Норвегия обязалась не допускать на своей территории размещения иностранных войск или военных баз. «Однако,— отмечает та же финская газета,— военные маневры в Норвегии проводятся настолько в учащенном темпе, что фактически в стране все время находятся чужие войска. Кроме того, для нужд НАТО построено много крупных военных сооружений — аэродромов и убежищ в скалах».

На эти убежища-склады натыкаешься, когда едешь по горной дороге вверх, на лыжное раздолье. В стене-скале начало туннеля. Вход закрыт массивными воротами. Что там, за ними? А вот невдалеке от шоссе однотипные двухэтажные дома-бараки. «База НАТО»,— мрачно кивает водитель. А через несколько километров у крутого обрыва он притормаживает машину и говорит:

— Вот здесь, на этом месте, во время оккупации норвежский шофер направил в пропасть свой грузовик, набитый гитлеровцами.

Над пропастью нет ни памятника, ни мемориальной доски. Но, как видно, и без них не забыли норвежцы о подвиге своего соотечественника. Он геройски погиб за идеалы, которые дороги и понятны свободолюбивому норвежскому народу. А какие идеи и идеалы принесло с собой НАТО?

Норвежская общественность в последнее время усилила критику нынешнего внешнеполитического курса. Осенью 1965 года потерпело поражение и ушло в отставку правительство Норвежской рабочей партии, на котором лежала главная ответственность за вступление страны в НАТО. В 1969 году истекает срок Атлантического договора. В связи с этим обостряется дискуссия, которая ведется в Норвегии по вопросу о ее дальнейшем участии в НАТО. В этой дискуссии стала заметным явлением вышедшая недавно книга «Сменить курс». Автор ее Юханна Омлид — видная деятельница рабочей партии. Книга Омлид наносит удар по так называемой концепции «честного заблуждения». Суть этой концепции в том, что членство страны в НАТО якобы было неизбежно, фатально перед лицом «советской угрозы», а руководители страны в то время, мол, еще не отдавали себе отчета в истинном характере этого военного блока.

Юханна Омлид была в 1949 году делегаткой съезда Норвежской рабочей партии, который принял решение о вступлении Норвегии в НАТО. Она рассказывает в своей книге о том, как руководство партии шло на все, чтобы протащить это решение. Из ее воспоминаний можно сделать вывод, что народ

и рабочая партия были обмануты в 1949 году. Юханна Омлид пишет и о тех пагубных последствиях, к каким привело участие Норвегии в НАТО. Вывод автора четко сформулирован в самом названии книги — «Сменить курс». К такому мнению приходит все больше норвежцев, его разделяет общественность соседних северных стран.

Мужество и талант

Еще в раннем детстве каждый мальчишка узнает о Норвегии раньше, чем о многих других, куда более крупных странах, увлекшись подвигами Нансена и Амундсена. В наше время к этим двум легендарным норвежским именам прибавилось еще одно — Тур Хейердал. Плот «Кон-Тики», на котором Хейердал и его друзья пересекли Тихий океан, надежно укрыт теперь не только от волн, но и от дождя и ветра каменными стенами и крышей. Но и здесь он поставлен на вечное хранение таким образом, что кажется покоящимся на океанской глади. Этот эффект достигается не только тем, что плот как бы врезан в синезеленый кусочек океана. Спустишься со второго этажа музея вниз, на первый, и увидишь там днище «Кон-Тики», поросшее водорослями, и его водолазную корзину, прилепившуюся к корме. Вокруг нее застыли обычные акулы, а 10-метровая китовая акула повисла между килевыми досками плота, мелкие рыбешки в ужасе шарахнулись от нее во все стороны... Вдоль стен, под стеклом, собраны документы и реликвии научного и в то же время романтического подвига Хейердала: фотографии, вахтенный журнал, археологические находки с острова Пасхи.

Это музей мужества и неукротимого духа человеческого, вечного и бесконечного. Не случайно «Кон-Тики» навсегда обрел покой напротив музея Нансена и напротив морского музея, в котором собраны творения норвежских судостроителей за несколько веков. А неподалеку от «Кон-Тики» высятся строгие белокаменные стены, за которыми бережно хранятся изящные и легкие, как чайки, корабли викингов. Десять веков отделяет нас от их создателей! Попавшие сюда корабли сохранились до наших дней благодаря древнему обычаю. Дело в том, что богатые норвежские мореплаватели не хотели и после своей смерти расставаться с родной корабельной палубой. Вот их и хоронили вместе с судами. Камни, глина, песок надежно укрывали деревянные борта, надстройки, мачты... Так и дошли до нас почти в первозданном виде, только почернев от времени, эти деревянные корабли-сказки, корабли-легенды. Без этого рукотворного чуда не было бы Нансена и «Кон-Тики»...

Когда мальчишка расстается со своим детством и начинает интересоваться не только приключениями и путешествиями, он рано или поздно открывает для себя мир других подвигов, в которых мужество человека помножено на талант художника. И в эту, пожалуй, самую счастливую пору жизни каждый услышит музыку Грига и прочитает Ибсена.

У композиторов и писателей завидная доля: их произведения быстро облетают весь мир и навсегда поселяются у почитателей на полках среди книг и пластинок. Более трудная судьба у художников и скульпторов. Ведь никакая репродукция не передает все оттенки мысли оригинала. Это все равно что насвистывать симфонию или пересказывать роман. А как донести до человека, никогда не бывавшего в Осло, свои впечатления от скульптурной композиции, протянувшейся на 850 метров в одном из городских парков?!

Цифра внушительная! Но дело, конечно, не в ней. Это творение Густава Вигеланна, дело всей его жизни, давно стало бы так же известно и близко всему человечеству, как, скажем, и музыка Грига, будь у скульптуры та же свобода полета над землей, что и у мелодии.

В этой удивительной работе-подвиге поражает и мастерство исполнения и замысел скульптора. Около двухсот скульптур, многофигурных композиций и барельефов из бронзы и гранита изображают жизнь человека от его рождения до смерти, рисуют как бы замкнутый и потому бесконечный круг жизни. Мы видим, как младенец резвится на руках у родителей. Видим счастье матери и отца. Потом — проказы ребенка, игры подростка. Девочка превращается в девушку, мальчишка — в юношу. Вот они уже рядом. Первый робкий взгляд, первое прикосновение, поцелуй. И вот они — семья. У них ребенок. Снова растут дети, а родители старятся. Скульптуры стариков и старух, величавых и уже почти отрешенных от жизни. (Их читатель может увидеть на цветной вкладке этого номера). Жизнь нелегка, сложна и противоречива, счастье и горе идут в ней рука об руку; человек велик и прекрасен, но ему свойственны заблуждения, путь его тернист, а дела его не свободны от ошибок — говорит Вигеланн людям в своей могучей каменной симфонии.

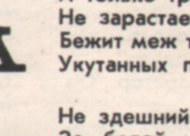
Самая высокая деталь всей композиции — 17-метровый обелиск из светлого гранита. Это монолит. До того как на нем были высечены фигуры, он весил 270 тонн.

Под резцом скульптора некогда холодный и мертвый гранит ожил. Сейчас обелиск представляет собой переплетение бесконечного количества человеческих тел, мужчин и женщин, стариков и старух. Все они по спирали карабкаются вверх. Пробивают себе дорогу в жизни? Устремляются вверх — к совершенству? К богу? На этот счет есть разные толкования, но обелиск, венчающий всю композицию, обычно служит поводом для того, чтобы говорить о ней как о произведении пессимистическом. Но это не так. Подлинно великое произведение никогда не бывает однозначно.

Вигеланн работал над композицией сорок лет. Многое переделывал. Вот история одной из таких переделок. Верхушка обелиска вначале была занята фигурами мужчин и женщин. Они протягивали к небу руки. Одни — в мольбе, другие — с проклятиями. Затем скульптор уничтожил их, оставив только две — женщину и мужчину. А вместо других фигур он изобразил детей, младенцев. Так и доныне над всей его композицией царят дети как символ вечного жизнеутверждения, несмотря ни на что!

Алексей МАРКОВ

ПОЭМА О ТЕБЕ

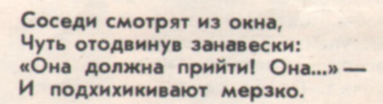

Ты мне сказала, что придешь,
Пройдешь через любые дали!..

Февральские метели сплошь
Поселок наш забинтовали,
И только тропка в магазин
Не зарастает белым снегом,
Бежит меж трепетных осин,
Укутанных пушистым мехом!

Не здешний кто-нибудь, видать,
За белой насыпью шагает:
Встревожилась дворняжья рать,
Себя же злобой поджигает!
Но редкий гость у нас чужак!
Так можно лаять разучиться!..

...Я выхожу и на большак
Гляжу, что в серебре лучится.
Там никого. Одни дымы,
Тепла застывшего колонны:
Мол, небо держим только мы,
Пыхтя под грузом небосклона!
Опять идет тяжелый снег
И зарывает к дому стежку.
Но чтоб прошла ты без помех
И стукнула ко мне в окошко,
Лопату в руки я беру
И тропку расчищаю снова.
Она дымится на ветру,
Запрятаться в сугроб готова!..

Соседи смотрят из окна,
Чуть отодвинув занавески:
«Она должна прийти! Она...» —
И подхихикивают мерзко.

— ...Скорее приходи, скорей!
Не гаснет печь, огонь резвится.
Взгляни: роскошество углей

Хроника одной жизни

В прошлом году Сергей Малашкин отметил своеобразный юбилей: пятьдесят лет назад были опубликованы антивоенные стихи поэта «Три елки». С тех пор в журналах, газетах регулярно появлялись его стихи, рассказы, повести, романы.

Творчество Сергея Малашкина охватывает наиболее острые и драматические этапы в истории Советской России, этапы духовного возмужания народного характера. В его произведениях развертывается сложная, противоречивая картина мира, где сталкиваются противоборствующие силы, где возвышенное (например, подвиг Офелии в одноименном рассказе) утверждается в непримиримой борьбе с антигуманным и несправедливым, где трагическое соседствует с комическим. И обо всем этом Сергей Малашкин пишет как очевидец, как современник и участник великих событий первой половины XX века.

Правдивое изображение действительности, стремление показать героя во всей его человеческой красоте и привлекательности — вот что характерно для недавно вышедших книг Сергея Малашкина «Хроника одной жизни» и «Записки Анания Жмуркина». В первую вошли рассказы о революции и гражданской войне, о подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны и повесть «Хроника одной жизни» — одно из первых произведений о коллективизации.

В чем обаяние этой книги? Не сразу ответишь на этот вопрос. Может быть, в большой любви писателя к жизни, к людям, природе, земле? Может быть, в острой озабоченности судьбами людей деревни? Может... Да мало ли проблем, животрепещущих, злободневных, поставлено в рассказах и повестях, собранных в этом сборнике. Но, пожалуй, главное, за что мы, младшие современники писателя, должны быть ему благодарны,— это то, что он с такой теплотой, с таким глубоким и искренним чувством пишет о женщинах, видит в них все благородное, возвышенное, трогательное, доброе, бескорыстное, то есть то, что мы связываем с самыми дорогими для нас именами — матери, сестры, подруги. В рассказах «Офелия», «Красная гвоздика», «Мать», «Марина», «Брат и сестра» показывается духовная стойкость, нравственная чистота и готовность к подвигу советской женщины.

«Записки Анания Жмуркина» принадлежат бывалому человеку, это записки очевидца больших исторических событий, много повидавшего и пережившего на своем веку. Героическая подпольная работа партии большевиков, новый подъем революционного движения, первая мировая война, работа большевиков среди крестьянской и солдатской массы. Правдиво, без утайки рассказывает Сергей Малашкин о сложностях и противоречиях, идейной борьбе того времени.

Обе эти книги составляют как бы хронику жизни самого писателя. Все отразилось здесь: и его участие в первой мировой войне и участие в революции, коллективизации и других важнейших событиях века.

В. ПЕТЕЛИН

Сергей Малашкин. Хроника одной жизни. Издательство «Московский рабочий». 1966. Записки Анания Жмуркина. Издательство «Советский писатель». 1967.

Переливается Жар-птицей!
В них все, что хочешь для души:
Дворцов и хижин силуэты,
Аллеи в пальмовой глуши,
Планет неведомых приметы...

В избе березовый настой
От догорающих поленьев.
Бери, вдыхай его! Он твой!
Сиди у печки, грей колени!
Горячим чаем угощу
Из свежеструйного колодца.
И опоздание прощу.
Опаздывай, когда придется!

Мы будем слушать дымоход.
Ты знаешь, как умеет петь он?
Зловещий вестник непогод!
Его одушевляет ветер!
Я подарю тебе к утру
На окнах заросли сирени.
Мы побываем в том бору,
Где, как монашки, ходят тени.

Я проложил тебе лыжню.
В дремучий храм за мной скорее!
Лесные тайны объясню,
Лесною сказкою согрею!

В кустах увидишь снегиря.
Щебечет в стужу красногрудый.
Живет, пылая и горя!
И нипочем ему простуда.
Он выдумал себе тепло,
Нарисовав его издревле.
Сияет тихо и светло
Среди заснеженных деревьев.
Придумать радости умей,
Коль их на самом деле нету!
Иначе жизнь — сухой ручей,
Смешные письма без ответа!

...Лес и зимой не сирота!
Ты слышишь: спозаранку дятел,
Чья совесть, как рассвет, чиста,
За трудный хлеб работой платит.
В любую непогодь, мой друг,
Он согревается работой.
Какой веселый перестук!
Свои у созиданья ноты!..

...Лови, любимая, лови! —
Тебе бросает белка шишку
От имени моей любви,
Любви неосторожной слишком!
И сыплет на плечо сосна
Снежинок голубые звезды...
Вот-вот пробу́дится весна
В тоскующих грачиных гнездах!..

На твой в горошину платок,
На свитер, талию стянувший,
На беспричинный хохоток
Нацелили глаза и уши
В пушистых шапках гномы-пни,
Хитро друг дружке подмигнули,
Улыбкой сахарной они
Осклабились — и вновь уснули!

Взгляни: аквариум блестит
На солнце голубыми красками.
Никто зимой там не гостит,
Лишь ветер бешеными ласками
Срывает шубку сгоряча
С лесного озера безлюдного.
Горит оно в скупых лучах,
В объятиях мороза лютого!
Застыли окуни во льду,
Застыли щуки крутобокие,
Под сапогами, на виду
Спят, запеленуты осоками!

Шумит прибоем зимний лес.
К ногам игольник с елок падает.

Ну, приезжай же наконец,
Лесною свежестью обрадую!

...Но вот прошла неделя, две,
И третья намечается.
Никто в мою не стукнет дверь.

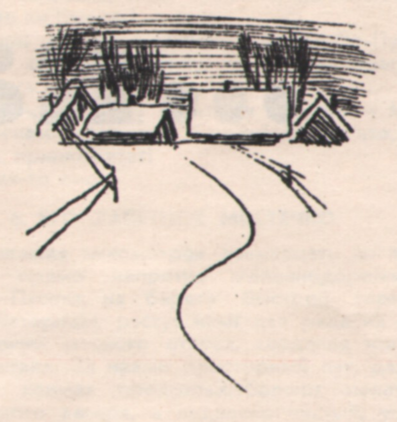
Луна в окне качается!
Не схожа с городской. Как
встарь —
Надежа в непогодицу,
Она единственный фонарь:
О каждом беспокоится!

Вчера погоды был расцвет,
Светились ветлы инеем.
Сегодня выключили свет,
Молчит электролиния.
Была обещана пурга.
Столбы не подкосила бы!
На небе тучные стога.
Сюда бы их, на силос бы!

Прислушаюсь к молчанью псов:
Нарушили б молчание!
Откину я дверной засов
И закричу отчаянно:
— О, как же задержалась ты!
Сниму перчатки маленькие,
Снежинок вытряхну цветы
И обмету я валенки!

...Но псы проклятые молчат!
Хотя б с тревогой ложною
Затараторили не в лад
От поступи прохожего.

Да нет. Уже ты не придешь.
Но обернется круто время.
Познавши истину и ложь,
Побыв то с этими, то с теми,
Душою не побыв ни с кем,

Озябнув от посул вертлявых,
Увидев иней на виске
И на любовь утратив право,
Ты все равно придешь ко мне
Покорным шагом виноватым.

На заколоченном окне
Увидишь только крест дощатый!

Дорожка снегом зарастет,
И не пройти, как прежде, к дому.
Лишь только свежестью пахнет
Невозвратимо и знакомо.
Не позовет над крышей дым,
Махнув рукой по-человечьи.
Засуетившись, я босым
Не выбегу тебе навстречу.

Промозглая над крышей мгла,
Сосулек нависают цепи.
В печи — сгоревшая зола,
Березовый остывший пепел!

ПИСАТЕЛИ • КНИГИ

Подвиг вечен!

Отечественная война не исчезнет из художественной литературы, потому что она не исчезла и не исчезнет из памяти народа. Об этом лишний раз свидетельствует документальная повесть Николая Камбулова «Аджим-Ушкай подземный», недавно вышедшая в библиотечке журнала «Советский воин».

Аджим-Ушкай — небольшой поселок, расположенный в четырех километрах от города Керчи. Рядом с этим поселком находятся древние каменоломни — громадные подземные коридоры с многочисленными отсеками и террасами. Здесь, в подземелье, в 1942 году советские воины вписали одну из самых героических страниц в историю Великой Отечественной войны.

«Полгода под землей, сто пятьдесят дней непрерывных смертельных схваток с врагом! Полгода в темноте без организованного снабжения продовольствием, без воды, и под каждодневными взрывами и газовыми атаками! Металл не выдерживал, оружие ржавело от сырости, а люди, наши советские люди, не сдавались, стояли насмерть!»

О том, как это произошло, о героях и их судьбах рассказывает писатель Николай Камбулов. Говорят, что перо пишет плохо, если в чернильницу не добавить несколько капель собственной крови. Автор повести, сам в прошлом солдат подземного гарнизона, пишет истово, взволнованно, с болью в душе. Он пишет не об услышанном и увиденном, а о пережитом лично, о том, что прошло через его сердце.

Повесть отличается свежестью воспоминаний и большой достоверностью. Ее достоинство — в правде характеров, в верности наблюдений автора над нравственным обликом советского воина. Каждая страница книги выверена рассказами десятков людей, как бы просвечена со всех сторон мощными прожекторами, чтобы в их ярком свете не осталось ни одной неточности, ничего такого, что могло бы отвлечь от факта, от правды.

Николай Камбулов показывает воинов, которые в немыслимо тяжелых обстоятельствах совершают подвиги, восхищающие мужеством, несгибаемой волей к победе. И у нас не остается впечатления об исключительности этих людей, потому что некоторых из них, оставшихся в живых, мы видим в сегодняшнем дне скромными рядовыми тружениками.

Отечественная война выступает в повести Камбулова как школа патриотизма, как школа мужества, как школа суровой, но прекрасной жизни.

М. ЛАПШИН

Николай Камбулов. Аджим-Ушкай подземный. Библиотечка журнала «Советский воин» № 7, 1967.

Увлекательно и поучительно

...Маленький городок Стародуб на древней Брянской земле. Здесь родился автор книги. Сюда через несколько десятилетий привели его не просто дорогие сердцу воспоминания детства и юности, а та во многом определяющая нравственный облик человека любовь к родине, которая своими истоками почти всегда связана с родными местами. Стародуб, Трубчевск, Погар, Рогнедино... Признаюсь, что еще совсем недавно эти названия мне, как, уверен, и очень многим из нас, были совсем безразличны. И вот под пером Георгия Метельского они начинают звучать. Мелодичные, как перезвон гуслей, былинные названия Погара: Радовое, Радувль, Радогощ, Радогость — оживают в записях декабриста Якушкина, в летописных источниках, в «Истории» Карамзина. И вдруг в овеянное дымкой седой старины прошлое уверенно входит сегодняшний день: перед международными форумами, проводимыми в Советском Союзе, в Погар летят телеграммы: «Просим увеличить отгрузку сигар». Здесь расположен сигарный комбинат, единственный в Союзе. Сигары с маркой «Погар» известны во многих странах мира.

...Белая Березка. Мы уже подготовлены к тому, что автор расскажет о сражениях с иноземными захватчиками, которые были разбиты здесь дружинами князя Всеволода Большое Гнездо, о ратниках Минина и Пожарского... А писатель водит нас по цехам крупнейшего домостроительного комбината, знакомит с Митрофаном Прокоповичем Щегловым — подвижником, превратившим в цветущий сад городок, расположенный на песчаных почвах.

Увлекательнейшие события истории почти на каждой странице этой книги перекликаются с сегодняшним днем, властно вызывая у читателя ощущение нерасторжимости прошлого и настоящего, той священной преемственности, которая образует и хранит в веках бесценную самобытность национальной культуры. В шуме Брянских лесов писатель слышит не только предания старины и партизанские песни Великой Отечественной войны. Он гневно протестует против бездумного, разудало-сиюминутного отношения к эксплуатации лесного хозяйства, против хищнического отношения некоторых горе-хозяйственников к народному достоянию. Впрочем, вот и другой пример.

В свое время некоторые не в меру ретивые деятели шумно и не всегда обоснованно требовали признания нашего приоритета во всех без исключения отраслях науки и техники. Да, это было неразумно. Но разве разумнее отказаться от законной гордости теми достижениями, которыми мир действительно обязан нашей Родине?

И как приятно найти в книге Георгия Метельского упоминания о том, что в России были созданы первый в мире теплоход, лучшая в мире судовая броня...

А с каким волнением читаешь о том, как по личному заданию Ильича на Брянском машиностроительном заводе изготовили семь электроплугов. Как радовался Ильич, наблюдая за их успешными испытаниями на Бутырском хуторе в Москве! Теперь на этом заводе выпускают дизели для торгового флота. Теплоход с таким дизелем, запасшись топливом, может без захода в порты обогнуть землю по экватору...

Эрудицию историка, целеустремленность и тщательность исследователя, деловитость экономиста, лиризм поэта, а главное, партийную страстность советского художника вложил Георгий Метельский в свою книгу. Она учит гордости за свою страну, потребности изучать ее прошлое и задумываться о ее будущем. И потому книга Георгия Метельского — хороший подарок читателям к юбилейному году Советской власти.

Юрий ИДАШКИН

Г. Метельский. Листья дуба. Издательство «Мысль». 1966.

...как ОН есть

Опыт психоаналитического исследования

Николай **ВИРТА**

Через несколько минут ворота снова распахиваются перед иностранной машиной с прицепным домиком, называемым американцами «караваном». Тотчас вокруг собирается толпа. Ахают, охают. Оно и есть на что! В «караване», отделанном на славу, все удобства, все решительно. Веселые занавески, приятной расцветки обивка стен, панели из пластика, чудо! Папа-Дикарь думает: «Может, и у нас будут выпускать такие штучки? Давно ли начали заботиться о нашем брате? Все-таки кое-что уже может приобрести турист...» И зависть его гложет: вот так прицеп! Из машины выходит пожилой мускулистый человек.

А-а, да это француз из Страсбурга; папа-Дикарь знаком с ним, два раза встречались в кемпингах за последние годы! Он издатель, путешествует с женой и тремя сыновьями-студентами. В прошлый раз папа-Дикарь спросил издателя: почему его так тянет в Россию?

— Народ у вас замечательный!

— Но ваш западный сервис?..

— Он нам поперек горла. Все облизано, все надраено, залеплено рекламами... Противно!

Вокруг смех.

— Значит, поближе к Дикарям-русским?

— Так ведь и я Дикарь — французский.

Снова хохот.

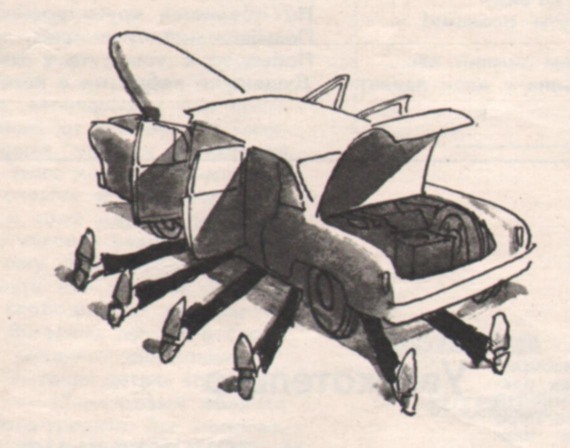
— Все это шутка,— вступает один из сыновей.— Главное, конечно, ваши люди. Узнавая их, узнаем вашу страну, начинаем понимать ваши порядки. И очень отзывчивый вы народ. На днях мы угодили в кювет. По шоссе мчались наши, с Запада. Хоть бы кто остановился! Подъехал грузовик с колхозниками, рявкнули «Дубинушку», разом вытащили машину! Нет, у вас хорошо. И много необлизанных, как сказал папа, мест.

В тот же вечер еще история. Видит мой Дикарь: стоит старик у фольксвагена, на капоте — карта. Водит по ней немец пальцем и ни черта не понимает, карта советская. Мой Дикарь подошел, поздоровался, узнал, в чем дело. Едет этот старик со старухой — им вместе лет сто сорок — из ФРГ, по-русски ни слова. Какой-то охальник сказал немцам, что, если они хотят ехать на юг, им надо свернуть после выезда из кемпинга направо: в противоположную сторону, представьте! Мой Дикарь обругал про себя того негодяя и объяснил старикам их маршрут. То-то они благодарили его, то-то рассыпались! При разговоре выяснилось, что старик некогда работал на крупповском заводе в Бохуме, а сейчас вышел на пенсию. Наслышался всякой дряни о Советском Союзе и решил сам проверить, так ли это.

— О нет, такая ложь! — качал головой старик...

В орловском кемпинге с моим Дикарем вышла препотешная история.

Встал он рано, пошел в кафе выпить кефира. За столиком напротив сидел богатырского телосложения человек в отличном комбинезоне. Внешность благообразная, коротко подстриженная профессорская бородка. Кейфует Профессор, а сам нет-нет да и взглянет на выездную дорожку, где носом к воротам стояла до блеска надраенная «Чайка». Мой Дикарь подумал: «Эка шикарно путешествует Профессор!» Выглядел он, между прочим, лет на семьдесят.

Рисунки Ю. Черепанова.

Хорошо.

Допивает Профессор свой кофе, расплачивается, берет банку с огурцами, выходит. Мой Дикарь, покончив с кефиром, за ним. И чуть не грохнулся с крыльца. Профессор преспокойно прошел мимо «Чайки», оседлал мотоцикл, стоявший на обочине. Фрр! — только пыльный шлейф протянулся... Потом буфетчица сказала, что на «Чайке» то ли из Орла, то ли из Курска приехала какая-то дама... за огурцами!

Ну, ладно. Постояли мой Дикарь и Сашка у ворот кемпинга, пошли дальше. И видят сцену: у костра расположились японцы и чинно-благородно работают палочками, отправляя в рот вареный рис. Мой Дикарь был знаком с гидом, спросил его, откуда эти люди. Оказались они студентами токийского университета Waседы, пришло им в голову совершить кругосветное путешествие, денег, разумеется, нет, да и откуда им быть? Японский студент гол, как сокол. Договорились они с автомобильной фирмой, та выделила им, в рекламных целях, конечно, грузовик последней модели, дали дизельное топливо, немного денег, два мешка риса... Вот они и колесят... А вернутся аж через Австралию!

Мой Дикарь несколько лет назад был в Японии, водили его в университет Васеды, там подружился с профессором-коммунистом, до сих пор переписывается с ним и обменивается новогодними подарками. Когда гид сказал об этом студентам, они заулыбались, очистили папе-Дикарю место у костра... Короче, вернулись отец и сын в свою палатку чуть ли не на рассвете: заболтались с японцами.

Иностранцы-Дикари, надо отдать им должное, отнюдь не в претензии, когда вокруг их роскошных палаток и «караванов» собираются Дикари советские. Даже радуются: ведь не ради одних пейзажей они приехали сюда! Человек, Человек им надобен, чтобы понять, чем живет Страна Советов. Вот и завязываются беседы на всевозможные темы. А если найдется среди русаков владеющий, допустим, английским, беседы затягиваются за полночь. До хрипоты спорят «за политику»: свои позиции не сдают, но и к чужим взглядам, если от них не несет антисоветчиной, относятся с достойным вниманием.

Одним словом, мирное сосуществование в пределах кемпинга, когда национальные и прочие различия уходят куда-то в сторону и всех объединяет одно великое слово: МИР...

Горит огонек в палатке, вокруг которой бушуют политические страсти, ровный, блеклый свет луны освещает дикарский городок, соловей заливается... Ночное тепло сообщает истому. «Ах, как хорошо, ах, хорошо!» — шепчет про себя мой Дикарь, устраиваясь на раскладушке.

4. ЕГО ВСТРЕЧИ И ЗНАКОМСТВА

Километрах в десяти от Ровно решили заночевать. Рядом с шоссе в тени яблонь прятался домик, за ним высился колодезный журавель, а на вишневых деревьях и на черешне рдели ягоды — так и просились в рот! Мой Дикарь и Товарищ-По-Путешествию испросили разрешения у хозяев дома расположиться на ночь. Разрешили. Заодно позволили рвать вишню и черешню с последующей (грошовой, как оказалось) оплатой, предложили молока, картошки, яиц: все это надо везти за много километров на базар, и вдруг такое счастье подвалило — разом освободились люди от запасов!

Вспыхнул костер, Дикарихи занялись ужином. И тут на шоссе останавливается еще одна машина, из нее выходят: сравнительно молодой человек, молодая и красивая его жена, девочка лет четырнадцати и парнишка года на четыре: видно, тоже Дикари. (Нота бене. Ди-

---

Окончание. Начало см. в № 27.

карскую машину сразу отличишь от прочих: на ней обязательно увидишь багажник наверху, а из-под брезента торчит раскладушка. К слову, мой Дикарь, возвращаясь домой, насчитал четыреста дикарских машин на отрезке дороги в сто восемь километров!)

Ну, хорош... Подходит молодой Дикарь к нашим, справляется, нельзя ли и им заночевать здесь. Отчего ж, пожалуйста, только спросите хозяев.

Осталось семейство ночевать, и за вечер так сдружились, что порешили ехать дальше вместе. Впрочем, если молодой Дикарь и захотел бы ехать в индивидуальном порядке, наши Дикари решительно восстали бы против такой попытки. Почему? Потому что всех их пленил самый маленький Дикаренок по имени Андрюшка.

— Ну, знаете,— рассказывал мне мой Дикарь,— видел я перевидел детей в этом возрасте, но Андрюшка... Был этот парнишка нашим солнцем, около которого мы отогревались. Он не рисовался, но видели бы вы его улыбку, слышали бы его лепет! Э, да что там! Такой ребенок — счастье семьи, луч света, озаряющий дом.

— Ну и что же потом сталось с этой семьей?

— Она живет в Запорожье, мы, как вам известно, в Москве. Но каждый год путешествуем вместе. Наш молодой друг часто навещает нас. Как-то был с Андрюшкой. Все у нас дома с ума посходили от него...

Еще один памятный случай. Приехали три наших Дикаря в львовский кемпинг и разместились из-за всегдашнего отсутствия мест на волейбольной площадке, впрочем, давно заброшенной. В углу стояли палатка и машина явно иностранного происхождения. Около них бродили мужчина и женщина, оба не то что пожилые, но в годах. Моя Дикариха, женщина редчайшей души, первой заметила, что, мол, неладно у этих иностранцев: больно уж они грустные, будто весь свет им не мил. Супруг ее, надо сказать, не отличался особой сентиментальностью. Столько человеческих страданий, столько крови и смертей видел он, столько сам испытал славы и глумления, взлетов и падений, успеха и черной зависти, что кожа его была продублена, как подошва. Однако тут и его забрало: отчего бы иностранцам, путешествующим в отличной машине, быть такими мрачными? Не иначе беда! Какая? Оно вроде и не слишком ловко вторгаться в чужую жизнь, а с другой стороны, если мы им не поможем, кто же поможет? Примерно так рассуждал мой Дикарь. И соображает: а что, если предложить этой паре завить горе веревочкой? Достает он бутылку коньяку и решительно направляется к иностранцам, выпить предлагает. Тут и язык не нужен, бутылка сама за себя говорит. Засуетились иностранцы, выносят стулья, столик раскладывают, ставят стаканы, зовут компаньонов моего Дикаря. Супруга иностранца, человека с лицом симпатичным и умным, лопочет что-то на языке, совершенно непонятном. И тут мой Дикарь улавливает нечто знакомое: оказывается, говорит она на смешанном русско-украинско-польском диалекте да еще французских слов прихватывает.

И выясняется следующее. Иностранец, по национальности бельгиец, воевал с гитлеровцами, попал в плен, оттуда в концлагерь, там познакомился с теперешней женой Ганной, угнанной фашистами в сорок втором году. Полюбили друг друга и тихо-мирно зажили после войны в Льеже. И все было бы преотлично, не терзайся Ганна мыслями об отце, матери и сестре: все розыски были впустую... И вдруг чудо! Ганне сообщают, что родители и сестра живут по-прежнему в родном городе. Советский консул принял к сердцу эту в общем-то не такую уж редкостную историю и быстро исхлопотал супругам визу. На машине отправились они в дальний путь. Приехали во Львов, а тут по какому-то недоразумению им сказали, будто в Луцк к родителям Ганны ехать нельзя. Между тем стало известно, что отец Ганны очень болен. Он уже знал, что дочь во Львове, и все ждал ее.

Утром следующего дня сажает мой Дикарь бельгийца в машину и едет с ним во Львов: обращается к высшим властям и, конечно, добивается для бельгийца разрешения ехать к родным Ганны. Повеселевшие, возвращаются они в кемпинг, въезжают в ворота, а навстречу бежит администраторша, кричит во весь голос:

— Приехали, приехали!

К тому утру весь кемпинг знал историю инженера-бельгийца и его жены. Когда администраторша радостным воплем известила обитателей кемпинга о приезде родителей Ганны, толпа бросилась на волейбольную площадку. Сказать страшно: двадцать три года не виделись люди!

И такое творилось в те часы у палатки бельгийца! Обнимались незнакомые люди, обнимали Ганну и ее мужа, рыдали женщины, смахнули скупую слезу Товарищ-По-Путешествию и Молодой Дикарь. И моего Дикаря прошибло, и всхлипывал отец Ганны. И уж так-то радовалась махонькая, согбенная годами и работой мать Ганны!

Гроза разогнала людей. Сверкали молнии, чертя небосклон, и раскатывались громы.

5. ОН В БЕДЕ

Мудро гласит пословица: «Без друзей да без связи — что доктору без мази». Оно и верно: ты выручишь человека, а он тебя.

Приключилась беда и с моим Дикарем. В сорока с чем-то километрах от Кишинева, на подъеме, машина стала. Ни туда, ни сюда. Сволокли ее с пригорка и отвели на отросток шоссе; в самом конце отростка виднелась избушка, а возле нее скреперы. Полное безлюдье: суббота, небеса набухли тучами, вот-вот жди дождя. Машиной занялся Товарищ-По-Путешествию. Срок его отпуска кончался, но он не покинул напарника ни теперь, ни в предыдущие дни, когда у моего Дикаря на протяжении ста сорока километров, да еще ночью, полетели разом три покрышки!

Залез Товарищ-По-Путешествию под машину, а тем временем дождь хлестал уже во всю силу. Покопался Товарищ и сказал, что полетело сцепление, коробку надо снимать и ставить новый диск или к старому наклепать свежие накладки. Ну, дела! А тут подошел к машине Человек и спросил, в чем, мол, дело. Объяснили.

— Ничего,— молвил Человек,— завтра поправим.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Человек — начальник авторемонтного дорожного отряда. Его-то скреперы и стояли у избушки, куда он пригласил всех ночевать.

Утром встал мой Дикарь и увидел такую картину: три пары ног торчат из-под автомобиля. Поговорили они там, под машиной, вылезли: Товарищ-По-Путешествию, хозяин избушки и Механик, поднятый им с постели. Механик сказал, что, мол, правильно определил товарищ инженер аварию: нужны накладки.

— Где их можно достать?

— В Дубоссарах. Отсюда километров десять.

Товарищ-По-Путешествию завел машину, посадил Человека, Механика, моего Дикаря, поехали. Да о том забыли, что день выходной. Объехали они полдюжины автохозяйств... Где замок висит, где кладовщика нет, либо есть накладки, да сделать некому. Сочувствиями хоть карманы набей, а помочь не могут, рады бы, всей душой, так сказать, но... Вот уж завтра... Завтра! У Товарища-По-Путешествию осталось от отпуска шесть дней, а он мечтал хоть дня три побыть у моря... И тут Механик вспомнил, что есть у него знакомый Автолюбитель, вдруг повезет?!

Поехали к Автолюбителю. Этим двоим, Механику и начальнику отряда, отдохнуть бы в выходной, а они чужую беду размыкивают.

Автолюбитель покопался в кладовке и нашел накладки. То-то радость! Только оказалась она недолговечной: накладки надо наклепать, а слесарные заведения закрыты.

— Едем в колхозную кузницу,— решил Человек.

Кузницу сторожила сурового вида женщина. С Человеком у нее были какие-то стародавние счеты: то ли она задолжала ему за купленную корову, то ли он взял с нее лишку... Так ли, не так ли, уперлась вздорная баба: не пущу, выходной. Начал ее уговаривать Механик, потом Товарищ-По- Путешествию; мой Дикарь тщетно взывал к женскому милосердию. Ни в какую! Наконец показали ей пятерку... и ворота кузницы тут же открылись. Нашли заклепки, сделали все, вернулись, а дело уже к вечеру. Часов пять бились, чтобы снять коробку и снова поставить на место... Под машиной грязь, одежда измазана, лица чумазые, но смеются, шутят: то ли бывает!

Наконец завели машину. Товарищ-По-Путешествию сел за баранку, и машина прытко взобралась на пригорок.

Вынул мой Дикарь деньги, а Человек и Механик руками замахали. Деньги? Да вы что, за кого нас принимаете?!

Вот так-то оно!

6. ЕГО ЗАВЕТНОЕ МЕСТЕЧКО

Не доезжая километров двенадцать до Мукачева, прямо напротив железнодорожной станции Пасека, на берегу быстрой горной речки Латорицы, растут ивы: два ряда их тянутся вдоль речного откоса, создавая иллюзию тоннеля. За ивами просторный луг, дальше, на холмах предгорья, белеют палатки спортивного лагеря, а недалеко чистый, уютный городок Свалява. И горы вокруг ни на какие другие не похожие, прекрасные, величавые Карпаты, снизу доверху в пышном зеленом уборе.

Если среди ив, у самой кромки берега, вы увидите ярко-оранжевую палатку, знайте — здесь обосновался мой Дикарь.

Это и есть заветное местечко, самим богом созданное для бездумного отдыха. Мой Дикарь с удовольствием указал бы вам дорогу к тому месту, но она такая запутанная, что потребуются долгие объяснения, а толку никакого: есть на шоссе поворот к Латорице, прозевать его — пустое дело.

Не впервой живут здесь мой Дикарь, Дикариха, Сашка и собака, достигшая того сознательного возраста, когда куры, гуси и утки нимало не волнуют ее: ходите, плавайте — нужны вы мне!

Когда все спят, мой Дикарь выносит из палатки раскладной стул и долго-долго сидит, облитый лунным сиянием. Прямо перед ним на противоположном берегу золотом отливают макушки деревенской церквушки, белеют домики, взбегающие на предгорье, а за ними горы и лес, как бы разрезанный просекой, и горы направо и налево, и далекие сосны, выстроившиеся, словно солдаты, по верху хребтовины.

Терпким ароматом созревающих трав полон ночной воздух, прохладой веет от реки. И удивительная тишина, изредка нарушаемая грохотом поездов: идут составы в Чехословакию, Венгрию, Румынию, идут, набитые советским добром, и возвращаются полными добра чешского, венгерского, румынского... Да прошумит запоздавшая машина на шоссе, вырвет светом фар на миг кусок равнины... И снова безлюдье, тишь, звездное мерцание над уснувшими горами, над дремотными лесами, над ивами, склонившимися устало к Латорице.

Лепечет быстро бегущая волна, слышатся ее переливы на поворотах, этот немолчный шорох успокаивает душу... Вот сонная птаха шевельнулась в прибрежном кусте, рыба плеснула.

Мерное дыхание ночи...

Бежит, бежит время, а мой Дикарь все еще наслаждается этой ночью, этими запахами, этим шорохом вод. И мысли, ясные и спокойные, текут, подобно волнам Латорицы, и все в этом непростом мире кажется простым, уходит горечь пережитого, забывается жизненная дрянь.

Медленно рассветает. Меркнут бриллианты Большой Медведицы, сыростью повеяло: луг подернут колышущимся туманом, он густеет, вот уже дали скрыты им, лишь горные вершины как бы плавают в растекающемся мареве.

Блеклый свет озаряет восточные склоны гор, синеет туман, и солнце, словно бы нехотя, словно ему не хочется нарушать очарования ночи, поднимается ввысь. Туман еще плещется над кустами, клочья его плывут по лугу, оставляя серебристый след.

Дикарь встает, разминается... И снова садится. Нет, он успеет выспаться, он хочет навсегда запомнить эти часы наедине с ночью, с горами и рекой, с ароматом трав, со своими мыслями о чем-то возвышенном и прекрасном, как прекрасен мир вокруг.

Он снова и снова вернется сюда, весь год он будет жить милой сердцу надеждой.

Ибо здесь он оставил часть своей души.

ЭТО КОГДА БЫ-ЛО!

Генрих БОРОВИК, соб. корр. АПН

— А как у вас тут расовые дела? Спокойно?
— Абсолютно спокойно. Никаких неприятностей. Тот парень, который на прошлой неделе убил негра, вчера уже уехал.

Из разговора.

Розовый от смущения рассвет проникает в окно и наконец-то вытесняет синюшный свет огромного стеклянного леденца на палке. Всю ночь тот с ярмарочным оживлением крутился напротив мотеля, призывая путников восстанавливать лошадиные силы своих автомобилей газолином только компании «Эссо».

Уже время. Я чувствую: время! Но ленивая бестия матрац и не думает будить меня, хоть вечером, согласно инструкции, я затолкал в его таинственное электрическое нутро не меньше тридцати центов. Не открываю глаз. Жду. Черт с тобой, думаю. В конце концов вся ответственность на тебе. С меня взятки гладки.

Но у него тоже характер. Он лежит, как обыкновенный тюфяк.

А ведь ночью он позволял со мной безобразные шутки. Тряс, подбрасывал, звякал пружинками, будто приглашал танцевать. Я бил его кулаком. Но он, видно, страдал бессонницей. А сейчас, когда надо будить человека, дрыхнет.

Телевизор — тот другое дело. Включается сам собой, как было условлено, ровно в семь часов.

Навечно причесанная девица говорит своему грустному приятелю: «Знаешь, почему босс не приглашает тебя на ланч? Откровенно? У тебя пахнет изо рта». Она вынимает из сумочки большой флакон и произносит восторженно: «Скоуп — полоскание для рта. Оно заканчивает то, что начинает зубная щетка». Молодой человек выражает на лице величайшее счастье и бежит в туалетную комнату. Флакон «Скоуп» крупным планом на весь экран. Затем появляется видный мужчина средних лет, с энергичным подбородком— босс. «Билл, позавтракаем вместе»,— предлагает он молодому. Оба уходят. А причесанная девица поворачивается ко мне и делает большие глаза: «Он уже второй раз завтракает со своим боссом! Помните: «Скоуп» — первое условие вашего успеха в жизни!»

— Почему не запомнить? Запомним.

Я ставлю рычажок термостата на пять градусов выше. Через десять минут в комнате будет именно та температура, которую я пожелал.

Желтая лампа интенсивного света, спрятанная в потолке ванной комнаты, покрывает городскую кожу провинциальным загаром.

Пока я размышляю, каким из восьми подогретых полотенец вытираться, настенная автоматическая электрическая плитка (наполните водой стеклянный сосуд, и под его тяжестью плитка включится) готовит мне утренний кофе.

Я заряжаюсь электричеством и автоматикой до предела. Между мной и нейлоновым ковром под ногами образуется поле высокого напряжения. С рукавов соскакивают желтые электрические чертики. Голова — как лейденская банка: соедините уши проволокой — взорвусь.

Хватаю чемодан. Скорей на волю, в пампасы из этого электрического царства! Между пальцами и дверной ручкой щелкает сухая сантиметровая молния. За спиной я слышу тяжелый вздох и затем мелкое металлическое хихиканье: проснулся разгильдяй матрац.

Прекрасная страна Алабама! Прекрасная страна Миссисипи!

Темно-красная земля, бурые листья на деревьях, палевые купола силосных башен, похожих на небольшие обсерватории, золотистые водонапорные клизмочки (их здесь ставят земле в великом множестве). Розовый иней на траве.

А когда солнце поднимется чуть повыше, вдруг взрывается желтизна — не поймешь, где солнце, а где кукуруза, и закипают поля золотыми ошметками небрежно убранного хлопка.

А за полем дом — красно-кирпичный, приземистый, с плоской крышей. Похожий на бензозаправочную станцию. Современность.

И другой дом — деревянный, двухэтажный, крашенный белой краской, с белыми колоннами с фасада. Из старой детской книжки про плантаторов.

У входа гипсовый, крашенный масляной краской и потому потный негр с фонарем в руке, в белой чалме и красных шальварах, гипсовый же аист на коротко, под бокс, остриженном блондине-газоне, белое колесо от пионерского фургона, на треть врытое в землю у ворот (последнее означает, что предки хозяина прибыли сюда с первыми поселенцами, никак не позже).

И еще дома, поближе к дороге. Трухлявые, серые доски. Никаких фургонных колес, и никаких гипсовых негров у входа. Десяток взаправдашних темнокожих ребятишек облепили качели — облысевшая резиновая автомобильная покрышка на веревке, привязанной к ветке дерева. Это все тоже из старой детской книжки.

И еще. Но не дом, а только кирпичная печная труба на пепелище, похожая на одинокий крест, с которого сорвали перекладину.

Особенно хорошо на дороге вечером. Когда раскаленный солнечный пятак только-только опустился в прорезь копилки за горизонтом, дорога уже синяя, а провода на столбах еще золотые. И высоко в заголубевшем сразу небе две короткие серебряные иглы реактивных самолетов бесшумно штопают что-то длинными пушистыми нитками.

По вечерам здесь пахнет жареной кукурузой, коровьим навозом и сеном. О бензине я не говорю. Бензином в Америке пахнет везде.

Хорошо вечером въезжать в незнакомый город — большой ли, маленький ли,— всегда здесь, на юге, низенький, разлапистый, уютный. Концентрация спокойствия и нерушимости чего-то очень прочного, вроде старого кованого сундучка, что передается в семье из поколения в поколение.

Город встречает путника вечным бензоколонковым праздником: флажки, бубенчики, фонарики, разноцветные стеклянные леденцы на трехметровых стальных палках — «Шелл», «Эссо», «Стандард ойл», «Мобил», «Тексако». Заправьтесь и, может быть, получите в придачу бесплатно стаканчик, рюмочку, марочку, тряпочку, предсказание судьбы. Лишь заправьтесь именно под этим леденцом!

А на фонарных столбах папье-машевые пухлые ангелы с проволочными нимбами у затылков старательно дуют в золотые и серебряные трубы и моргают глупыми электрическими глазами.

И стоит в центре города огромная елка — если рождество,— и гирлянды бумажных цветов висят над мэйн стрит. И люди на углах звонят в коровьи колокольчики — требуют пожертвований на облегчение чьих-то страданий.

Боже мой, да какие тут могут быть страдания, когда кругом такая благодать, так все хорошо и покойно и даже можно выиграть 1000 (тысячу!) долларов в какую-то пустячную, не то бензиновую, не то телевизионную лотерею! НАЛИЧНЫМИ!

Послушайте, да неужели это та самая Алабама? Неужели та самая Миссисипи? Да полноте!..

Первый мотель, который рекламирует себя на подступах к городу Селме, носит название «Либерти» (свобода).

На дворе холодный вечер, и, кажется, слышно, как дребезжит под ветром вода в плавательном бассейне. А в оффисе мотеля тепло, светло, спокойно и прочно. Хозяин — человек немолодой, но сухощавый, подтянутый, аккуратно, даже несколько щеголевато одетый, при жилете с искрой и бабочке (усики — зубная щетка фирмы «Колгэйт»— сидит в кресле-качалке. Хозяйка мотеля — особа внешне неприметная — за конторкой что-то там высчитывает на счетной машинке. Хозяйкин папа, приехавший из другого штата погостить к детям,— седой, розовощекий старик с картинки, рекламирующий средство от расстройства желудка,— на диване. Хозяйкина мама — старушка с рекламного проспекта компании страхования жизни (голубые локоны, нейлоновые ресницы, карминные щеки) — тоже на диване.

Еще на диване — пара молодоженов-постояльцев. Тугая девица в обтяжку, жующая резинку. И при ней молодой, скрученный медовым месяцем муж.

Перед ними в углу очень большой и очень цветной телевизор. На журнальном столике ваза с нейлоновыми фруктами — чтобы было красиво.

В этой уютной обстановке я лезу к хозяину с неуютным разговором.

— Все это когда бы-ло!..— отвечает он лениво.— Это летом было. А теперь мы с ними душа в душу. Никаких, ну абсолютно никаких неприятностей. Живем все вместе, в одном городе. Рядом. Квартал — белые, квартал — негры. И школы интегрированы. Пожалуйста, учитесь.

— Изн'т ит вандерфул?!— восклицает хозяйкина мама то ли по поводу слов своего зятя, то ли что-то там хорошее в телевизоре.— Разве это не прекрасно?

Тут зять делает скорбное лицо: страдает.

— Только, понимаете, какая загвоздка. Они сами не хотят. Их там мало в школе для белых — всего несколько человек. Ну и чувствуют себя, так сказать, неуютно. Вернулись в свою прежнюю школу — для черных. Да... А пустить их фифти-фифти — половину — нельзя. Вы же понимаете, у них здесь,— он целится указательным пальцем себе в висок,— никаких способностей. Вы меня, конечно, понимаете?

Он объясняет обстоятельно и доброжелательно. Верит, что пойму.

— У них в голове ветер, как там, на улице. Наследственность. Вот живет негр в развалюхе. Вдруг повезло — заработал деньги. Думаете, отложит на ремонт? Как бы не так! Ха-ха! Купит телевизор. Или даже пианино, какое-нибудь старое, которое вывозят на свалку. Он «любит музыку», видите ли! Ха-ха!

И, запрокинув голову, хозяин смеется.

— Изн'т ит фанни?— громко произносит хозяйкина мама.— Разве это не смешно?

— Да черт с ними, нам безразлично. Телевизор так телевизор. Пусть живут как хотят,— продолжает хозяин, отсмеявшись.— Одна просьба: пусть к нам не лезут.

Тут лицо его обретает твердость очертаний, а голос — кусочек металла.

— Пусть к нам не лезут. Если бы не приезжали тут с севера трамблмэйкеры (устроители неприятностей),— и хозяин делает паузу, дает понять, что слова частично относятся и ко мне, потому что номер на моей машине нью-йоркский, северный,— здесь бы вообще не было никаких проблем. Тут, в Селме, негры смирные. В шестьдесят пятом приехали, например, подбили негров устроить «марш за свободу» от Селмы до Монтгомери. Ну, конечно, наши их попытались остановить. Убили одну негритянку. С севера, кажется, из Детройта. Шу-ум на все Штаты! А ведь я говорил: не надо останавливать, пусть себе маршируют...

— Изн'т ит интрестинг?— несется с дивана.— Разве это не интересно?

— И пока черномазые шлялись по дорогам в жару, умные люди на этом деле кое-что, ха-ха, заработали.

И не без удовольствия и снисходительности хозяин показывает бронзовую памятную медаль, на которой изображена группа людей, идущих по дороге, и надпись: «Марш Селма—Монтгомери, 1965 год».

— Это мы, хе, выпустили. Одну я даже послал президенту. И получил в ответ благодарственное письмо.

И он снова целит указательным пальцем себе в висок. Это, конечно, не в адрес президента, а в адрес негров.

На экране телевизора негритянская певица и белый конферансье. Телевизор цветной, и поэтому лицо негритянки желтое, с фиолетовыми губами, а лицо белого — улыбающийся помидор.

Хозяйкин папа чмокает губами:
— Она ничего...

Для негров — наручники, дубинки, полицейские автомашины.

Тугая блондинка уже давно тянет своего скрученного за рукав— ну пойдем в номер, ну пойдем, уже пора. Тот смотрит на нее, как кролик на удава. Потом покорно поднимается.

Хозяин желает им, хе-хе, спокойной ночи.

— Арн'т зей чарминг?— произносят на диване.— Разве они не очаровательны?

Что за славная штука дорожно-полицейская, так сказать, литература! Все эти «стоп», «крутой поворот», «скользко». У этого вида литературы масса преимуществ перед обыкновенной: она кратка, как команда, понятна, как команда, и, как команда, ведет за собой читателя. Если написано «притормози» — тормозишь. А не послушаешь — пеняй на себя.

Давно прошли времена, когда американские дороги были уставлены с двух сторон сплошными стенами рекламных плакатов. Реклам теперь нет. Говорят, реклама отвлекала водителей от исполнения прямых водительских обязанностей. Теперь вдоль дорог оставлено только самое необходимое: «На этом перекрестке убито 16 человек» (цифра многозначительно сменная), «Осторожен сегодня — жив завтра».

Чисто рекламные плакаты появляются лишь за две-три мили до очередного городка: «Мотель «Мудрый турист» — второй поворот направо», «Лучший жареный цыпленок на земле в ресторане «Тетушки Анны», «Похоронный дом «Браун и сыновья» предоставляет услуги по разумным ценам». Включение мистера Брауна с его сыновьями в разряд необходимой водителю информации настраивает на меланхолический лад.

С продвижением на юг стиль дорожно-полицейского творчества становится торжественней. Обыкновенный дорзнак с единственным словом «стоп» в Миссисипи звучит куда более велеречиво: «Закон Миссисипи требует —остановиться перед коровьим переходом».

Однако многословие приводит к неясностям. Такой, например, голубенький плакат —«Get right with God» можно понять по-разному: «обретай истину с богом»— церковный мотив, «будь с богом справа» — политический, «держись с богом правой стороны» — дорожный, с клерикальным оттенком. Бог его знает, какой команде следовать!

Полицейскому словотворчеству противопоказана неопределенность.

Штат Алабама встретил серией полицейских плакатов в лучших традициях детективной литературы. Первый плакат из этой серии представлял собой завязку сюжета: «Твои убийцы на дороге». После сих слов стояло двоеточие и лежало триста футов пути. Через триста футов второй плакат развивал интригу: «Езда с повышенной скоростью...» Еще через триста футов: «Езда по левой стороне...» Еще через триста — «Езда с неисправными тормозами...»

Убийц я насчитал пять. Седьмой плакат доводил интригу до кульминации и готовил развязку: «Твой единственный спаситель на дороге...»— кричал плакат светящимися в темноте буквами и обрывал этот крик, чтобы заставить водителя еще триста футов мучиться вопросом: кто же, кто же он, этот таинственный и, конечно, благородный спаситель?

Сто футов, еще сто, еще... И, наконец, развязка — черным по желтому: «ПОЛИЦЕЙСКИЙ ШТАТА АЛАБАМА!»

Ну слава богу! Фу ты! Как гора с плеч.

Перед самым отъездом в штат Алабама я прочел в газете «Нью-Йорк таймс» сообщение о том, что алабамский полицейский по имени Коннор неподалеку от той самой дороги, где я видел захватывающую серию детективных плакатов, остановил без всякого повода легковую машину, вытащил из нее водителя-негра Джеймса Мотли и избил рукояткой пистолета. Через несколько часов негр умер.

Многие жестяные дорожные знаки изрешечены пулями. Ничего особенного. Охотничий сезон. Люди тренируются. Бьют по знакам прямо из машины. С ходу.

Оружие в Алабаме и во многих других штатах продается свободно. В магазине можно купить нож, пистолет, охотничью винтовку, боевую винтовку и полуавтоматическую винтовку. Впрочем, автоматическую тоже можно. И пулемет можно. И базуку. И даже пушку. Ограничение в покупке только одно: если приобретаемое оружие короче 18 дюймов (полметра), покупатель должен сообщить продавцу свою фамилию и домашний адрес, если оружие длиннее 18 дюймов, то имя и адрес сообщать необязательно.

После того как бывший солдат морской пехоты 25-летний Чарльз Уитмен летом прошлого года, забравшись на университетскую башню в Остине (штат Техас) с несколькими боевыми винтовками, убил и ранил на университетской площади полсотни человек, в Америке начали раздаваться настойчивые требования запретить свободную продажу боевого оружия. Однако пока это движение успеха не имеет: противятся те, кто изготовляет и продает оружие.

Недавно несколько журналистов провели такой эксперимент. Они установили на небольшом грузовике миномет и в течение одного дня разъезжали по дорогам. Несколько раз машину останавливали полицейские за нарушение дорожных правил. Но только один полицейский поинтересовался: а зачем, собственно, на грузовике установлен миномет и рядом лежат мины?

— Едем охотиться на кроликов,— объяснили журналисты.

— Ну, счастливой охоты,— кивнул полицейский и отпустил минометчиков с миром.

За рулем новенького «пикапа» проехал старик в техасской шляпе, похожий на бывшего президента Трумэна (хотите верьте, хотите нет, все белые старики в Алабаме и в Миссисипи похожи на этого экс-вице- и экс-президента Соединенных Штатов). В кабине, под сиденьем,— боевая винтовка. Да как ловко прикреплена! Протяни руку — и вот она. Охотник, видно, старик-то, охотник...

Принц Альберт в темном сюртуке (белая гвоздика в петлице), визитных брюках, белых перчатках валяется на мостовой возле водосливной решетки. Сюртук в пыли, на лице комок грязи, по усам ползет муха. Но принц не выпускает из руки своей знаменитой трости и не меняет позы. В горизонтальном положении он столь же величествен, что и в вертикальном.

Полицейский время от времени дотрагивается до принца носком ярко начищенного сапога и улыбается. У Джона Салливана обаятельная улыбка. Зубы, правда, крупноваты, и поэтому нижняя часть лица кажется отяжелевшей. Но улыбка обаятельная и глаза голубые. Джону, наверное, лет 35. Он высок, строен, мужествен и изящен, как ковбой от Братьев Уорнер. На короткой синей курточке с левой стороны орденская ленточка («Да ну, пустяк, задержал вора, ограбившего бензоколонку!») и красный крестик на рукаве,— значит, Джон может в случае чего оказать первую медицинскую помощь и даже — вы поверите?— принять роды. До полиции Джон служил в армии в Панаме, в Гуантанамо (американская военная база на Кубе), в Пуэрто-Рико. Поездил, в общем, повидал, повидал мир.

Сапогом он легко переворачивает принца лицом вниз. Потом снова лицом вверх. Теперь один глаз Альберта залеплен желтым осенним листом. Другой тем не менее смотрит с достоинством.

Разговор наш идет в самом центре города Тускалуса, возле бара «Джонни». Салливан проясняет нам обстановку насчет белых и негров.

Обстановка, по его словам, такая.

Уже почти год никаких неприятностей. Черные ведут себя спокойно. Их, между прочим, всюду пускают. Кроме нескольких кинотеатров, ресторанов и парикмахерских, конечно. Ну и в некоторые места они, сами понимаете, не ходят. Не хотят. Например, в этот самый бар «Джонни».

В Тускалусе — штаб ку-клукс-клана. Ну и что? Там хорошие парни. И Великий Дракон, мистер Шелтон, тоже живет здесь. Добрейший, между прочим, человек. Он, например, обучил одного парня летать на самолете. Бесплатно! Ну что вы на это скажете?

Подкатывает длинная, изумрудного цвета машина и останавливается возле бара «Джонни». Наш милый Салливан бросается к лимузину открывать дверцу. Оттуда выпархивают три девицы, благодарят воспитанного полицейского. Салливан кивает вежливо и скромно. Девицы, оживленно попискивая, шагают через принца Альберта и проходят в ресторанчик.

Нет, Салливан не член ку-клукс-клана. Правда, многие полицейские, его друзья,— члены. А он — нет. Официально это ведь не разрешается. А зря, между прочим. ККК — справедливая организация. И цель у нее правильная: утвердить превосходство белых над черными. Это необходимо. А как же!..

Салливан смотрит на нас со своей обворожительно-честной улыбкой. Он бросает сигарету, и окурок падает вниз, на принца. Тот начинает слегка попахивать жженой краской.

— В чем превосходство? Ну бросьте, это ясно каждому. Вот вы арестовываете негра. И начинаются мучения. Спрашиваете, как его зовут. Элементарный вопрос, правда? Знаете, что он отвечает? «В семье,— говорит,— зовут Джоном, сосед слева — Бобом, сосед справа — Чарли, на улице прозвали Длинным, а остальные кличут Биллом». Ну, что вы на это скажете?

Салливан смотрит на нас, не сомневаясь в нашем сочувствии.

— Когда родился?— спрашиваете. Отвечает: «Мать говорит, что лет сорок назад». Где живешь? «Где-то на седьмой улице». Где работаешь? «Где-то на железной дороге». Представляете?

Салливан смеется. Не зло, спокойно смеется. Так обычно смеются люди, которые имеют постоянную возможность в случае чего доказать правоту своих взглядов при помощи оружия.

Потом он — любознательный парень!— спрашивает о Советском Союзе.

— А правду говорят, что если у вас ни одной коровы, а у соседа две, то вы идете к своему премьеру и требуете: «У соседа вон две коровы, а у меня ни одной — давайте разделим его коров поровну»? А можно у вас купить дом, чтобы много квартир и чтоб сдавать? Нельзя? (Удивлен.) Тогда к чему же вы стремитесь? В чем же вы можете обогнать соседа?

Снизу, с пустой жестяной коробки из-под табака, на Джона строго смотрит одним глазом принц Альберт.

— На посту не разрешается нюхать табак — расчихаешься на всю улицу, а курить можно,— сообщает Джон Салливан и улыбается своей милой улыбкой.

Нельзя сказать, чтобы местная печать не информировала общественность о жизни Советского Союза. Нельзя сказать. Я бы лично не рискнул утверждать такое. Тем более, что сам с большим интересом прочел в тускалусской газете сообщение о том, что «красные борются с шумом на стадионах» и что за этот самый шум «дисквалифицирован футболист Зьюзьюкин».

Так-то, товарищ Зьюзьюкин! Зря вы рассчитывали на то, что ваш поступок не заметят в Тускалусе штата Алабама.

Полдня ухлопали на то, чтобы разыскать Великого Дракона ку-клукс-клана — мистера Шелтона. В телефонной книге имени его нет, полиция адреса не дает. В местной газете весьма неохотно (газета почему-то не любит связываться с добрейшим человеком из Тускалусы) сказали, что оффис Шелтона находится в Олстенбилдинге. Направились туда. В вестибюле у лифта сидел на табуретке пожилой негр с бельмом на глазу.

— Ку-клукс-клан?— переспросил он равнодушно.— Посмотрите в указателе.

В указателе на стене ку-клукс-клан тоже не значился.

Говорят, Великий Дракон не любит шуметь в городе, в котором живет.

Костры ку-клукс-клана, пылающие кресты и островерхие колпаки с прорезями для глаз мы увидели только на фотографии, которая висела на стене в редакции тускалусской газеты. Молодой парень, заведующий отделом распространения, сказал, что фотография сделана прошлым летом. С тех пор все тихо.

Нет, нет, все спокойно в Алабаме. И все спокойно в Миссисипи. И никаких проблем. Это мне объясняют поочередно все.

Например, священник в городе Тускалуса — высокий витиеватый джентльмен в массивных очках и в туго накрахмаленном белом ошейничке. Вначале, будто невзначай, он твердо придерживает ногой дверь. Не пускает в церковь. Я не местный, на машине нью-йоркский номер, дорожные ботинки не очень-то начищены, и куртка мятая. А там, в зале, в сине-желтом свете витражей сидят черные костюмы — белейшие воротнички, платочки из боковых карманов.

Потом недоверчиво улыбается— мол, бросьте шутить в храме божьем: откуда тут, в баптистской церкви города Тускалуса штата Алабама, человек из Москвы?! Глядя на документ, слабо ахает.

Молчаливое метание фигур в темном. И сразу же мне протянута какая-то церковная анкетка с вопросами. Предложено заполнить. Чуть подрагивают пальцы витиеватого. И в шее напряжение — будто ждет удара. Или готовится ударить. Или, может, от ошейника?

Дверь распахнута. Где сэр желает сидеть? Идет служба, поэтому изъясняемся шепотом.

— Наша церковь открыта для всех, даже для негров,— шипит он.— Только они не ходят. У них своя церковь. Им там проще. Раньше когда-то были вместе, а потом, вы знаете, они отделились.

— Негры отделились?

— Да, представьте себе. Не приходят. Ни разу я не видел здесь ни одного негра...

— Это только в баптистской церкви так или во всех?

— Во всех, во всех,— закивал головой.— У них все свое. Им так проще, поверьте.

— И кладбище тоже отдельно?

— Да, да, и кладбище!— Он рад, что я такой понятливый.— Так где вы будете сидеть, сэр?..

А надписей насчет белых и негров нет. Чего нет, того нет. Ни в Алабаме, ни в Миссисипи. Запрещены законом.

Мой товарищ был в Джексоне— столице Миссисипи — года четыре назад. В здании вокзала висела тогда на стене, по его свидетельству, надпись: «Для белых». Беру фотокамеру, иду в зал ожидания, в меру грязный, в меру пахнущий карболкой, как залы ожидания всего мира. Внимательно осматриваю стены. «Пейте кока-колу», «7-ап», «Закон Миссисипи требует: бросайте мусор в специальные корзины». Это есть. А надписи «Для белых» нет. В левой части зала на длинных деревянных скамьях сидят несколько белых джентльменов, в правой части — несколько негров. А надписи нет.

Даже в парикмахерских нет этих грубых надписей. А раньше были. И там, где на стене виднелась табличка «Только для белых», негров не стригли и не брили.

Их там, правда, и теперь не стригут и не бреют. Но, как объяснил один парикмахер, вовсе не из расистских соображений — избави боже! Просто он не умеет стричь жесткие волосы. Ну что тут сделаешь — не умеет и все. Рад бы, да квалификации не хватает.

Только один раз я увидел ее, эту надпись. Недалеко от Вайноны, на дороге № 51. На большом плакате большими буквами значилось: «Вход для цветных». Стрела показывала на дверь в придорожное кафе. Стекла в кафе были выбиты, дверь сорвана с петель, штукатурка внутри обвалилась. Наверное, с прошлого лета им уже никто не пользовался. Так что, как говорил тот хозяин мотеля: «Это когда бы-ыло!»

Окончание следует.

ПОЗДРАВЛЯЮ СОВЕТСКИЙ НАРОД!

Американский ученый, доктор юридических и филологических наук Джером Дэвис — выдающийся общественный деятель, борец за мир. Он многократно бывал в нашей стране и полюбил наш народ. На просьбу специального корреспондента «Огонька» П. Чумака высказать свои суждения в связи с 50-летием Советского государства Джером Дэвис прислал следующее письмо:

Я пишу эти строки в день рождения Ленина и хочу преклониться перед его преданностью делу революции, его самоотверженностью и его великим водительством народных масс.

Ленина я увидел впервые после приезда его в Россию из эмиграции. Сильное впечатление произвели на меня его искренность, умение руководить и преданность делу повышения благосостояния всего народа. Керенский как-то говорил мне, что большевики никогда не придут к власти, но я ему не поверил. Мне довелось беседовать с Лениным, и он подтвердил мне все то, что я знал о тирании царского режима. Он прошел сквозь тюрьмы и ссылки, веря, что добиться справедливости для народа можно только путем революции.

Этим письмом я хочу также поздравить советский народ и его руководителей с достигнутым ими огромным прогрессом.

Я должен заявить, что мне не приходилось еще встретить хотя бы одного советского человека, который не желал бы страстно мира. Советские люди считают, что нет оправдания Соединенным Штатам в том, что они на расстоянии 13 тысяч километров от своих берегов ведут войну во Вьетнаме. Советский народ добивается всеобщего мира, и это его желание осуществляет Советское правительство.

Ленин сказал мне: советский народ докажет всему миру, что социализм для народа — это самая лучшая форма правления. Прогресс Советского Союза за 50 лет его существования можно считать почти невероятным, им удивлен весь мир. Советский Союз впереди всех стран в исследовании космического пространства, и, по всей вероятности, он первым пошлет космонавта на Луну.

Когда я думаю о Советском Союзе, то всегда вспоминаю о тех ужасных страданиях, которые перенес советский народ в течение двух мировых войн. В Советской стране погибло более двадцати миллионов человек; гитлеровцы уничтожили шесть миллионов зданий. Соединенные Штаты подобных потерь не переживали, и когда мы думаем о Советском Союзе, то мы должны изумляться скорости, с которой советский народ справился с чудовищными разрушениями.

Я хочу поздравить советский народ с 50-й годовщиной Советского Союза и высказать пожелание, чтобы, подобно вашей стране, все страны мира в такой же степени преуспели в достижении справедливости, чтобы они покончили с войнами и установили всеобщий мир.

Создадим же общими силами мир, дружбу и прогресс на всей планете!

Джером ДЭВИС

Вэст Хэвен,
штат Коннектикут, США.

3 июля в московском парке «Сокольники» состоялось торжественное открытие Международной выставки книг. На митинге, который состоялся здесь, выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев.

Выставка проходит под девизом «Книга — проводник идей Великого Октября, мира и прогресса». Более 180 издательств нашей страны, свыше 100 издательств других социалистических государств показывают самое лучшее, что выходит в свет к 50-летию Советской власти.

Фото Б. Трепетова (ТАСС).

ДРУЖБА И БРАТСТВО

По нефтепроводу «Дружба» на предприятия Чехословакии течет советская нефть. По ширококолейной железной дороге «Дружба», построенной год назад, прямо на рудный двор гиганта металлургии — Восточно-Словацкие железарни — поступает криворожская руда. «Мир» — так названа энергосистема стран СЭВ.

А в эти дни со страниц чешских и словацких газет звучит еще одно славянское слово — «братство». 28 июня в чехословацком местечке Руска, что на границе наших государств, был зажжен голубой факел в честь завершения строительства газопровода «Братство», по которому природный газ из-под Львова пришел на предприятия и в жилые дома наших соседей.

Газопровод строился с двух сторон. Чешские товарищи вели его по своей земле. Советские рабочие прошли через Карпаты навстречу чехословацким монтажникам сравнительно небольшой, но сложный участок в 190 километров длиной.

К. НИКИФОРОВА

Прага.

Так строился газопровод «Дружба».

международный КВН

Этот смешной и загадочный снимок — прелюдия одного большого и интересного начинания. Ведь, по старому немецкому поверью, трубочист, да еще с поросенком на руках, обязательно принесет удачу всякому делу...

А теперь по существу: 8 июля по Центральному Берлинскому телевидению прошла первая передача международного КВН, посвященная предстоящему празднованию 50-летия Советского государства. В ней приняли участие читатели восьми известных журналов и газет — четырех советских и четырех Германской Демократической Республики. Всего таких передач запланировано шесть. Они будут проходить регулярно через две недели на немецком языке под девизом «Zu zweit kein Problem» («Вдвоем легко решить все проблемы»).

В этот девиз вложено не менее трех смыслов.

Во-первых. Дружба народов СССР и ГДР.

Во-вторых. Имеется в виду принцип, по которому составлены четыре команды читателей, вступившие в соревнование по эрудиции, остроумию и находчивости. Каждая команда состоит из читателей двух журналов (или газет) — немецкого и советского. Журнал «Огонек» вместе с немецким иллюстрированным журналом «Фрайе вельт» образует команду под условным названием «Illus». Журнал «Крокодил» с немецким сатирическим журналом «Ойленшпигель» образует команду «Satyra». Газета «Комсомольская правда» вместе с немецкой молодежной газетой «Юнге вельт» — команду «Jugend» и советская «Неделя» вместе с берлинским еженедельником «Вохенпост» — команду «Woche».

В-третьих. Каждая из шести телевизионных передач будет сопровождаться большим концертом, в котором заняты лучшие артистические силы Советского Союза и Германской Демократической Республики.

В субботу 8 июля встретились команды «Satyra» и «Jugend». Первое сражение принесло победу команде «Satyra». В следующей передаче встретятся команды «Illus» и «Woche». О результатах встречи мы вас подробно проинформируем.

Теперь вернемся к нашему снимку. На нем запечатлены участники нашей команды «Illus» («Огонек» + «Фрайе вельт»), которые перед первым своим сражением отправились в городок Тифензее в гости к студентам-трубочистам. Там они облачились в традиционные черные костюмы с цилиндром и по очереди подержали на руках визжащего поросенка. С таким началом команда «Illus» наверняка рассчитывает обеспечить себе победу на международном берлинском КВН.

Леонид СТЕПАНОВ
«Огонек»,
Ханс ШРАЙБЕР
«Фрайе вельт»

Дондок **УЛЗЫТУЕВ**

ПЕСНЬ ТРУДОВОЙ ЮНОСТИ

Я снова вижу молодых бурят,
Что где-то там, в Европе,
Крепко спят
В чужой земле,
Под чуждым низким небом.
Прошла война,
Но выстрелы гремят,
К другой войне готовится солдат,
Солдат,
Что на войне минувшей не был.

Но ясно помнят
Сверстники мои
Тяжелые последние бои,
Цветы земли в накрапах,
Как в слезах,
И землю-мать
В воронках и распадах.
Война застыла у сирот в глазах,
Им о войне рассказывать не надо...

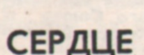
Чтоб где-то хлеба отыскать кусок,
Я, маленький, порой сбивался с ног,
И все же хлеба я найти не мог.
Поля пусты,
И мельница закрыта.
Сосед бы рад помочь,
Но что он мог?
Все это нами нынче не забыто.

Ведь мать моя от зорьки до луны
Держала плуг,
Как грозный меч войны,
И голосом охрипшим
Лошадей
Все погоняла у холмов Майготы.
А я все ждал
Под тихий зов степей,
Когда вернется мать моя с работы.

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

Когда вонзится в землю острый лемех
И наизнанку вывернет ее,
Он желтой глиной
Навсегда залепит
Седое, прошлогоднее жнивье.

Мне тяжело смотреть
На землю предков,
Когда ее на части режет плуг.
Недаром с незапамятного века
Земля — моя кормилица и друг.

Песок, как сито,
Пропускает в почву
Колючие весенние дожди.
И ветер по степи
Песок полощет.
От бурь песчаных
Ты добра не жди...

Но зерна, смело брошенные в землю,
Вернут земле былую красоту...
И по весне от этих зерен зелень
Пробьет песка бесплодную черту.

СЕРДЦЕ

Все оно уместится в ладони,
Но, пройдя через сотни тревог,
Сколько крови за жизнь перегонит,
Этот маленький, в общем, комок?

Сердце, сердце,
Большая планета
С переменами дней и ночей.
В сердце входят и осень и лето,
Холод самых глубинных ключей...

В сердце все,
Что ни есть, уместилось,
Хоть поднять его можно рукой.
В сердце резкость сменяет вдруг милость
И любовь переходит в покой.

Сердце — двигатель,
Сердце — антенна,
Каждый может быть сердцем пленен,
Сердце — это времен перемена,
Сгусток солнца
И алость знамен.

Перевел с бурятского
Вик. ПАРФЕНТЬЕВ.

В РИТМЕ СПАРТАКИАДЫ

А. **КОЛОДНЫЙ**

Фото А. Бочинина.

IV СПАРТАКИАДА НАРОДОВ СССР 1917 1967

Когда мы приехали в Воскресенск, чтобы познакомиться со спортивной жизнью города, нам посоветовали прежде всего встретиться с 70-летним Василием Алексеевичем Бойченко.

— Он не только страстный болельщик спорта, но и старейший житель города, свидетель всех перемен,— сказали нам.

Живую историю Воскресенска, или просто дядю Васю, мы застали на рабочем посту. То и дело распахивалось окошечко в комнату, где хранятся спортивные принадлежности, просовывалась рука с пропуском и кто-то просил:

— Василий Алексеевич, будьте добры, семь пар гетр и бутсов!

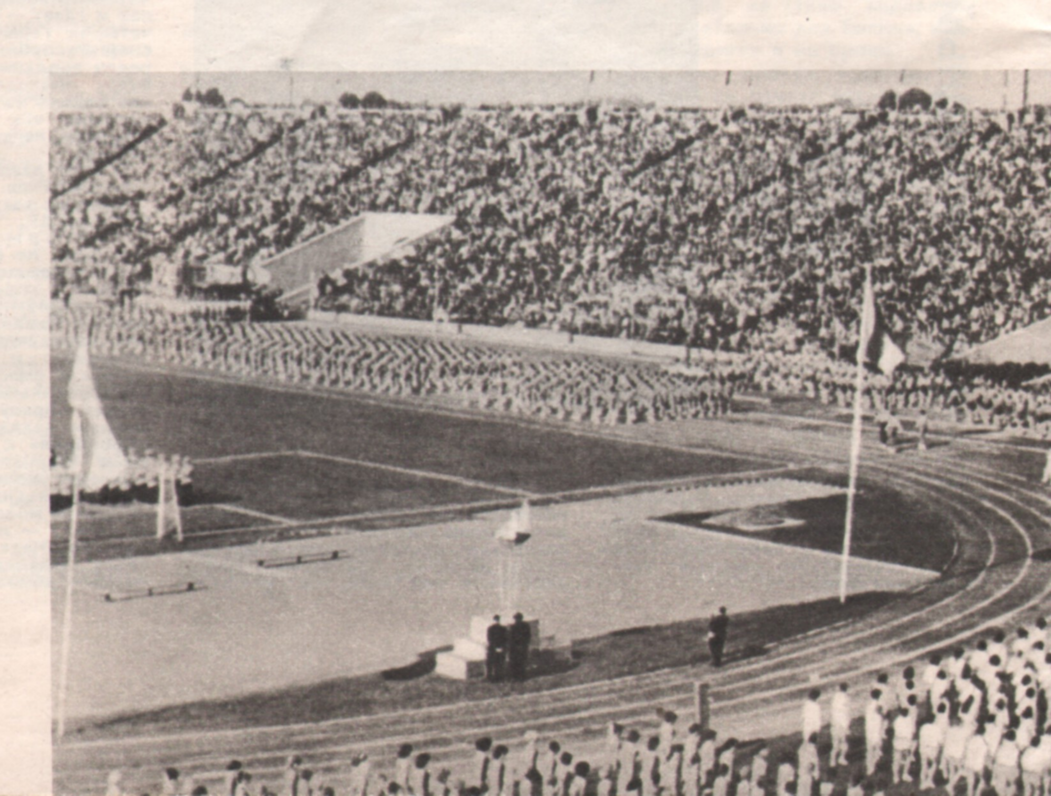
Заведующий спортивным складом стадиона химкомбината делал пометки в какой-то книжечке, аккуратно отсчитывал гетры и, выдавая их, каждый раз произносил: «Счастливо отыграть!»

Мы пришли явно в неподходящее время: кончился рабочий день, и на складе наступили часы пик. И все-таки разговор состоялся. Василий Алексеевич хорошо помнит Воскресенск в годы первых пятилеток, помнит, как тогда люди занимались спортом и мечтали о своем стадионе. А он появился гораздо позднее, когда тысячи юношей и девушек, среди которых был и молодой Бойченко, привезли на пустыри тонны песка и сделали первое в городе футбольное поле.

После такой встречи острее ощущаешь сделанное за эти годы, а сухие цифры, которые называют тебе в городском совете Союза спортивных обществ, приобретают особый смысл и не кажутся скучными. В городе, где 30 лет назад было лишь подобие спортивного сооружения, сегодня насчитывается 5 стадионов, 8 комплексных площадок, каждая школа имеет свой зал для занятий по физкультуре. А спортивный комплекс химического комбината включает в себя Дворец спорта, построенный по последнему слову техники.

— У нас в городе и районе тридцать процентов населения занимается спортом,— сообщил нам председатель горспортсовета Ю. Г. Пенкель.

Иной читатель скажет: «Ну и что ж тут удивительного! Воскресенск — город большого хоккея. Не тут ли секрет этих успехов?» Да, хоккей воскресенцы любят, но, помимо него, здесь есть любители еще девятнадцати видов спорта. Вспомните хотя бы Сергея Ефремова, бронзового призера чемпионата страны по боксу. Он из Воскресенска. На весеннем матче этого года юниоров-легкоатлетов победителем в беге с препятствиями стал Николай Данякин; Валентина Башкирцева выиграла соревнование по толканию ядра, а Наталья Барановская — прыжки в длину. Все они из Воскресенска. Неспроста легкоатлеты города составляют

От мала до велика.

40 процентов сборной юношеской Московской области.

Успехи детского и юношеского спорта — результат совместной заботы о детях всех городских организаций. В Воскресенске 2 детские спортивные школы. Там занимается более тысячи юных спортсменов, а всего в городе насчитывается 17 тысяч физкультурников-школьников. Интересно, что крупные соревнования, которые проходят в Воскресенске, способствуют появлению новых спортивных секций. Недавно здесь «выясняли свои отношения» сильнейшие акробаты Советского Союза. Чемпионат окончился, разъехались его участники, а в городе появились свои акробаты. Но самое главное внимание уделяется в детских спортивных школах, в летних лагерях оздоровительной и воспитательной работе с маленькими воскресенцами. И число влюбленных в спорт, в физкультуру растет год от года. Значит, должна расти и база для них. И воскресенцы строят. Строят, помня, сколько внимания уделено строительству спортивных сооружений в постановлении партии и правительства о развитии физической культуры и спорта. Скоро жители обновят на стадионе трибуны на 10 тысяч мест, водную станцию и бассейн, спортивный павильон с большим залом. Проектируется сооружение легкоатлетического манежа.

Могут спросить: как это все удается воскресенцам? Ответ прост: руководители предприятий города, и особенно Н. И. Докторов — депутат Верховного Совета СССР, директор Воскресенского химкомбината, А. Д. Каминский — директор комбината «Красный строитель», начальники строительно-монтажных управлений, с большим вниманием относятся к развитию в городе физкультуры и спорта.

Вот почему сюда с большой охотой едут работать люди со специальным физкультурным образованием. Но не только преподаватели школ и тренеры занимаются со спортсменами. За последнее время вокруг них собрались многочисленные помощники — общественные тренеры и судьи.

Мне особенно запомнилась встреча с Федором Александровичем Кушаевым, аппаратчиком цеха химического комбината. Щупленький вроде, он весь преображается, когда выходит на городошную площадку. Широкий взмах руки, резкий, сильный бросок, и, словно брызги от брошенного в воду камня, веером разлетаются городки. Федору Кушаеву 30 лет. Он успел постоять в хоккейных воротах, играл в футбол, бегал длинные дистанции. А потом понял: городки — его стихия. Сейчас он ведет городошную секцию в городе, и сборная команда Воскресенска занимает 3-е место в Московской области.

Другой спортивный активист, 19-летний Николай Журин, или, как его называют на комбинате «Красный строитель», где он работает слесарем, «капитан капитанов». У капитана капитанов едва пушок пробивается, а дел полезных он успел свершить немало. Да таких дел, что самые разные комиссии приезжали, интересовались. Еще бы не интересоваться: один 19-летний парнишка сумел привлечь к занятиям спортом более 300 девчонок и мальчишек! Николай организовал 12 футбольных команд, 12 волейбольных, несколько туристических походов. Сам он отлично играет в футбол, хоккей, любит легкую атлетику. Может, в этом секрет успехов Журина?

Сейчас Воскресенск готовится к Спартакиаде народов СССР и живет ею. Нынешнее лето воскресенцы так и называют спартакиадным. Событий предстоит много и самых разных.

И еще одна характерная черта спортивного Воскресенска: семейственность, хорошая спортивная семейственность. Любители спорта хорошо знают хоккеистов братьев Рагулиных. Все они вышли из «Химика». Сейчас в команде появились еще три брата — Александр, Геннадий и Владимир Сырцовы. Двое из них уже играют в команде мастеров, третий — в юношеской. В городе известны спортивные семьи Москаевых, Полухиных, Ростовских и других. Вот это и есть физкультура в быту народа!

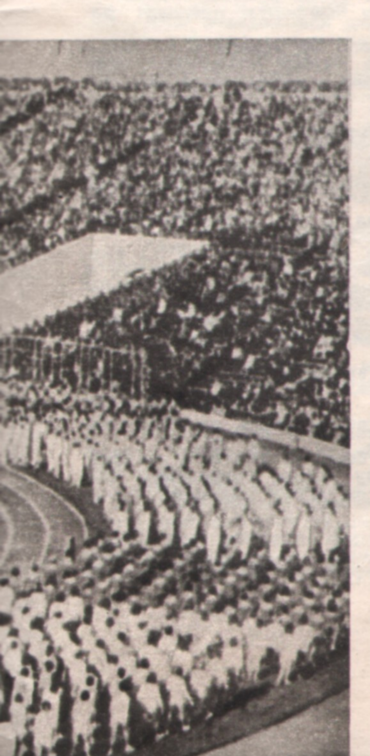

Пока строится водная база.

До встречи в Москве!

Ленинградский стадион имени С. М. Кирова вмещает более ста тысяч человек, и все эти места 1 июля были заняты! Открылась Спартакиада народов РСФСР.

Все лучшие спортсмены Российской Федерации собрались к этому дню на огромном стадионе, поднявшем свою чашу на берегу Финского залива. Торжественно прошел парад участников, а затем развернулась борьба на многих спортивных аренах. Цель — призовые медали и места в сборной команде РСФСР, которая направится в Москву, чтобы принять участие в финальных соревнованиях IV Спартакиады народов СССР.

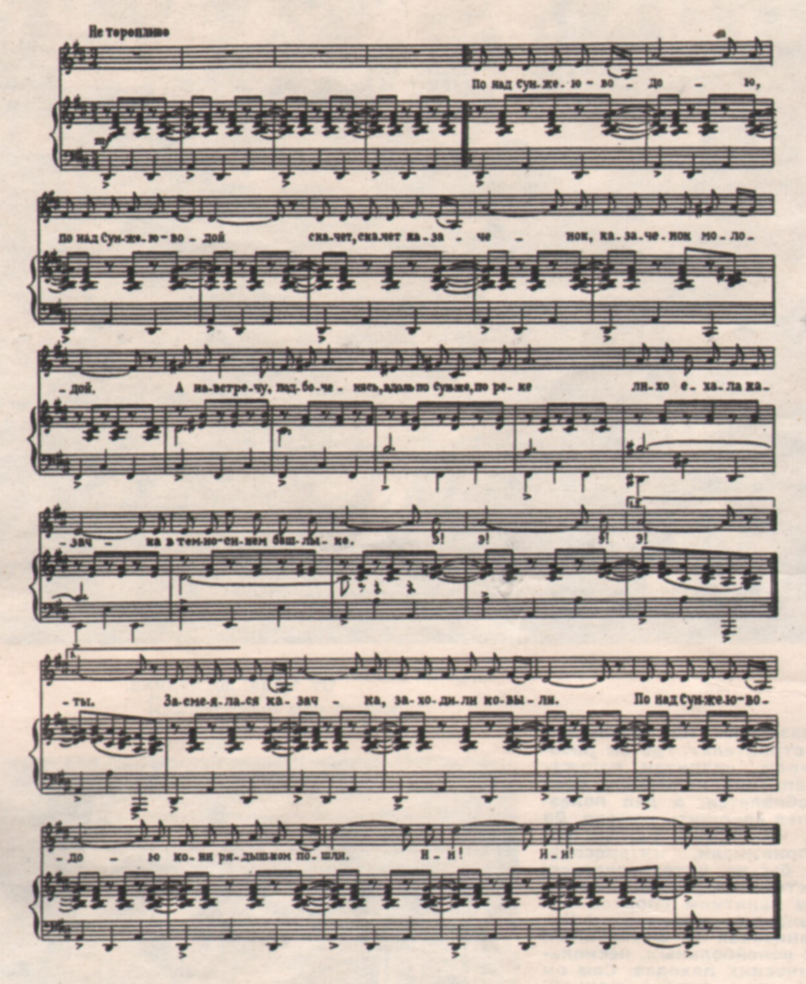
Парад участников Спартакиады РСФСР в Ленинграде.

Финальный бег на 800 метров.

Фото Н. Науменкова (ТАСС).

Новые песни М. БЛАНТЕРА
на стихи И. СЕЛЬВИНСКОГО

ПО-НАД СУНЖЕЮ-ВОДОЮ

По-над Сунжею-водою,
По-над Сунжею-водой
Скачет, скачет казаченок,
Казаченок молодой.

А навстречу, подбоченясь,
Вдоль по Сунже по реке
Лихо ехала казачка
В темно-синем башлыке.

Кони стали по дороге,
Бело-сер и серо-бел.
Казаченок задичился,
Казаченок оробел.

Задичился казаченок,
И глядит и не глядит,
А казачка молодая,
Замирая, говорит.

Говорит ему казачка
Не на «вы» и не на «ты»:
— Как у нас в колхозе гуси
Лебединой высоты.

Расхрабрился казачина:
Мы, де, сами не просты —
— Как у нас, де, поросята
Лебединой красоты.

Засмеялася казачка,
Заходили ковыли.
По-над Сунжею-рекою
Кони рядышком пошли.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ КАЗАЧКА

Черноглазая казачка
Подковала мне коня.
Серебро с меня спросила,
Труд недорого ценя.
«Как зовут тебя, молодка?»
А молодка говорит:
«Имя ты мое услышишь
Из-под топота копыт».

Я по улице поехал,
По дороге поскакал,
По тропинке между бурых,
Между серых, между скал.
Маша, Зина, Даша, Нина...
Все как будто не она.
«Катя, Катя»— высекают
Мне подковы скакуна.

С той поры хоть шагом еду,
Хоть галопом поскачу,
«Катя, Катя, Катерина...»—
Неотвязно я шепчу.
Что за бестолочь такая,
У меня ж другая есть!
Но уж Катю, словно песню,
Из груди, брат, не известь.

Дж. Б. ПРИСТЛИ — Повесть

Глава восьмая

ВЫСШИЙ КЛАСС ДЛЯ ДОКТОРА СОЛТА

1

— Ну, Баззи,— сказал доктор Солт, когда Кэлворты уехали,— если вы готовы рассказывать, то я готов вас слушать. Нет, нет, садитесь сюда — это единственное кресло, которое вас выдержит.

Он подождал, пока Баззи устроится поудобнее и раскурит сигару.

— Сперва немного информации, док. В городе много слухов, только одно не ясно: вы-то сами что думаете об убийстве этой девочки Уилкс?

Доктор Солт коротко и отчетливо изложил ему свои выводы.

— Это я и хотел от вас узнать. Бззз. Из полиции кто-нибудь был у вас сегодня?

— Да, Баззи. Сам полковник Рингвуд. Он тут раскипятился и дал мне понять, что я почти вне закона.

— Ясно, док. Именно это я подозревал. Бззз. Если бы сегодня была не пятница, я прислал бы своих парней приглядеть за вами. Но пятница — это все равно что суббота: в клубе у меня полно народу, того и гляди вспыхнет драка. Приезжают всякие черт знает откуда. Потому мне и в пятницу и в субботу особенно нужны крепкие ребята... Но как быть с вами, док?

— Я не очень беспокоюсь, Баззи.

— Ну, вы никогда не беспокоитесь. А вот я — я беспокоюсь и поэтому хочу, чтобы вы сделали мне одолжение, позволив оказать вам услугу. Если вы понимаете, что́ я имею в виду...

— Пока нет, Баззи.

— Хочу, чтобы вы сняли заботу с моих плеч. Бззз. Я не хотел бы всю ночь, присматривая за своими клиентами, ломать еще голову над тем, что с вами может случиться. У меня и без этого дел полно. Бззз. Так что сделайте мне одолжение. Сегодня и завтра вас здесь не будет, хорошо?

— Но я еще не уезжаю из Биркдена, Баззи.

— Знаю, знаю. Вот тут я вам и оказываю услугу. Я заказал вам номер в этом новеньком отеле — в «Беверли-Астории». Он на этой неделе открылся. У вас там не просто номер — целые апартаменты, заметьте себе, на десятом этаже.

— Нет. Мне это не по карману. Да и вам тоже.

— Мне? Я могу купить там хоть целый этаж, если захочу. Бззз. Только не думайте, что я собираюсь выбрасывать деньги на ветер. Гостиница новая, им нужны клиенты, а я имею кое-какие дела с хозяевами гостиницы — они-то мои клиенты уже много лет. Бззз. Ваш номер 1012. Возьмите у портье ключ и отправляйтесь прямо к себе. Гостиница новенькая. Люкс. Высший класс! Да и вам пора встряхнуться, а, док? Красивая жизнь и все прочее... Поглядите только, что у вас здесь делается! Вам нужно сюда трех грузчиков, чтобы навести порядок, либо одну женщину. Бззз. Теперь шутки в сторону, док. Мне будет куда спокойней, если я буду знать, что вы в «Беверли-Астории», а не сидите здесь и ждете неприятностей. В качестве одолжения, док, хорошо? Бззз.

— Ладно, Баззи. Очень мило с вашей стороны, что вы обо мне беспокоитесь. Хоть я и сомневаюсь, что этот отель в моем вкусе...

— Последнее слово комфорта! Комфорт ракетной эры.

— Да уж воображаю! Об этом я и говорю...

— Именно то, что нужно молодым управляющим. Гостиница для законодателей мод. Вы не видели рекламу?

— Нет, Баззи.

— Ну да, вам это безразлично.

— Конечно.

— И мне тоже. Это все для дураков.

Баззи помолчал, внимательно разглядывая доктора Солта.

— Док, если ее убил не тот парень, то кто же?

— Пока точно не знаю, Баззи.

— О'кей, док. Бззз. Но ведь это вы им сказали, что она мертва, а потом привели их в тот дом? Объясните, как это вышло, док? С этими карточными шулерами, «рокерами» и «роллерами» — безмозглыми болванами — я сам скоро стану дураком. Так что расскажите, как вы это все узнали.

— Особых хитростей не потребовалось, Баззи. Все произошло так...

Когда он кончил свой рассказ, на улице засигналил автомобиль.

— Слышите этого болвана Уайти? — вставая, произнес Баззи.— Ему только шоферскую фуражку подавай, уж он шуму наделает! Ника-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—27.

ор Солт уезжает

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

кого понятия о высоком классе. Бззз. Итак, док, вы переезжаете в «Беверли-Асторию». Десятый этаж, номер 1012. И, конечно, если вы и мисс Кэлворт захотите навестить меня в клубе, я всегда рад вам. Завтра самый подходящий случай — суббота. Бззз.

— Веселый вечер?

— Веселый? Те времена прошли. Но могу вам показать самый сумасшедший обезьянник недели. В порядке ознакомления. Бззз.

Они вышли из комнаты, и Баззи, понизив голос, напоследок сказал:

— Еще одно: там, в отеле, никто не станет охотиться за вами. Серьезно, док. Вам надо поостеречься. Раз им не удалось вас запугать, они постараются подстроить вам ловушку. Так что будьте внимательны. И если мы сегодня вечером не увидимся, то уж завтра — обязательно, хорошо?

— Ладно, Баззи. Благодарю за все.

Вне своей работы, особенно в минуты, когда он ожидал какого-нибудь важного события, доктор Солт не отличался особой сосредоточенностью. После ухода Баззи он закурил трубку и не заметил, как она погасла. Потом осмотрел несколько чемоданов в спальне и вынес в гостиную самый маленький. Сообразив, что чемодан нужно было оставить в спальне, чтобы сложить вещи, он опустил его на пол. Полистал несколько книг из тех, что собирался взять с собой, выбрал две и положил в чемодан. Потом подошел к телефону, взял справочник, нашел нужный номер и набрал его.

— Пожалуйста, миссис Мортон. Просит доктор Солт. О, Алис, как поживаешь?.. Отлично, отлично. Ты все еще собираешься открыть отделение своей фирмы в Хэмтоне?.. Знаешь, я, вероятно, смогу предложить тебе подходящего человека... Нет, не по телефону. Надо кое-что объяснить. Почему бы нам не встретиться сегодня в коктейль-баре — наверняка есть коктейль-бар в этой новой гостинице «Беверли-Астория». Тогда в семь, хорошо?.. Что у меня на уме? Просто играю в господа бога. Пока.

Он вернулся в спальню, достал пижаму, халат и домашние туфли, отнес в гостиную и сунул в чемодан. Поглядел на часы, зашел на кухню, проверил, что осталось на полках и в холодильнике. Достал банку французского лукового супа, выложил содержимое в миску и поставил на газ. Отрезал кусок хлеба на тост, выскреб остатки сыра. Еще оставались два апельсина — они и завершили его обед. Потом он выпил немного неразбавленного виски и помешал суп. И тут только он с благодарностью вспомнил, что принял приглашение Баззи насладиться комфортом ракетного века в «Беверли-Астории».

2

— А значит, вы не за книгами и не за пластинками? — Этими словами доктор Солт встретил нового посетителя, после того как пообедал.

— Нет, нет. Вот моя визитная карточка.

Это был высокий, худой мужчина в броском зеленом галстуке и костюме буро-шоколадного цвета. Лицом он как будто смахивал на Данте, но только изможденного долгими бессонными ночами, обилием виски и недостатком денег, короче, фигура была непрезентабельная. Кроме адреса в Бирмингеме, на его визитной карточке значилось: «Герберт Х. Колеман, конфиденциальные расследования».

— Что здесь означает «Х»? — с искренним интересом осведомился доктор Солт.

— Это фасад, для впечатления. Если ты просто Герберт Колеман, то кому ты нужен, кто запомнит твое имя? А Герберт Х. Колеман — это да! Даже жена теперь зовет меня Герберт Х.

— Хорошо ей! Но мне не нужны конфиденциальные расследования, мистер Колеман.

— Но позвольте, доктор Солт! — Гость был оскорблен.— Я не ищу клиентов. Мне просто хотелось с вами поболтать в удобном месте, где нас не могли бы увидеть или подслушать. Вы понимаете?

— Не совсем. Но входите.

— Можно сесть здесь? — проговорил мистер Колеман, усаживаясь возле раскрытого чемодана.— Собираетесь?

— Я переезжаю в «Беверли-Асторию» на несколько дней.

— Для этого есть какая-нибудь особая причина?

— Да. Мне ничего не надо платить за это. И еще я любопытен. Гостеприимство ракетного века, понимаете?

— Нет.

— И не нужно. А может, нужно, мистер Колеман? Может быть, у вас уже есть клиент в Биркдене?

Колеман уставился на доктора Солта. Но тот и сам был мастер разглядывать других. Так они и смотрели друг на друга.

— Насчет убийства Норин Уилкс,— медленно произнес Колеман.— У меня есть одна идея, которая может вас заинтересовать. Вы утверждаете, что девушку убил не молодой Доннингтон?

— А вы откуда знаете?

— Так говорят. Так вот вам моя идея: это сделали вы.

— Я?

— А почему нет?

— Ну, хотя бы потому, что сделай это я, то мне незачем было бы настаивать на том, что девушка не уехала, а убита, незачем было бы находить для полиции ее тело.

— Почему же? Такое случалось. Допустим, вы психопат. Вы убили девушку, свою пациентку. Никто об этом не узнает, так как вы уезжаете. Это вас не устраивает. Вы поднимаете шум.

— А потом? Я сдаюсь? Признаюсь?

— Вероятно, нет. Зависит от степени сумасшествия.

— И какая у меня степень сумасшествия?

— Откуда я знаю?

— Ну что ж, продолжайте в том же духе. Почему вы на этом останавливаетесь? — Доктор Солт понял, что его ирония не доходит до Герберта Х. Колемана.— Вы можете добиться большего.

— Могу попробовать. Не будете признаваться. Убийство установлено, как и то, что это сделал не молодой Доннингтон. Вы доказали и удовлетворились. Теперь вы, вполне довольный, уезжаете, отпраздновав свой успех в «Беверли-Астории». Чем плохая версия?

— Ничем, только это все брехня.

— Возможно. Но найдутся люди, которые клюнут на это. Когда же вы в таком случае уедете? Вам, вероятно, придется несколько недель помогать им в расследовании — так это называется.

— Ясно,— проговорил доктор Солт, внимательно разглядывая своего собеседника.— А я было подумал, что вы совсем полоумный. Но это не так, правда?

В дверь позвонили.

— Это, вероятно, за книгами или за пластинками. Так что мне некогда, мистер Колеман.

— Благодарю, что вы мне уделили время, доктор Солт. Мы еще увидимся.

— Надеюсь, что нет. Прощайте.

3

Гостиная в его номере выглядела абсолютно новой, как в витрине мебельного магазина. Правда, это была очень маленькая комната, в которой нашлось место для телевизора и радиоприемника только потому, что два кресла и диван были, вероятно, рассчитаны на лилипутов. Так выглядят гостиные в научно-фантастических фильмах: год примерно 2250-й, многоквартирный дом высотой в две мили, население земного шара — 32 миллиарда человек. Все это сразу показалось доктору Солту отвратительным. Спальня и ванная были получше, и он дал молодому коридорному, возившемуся с его маленьким чемоданом так, словно это были три огромных дорожных сундука, полкроны вместо шиллинга, который он про себя решил ему дать.

Оставшись один, он принялся настороженно шагать взад и вперед, как животное в новой клетке. Из окон открывалась, что называется, «захватывающая дух панорама» Биркдена, но он отметил, что ему дышится вполне нормально; в поле зрения не попало ничего достойного рассмотрения. В спальне висела дрянная акварель аббатства Раунтинс, а в гостиной — смесь гитары, бутылки и газеты, намалеванная кем-то, кто однажды видел открытку работы раннего Брака. Он включил телевизор, который, потрещав, показал ему несколько ослепительных, прыгающих по экрану линий. Доктор Солт выключил телевизор и, достав из чемодана губку, отправился в ванную. Там не было туалетной бумаги.

И в спальне и в гостиной доктор Солт пытался обнаружить звонок, которым вызывают горничную. Однако прогресс в требованиях молодых управляющих и законодателей мод оставил такие звонки в далеком прошлом. Их место занял телефон, у которого оказалась самая сложная система набора, превращавшая клиента гостиницы в телефониста, и не менее сложный справочник, в котором было упомянуто все, кроме горничных и туалетной бумаги. Он набрал «Оп» — указанный в справочнике номер,— но ответили ему из службы камердинеров; он попробовал еще раз, но попал в бюро стенографии и машинописи; в конце концов он попал на коммутатор и сообщил об отсутствии туалетной бумаги. Девушка пообещала соединить его с нужным лицом и через небольшой промежуток времени, во время которого он слышал сердитые крики: «Чарли сказал, пятница? Чарли всегда говорит, что пятница!» — ему удалось поговорить с какой-то женщиной, которая еле слышно пообещала обеспечить его туалетной бумагой. Бумагу принесли через пятьдесят минут.

Тем временем, желая заняться чем-нибудь более достойным, он принимал ванну. Сама ванна была длинной, широкой и довольно низкой, читать в ней было неудобно, и он отказался от книжки Томлинсона, намылил губку, немного потерся, а потом без особого повода вспомнил о человеке по имени Гибберсон, которого уже не видел лет десять. Потом пришло время вылезать из ванны. И это, как он сразу понял, могло оказаться очень рискованным делом. Доктор Солт был человеком массивным, а ванна — скользкой. Ему не за что было ухватиться. На стене, дюймах в восемнадцати над ванной, была труба с ручкой и полочкой для мыла. Оттолкнувшись левой рукой, он протянул правую и ухватился за ручку, и, когда он уже наполовину вылез, труба выскочила из стены, обрушив на него штукатурку. Ему показалось, что он свернул себе шею, на самом же деле он крепко ударился коленом. Отшвырнув оторвавшуюся трубу, доктор Солт кое-как выбрался из ванны, завернулся в полотенце и, хромая, мокрый и взбешенный, отправился к телефону звонить администратору. Телефон соединил его с бюро путешествий и транспорта.

Когда наконец появился представитель администрации в образе длиннолицего молодого человека в слишком длинном для него пиджаке, доктор Солт, уже в халате, указал ему на дыру в стене ванной и на обрывок трубы. Молодой человек испуганно пробормотал:

— Как это случилось, сэр?

— Выскочила из стены, когда я попытался ей воспользоваться, и трахнула меня по колену! Смотрите!

— Может быть, сэр, вы позволите вызвать врача?

— Я сам врач. Кто строил этот отель? Женский журнал? Гостеприимство ракетного века!

— Простите, сэр!

— Пустяки.

— Я, конечно, сожалею, сэр, что это произошло. Если я могу вам чем-нибудь помочь...

Он извивался в своем черном пиджаке, специально для этого предназначенном, и был так похож на испуганную овцу, что доктор Солт не мог на него сердиться.

— Ладно. Забудьте об этом и уходите. Мне пора одеваться.

Когда он спустился вниз, время его свидания с Алис Мортон в коктейль-баре еще не подошло, но он чувствовал, что ему необходимо выпить. По пути в бар он заметил высокого худого мужчину, разговаривавшего с портье. Это был Герберт Х. Колеман, вероятно, все еще занятый своими конфиденциальными расследованиями.

4

Он увидел, как она появилась в дверях, и пошел навстречу.

— Хэлло, Алис! Ты отлично выглядишь, цветешь.

— Спасибо, дорогой. Я бы тоже ответила комплиментом, но не могу разглядеть, как ты выглядишь. Тут темно.

— Как раз то, что нужно молодым управляющим. В углу есть свободный столик. Ты попрежнему пьешь джин и «Кампари»?

Когда доктор Солт заказал напитки, она сказала:

— Сначала поговорим о деле, дорогой Солт. Кого ты мне подсовываешь? Надеюсь, это не какая-нибудь крошка, которую ты опекал? Я никогда не полагаюсь на мужские суждения в подобных делах.

— Ничего похожего, Алис. С этой девушкой я не провел и двух минут наедине. И, насколько я могу сообразить, она безумно влюблена в одного молодого человека, которого я знаю,— в Алана Кэлворта, он преподает физику в университете. В этом все дело. Она осталась или ей предстоит остаться без работы, и в этом частично моя вина. Они вскоре захотят пожениться — а я не думаю, чтобы он сейчас много зарабатывал,— и ей вполне бы подошло твое дело в Хэмтоне.

— Конечно, человек мне нужен. Но не забывай, дорогой, я не добросердечный доктор, а деловая женщина. Поэтому не объясняй мне, насколько это будет хорошо и удобно для нее и ее приятеля. Какая от нее может быть польза в деле?

— Вполне достаточная. Но ты ее, возможно, знаешь. Может быть, встречала в клубе «Фабрикс», если ты там бываешь. Ее имя Джилл Фринтон...

— Минутку. Высокая, темноволосая, симпатичная. Но мне кто-то говорил, что она приятельница одного из докторов «Юнайтед фабрикс».

— Была, но теперь нет. Моя дорогая Алис, должен ли я объяснять все сначала?..

— Нет, помолчи. Я хочу подумать.

Потягивая свое виски с содовой, доктор Солт услышал голос, который показался ему знакомым. Он прислушался: голос доносился из

противоположного угла, из-за столика вблизи от входа. Он приподнялся и увидел молодого человека и девушку; ее-то голос он и узнал. Садясь, он удовлетворенно кивнул.

— Дорогой Солт, когда ты кончишь глазеть по сторонам,— заговорила Алис,— я расскажу тебе, что я придумала. Если, конечно, ты не потерял интереса к нашему разговору и не жаждешь присоединиться к тем твоим друзьям.

— Они не мои друзья, я не потерял интереса, и оставь свой сарказм — он тебе не идет. Так как же насчет Джилл Фринтон?

— Солт, милый, в твоем предложении есть смысл. Она вполне подходит, и у нее есть опыт. Отсюда еще не следует, что она сможет руководить салоном тканей, и, может быть, у нее неуживчивый характер. Но я поговорю с ней, и как можно быстрее. Ты можешь это устроить?

— Я бы не хотел, Алис. Она разнесла меня в пух и прах вчера: заявила, что я разыгрываю из себя господа бога.

— Это ты имел в виду, когда звонил мне?

— Да. Все меня разносят и запугивают, Алис, потому что я намерен узнать, кто убил мою пациентку...

— Некую Уилкс — это написано в вечернем выпуске газеты,— и это ты помог полиции найти труп. Ну, не восхитительно ли?

— Нет,— резко ответил он,— это ужасно, противно, отвратительно. Вернемся к Джилл Фринтон. Позвони ей сама и пригласи утром в свой салон. Я вне этого, запомни. Я ей не нравлюсь.

— Тогда это ее минус, милый. Придется сказать ей, что я тебя люблю. Я действительно в некотором роде люблю тебя.

— Точно так же и я тебя люблю, дорогая Алис. Только этот род любви не подходит ни для одного из нас, и мы оба это хорошо знаем. Нам нравится быть вместе, но нам это не необходимо. Тебе нужен худощавый мужчина с бородой, со слабой грудью, изготовляющий гравюры на дереве, которые никто не покупает.

— Я убила бы его через неделю. Не знаю, кто нужен тебе, но могу сказать, кого ты рано или поздно получишь: медсестру с очень прямой спиной и железной волей. А каким образом ты вмешался в дела этой самой Джилл Фринтон?

— Это связано с убийством Норин Уилкс, о котором я не хочу сейчас говорить; познакомился я с Джилл через семью ее приятеля Кэлворта — у них книжная лавка в Хемтоне.

— Милый Солт, почему ты пригласил меня именно сюда?

— Я здесь живу.

— Почему?

Он начал рассказывать ей про Баззи и про гостеприимство ракетного века, молодых управляющих и законодателей мод и про все, что произошло с ним в этом отеле, который, вероятно, развалится в любую минуту. Оба смеялись, и тогда-то доктор Солт заметил входящую в бар Мэгги.

Он поспешил к ней, чтобы перехватить, пока она не повернула обратно.

— Мэгги, присоединяйтесь к нам. Конечно, если вы не ищете кого-нибудь еще...

— Знаете, я просто... неловко...— начала она, но он не дал ей договорить.

— Идемте, идемте. Я тут кое-что обсуждал со своей старой приятельницей, и это кое-что вас тоже заинтересует. Но я все объясню вам позднее. Между прочим, я как раз собирался вам звонить. Алис, это мисс Мэгги Кэлворт. Мэгги, знакомьтесь: миссис Алис Мортон. Вы, наверное, знаете «Салон Алисии»... Алис, теперь закажите что-нибудь для Мэгги. Мне придется вас на несколько минут покинуть.

Он быстро пошел к выходу, но потом раздумал и повернул к столику в углу.

— Мисс Доннингтон, не так ли? Я узнал вас по голосу. Я доктор Солт, помните меня?

Он взглянул на мускулистого молодого человека с покрасневшими щеками и блестящими от алкоголя глазами.

— Позвольте, кажется, мне знакомо ваше лицо. Мы с вами не встречались?

— Моя фамилия Уолшэм. И я не думаю, что мы знакомы. Разве мы могли встречаться?

— Он просто хочет сказать, чтобы вы убирались отсюда. Правда, милый?

И Эрика Доннингтон, уже достаточно нагрузившаяся спиртным, хихикнула.

Доктор Солт не выказал ни малейшего признака удивления. Он улыбнулся, кивнул и пошел к выходу. Через минуту он стоял у конторки портье.

— Мне кажется, что здесь должен жить человек по имени Уолшэм. Будьте любезны, какой его номер? Я из 1012.

— Да,— ответил портье,— мистер Уолшэм находится в 806-м номере. Передать, что вы о нем справлялись?

— Нет, не нужно. Пусть это будет для него сюрпризом.

Он отошел со скучающим видом. Но сквозь полуопущенные веки его глаза очень скоро обнаружили в одном из глубоких кресел, обращенных к входу, костюм буро-шоколадного цвета. Он мог принадлежать только Герберту Х. Колеману, ожидавшему кого-то в холле. Словно раздумывая, войти ему в поле зрения мистера Герберта Х. или нет, доктор Солт колебался. Потом он медленно направился в коктейль-бар.

Глава девятая

СТРАННЫЙ ВЕЧЕР

1

После того как Алис Мортон распрощалась и ушла, доктор Солт и Мэгги решили поужинать здесь же, в отеле.

Во время ужина ни слова не было сказано о Норин Уилкс, о молодом Доннингтоне и о старом Доннингтоне, о полковнике Рингвуде и старшем инспекторе Хэрсте. Мэгги казалось, что, разговаривая о других людях, о других вещах, они словно бегут из темного подвала на яркий, солнечный свет. Они говорили больше о предстоящем отъезде Солта.

Потом он взглянул на часы.

— Уже за десять. Нам пора, Мэгги, приступать к делу. Вы готовы?

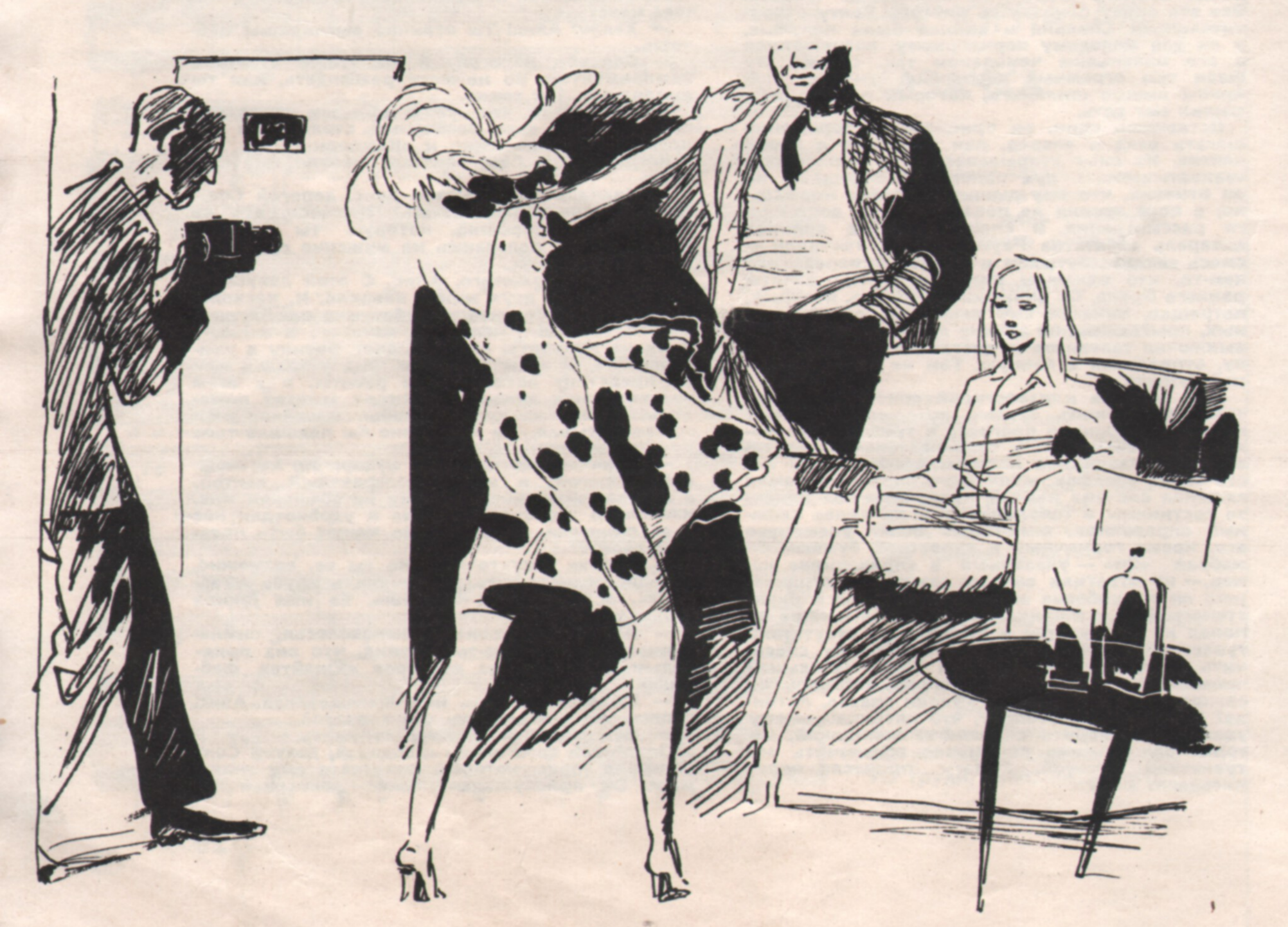
— Думаю, что да,— уверенно ответила Мэгги.— Хотя не буду делать вид, что у меня подходящее настроение. Особенно если предстоит что-нибудь трудное.

— Нет, нет, это несложно, как паштет...

— Паштет тоже бывает трудно изготовить...

— Только не этот. Я хочу, чтобы вы отправились на восьмой этаж. Если там вам попадется горничная или официант — хотя это не должно случиться,— подождите, пока они пройдут. Посмотритесь в зеркальце, попудритесь, что-нибудь в этом роде.

— Ясно, ясно, это каждая женщина умеет. Что я должна делать, если коридор пуст?

— Позвоните или постучите в дверь номера 806. Если сразу не откроют, не уходите. Попробуйте еще раз. Если откроют, придумайте какую-нибудь историю. Скажем, пакет, предназначенный вам, в номер 906, доставили, вероятно, в номер 806. Вам, конечно, ужасно неловко беспокоить, но не был бы он любезен проверить и т. д. Понимаете?

— Он вполне может предложить мне убедиться самой. И многое может в таком случае произойти, особенно если он будет молодой и несколько навеселе.

— Если он вас пригласит войти, значит, он в номере один, и весь опыт окончен. Извинитесь и уходите.

— То есть вы хотите, чтобы я выяснила, будет ли у него в номере девушка? Пока я буду ему заговаривать зубы, я должна прислушаться к тому, что внутри?

— Да, Мэгги, вы угадали.

— А что потом, Солт?

— После этого отправляйтесь на десятый этаж, постарайтесь, чтобы никто не видел, как вы войдете в мой номер — 1012. Закройте дверь, но не запирайте, чтобы я мог сделать вид, что отпираю ее. Если за мной будут следить, это очень важно.

— Это что, часть заговора «Комната 806» или другое?

— Совсем другое.— Он улыбнулся.— Но все это части одного целого.

— Солт, дорогой, вы действительно знаете, что делаете? Или это результат того, что вы смешивали виски, кларет и бренди?

— А эта смесь помогает. Но все это я решил еще до того, как смесь начала действовать.

Она нажала кнопку и услышала, как в 806-й комнате затрещал звонок. Никто не ответил. Она позвонила еще раз, подольше. «О, ради, ради бога, кого там черт принес?» — услышала она мужской голос. Дверь открылась.

На пороге стоял крупный моложавый мужчи-

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

МЯЧ-КЕНГУРУ

Мяч из пластика — новая игрушка, выпущенная в Англии. Сидя на нем, ребята совершают прыжки до трех метров.

КОСЫ НАПРОКАТ

Для путешественниц лондонские модельеры придумали такой комплект: шляпку с длинными косами, большие противосолнечные очки и заплечную сумку.

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ

Маленький лебедь, удобно устроившись на спине своей мамаши, обозревает местность.

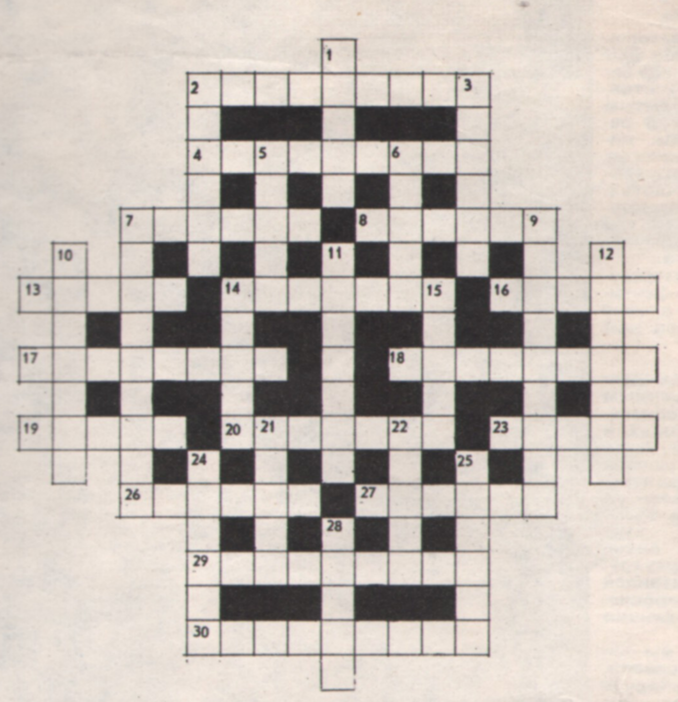
ЧАСЫ-ПРИЕМНИК

В США стали выпускать ручные часы, в корпус которых вмонтирован крохотный радиоприемник.

В ГОЛУБОМ СВЕТЕ...

На многих американских фермах можно увидеть петухов в очках со стеклами светло-голубого цвета. Установлено, что этот цвет действует успокоительно на воинственных петухов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Действующий вулкан на границе Чили и Аргентины. 4. Пьеса М. Горького. 7. Река, впадающая в Восточно-Сибирское море. 8. Живопись красками по сырой штукатурке. 13. Часть самолета. 14. Североамериканский черный медведь. 16. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 17. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 18. Автор картины «Грачи прилетели». 19. Струнный музыкальный инструмент. 20. Порт в Приморском крае. 23. Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. 26. Курорт в Крыму. 27. Обломки горных пород, отложенных ледником. 29. Хищная птица. 30. Отвесная прямая линия.

По вертикали:

1. Герой древнегреческой мифологии. 2. Лиственное дерево. 3. Областной центр в УССР. 5. Лососевая рыба. 6. Пушной зверек. 7. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 9. Персонаж оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 10. Континент. 11. Режиссер, народный артист СССР. 12. Поток воды, падающий с высоты. 14. Русский писатель. 15. Вьющееся растение. 21. Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 22. Стиль плавания. 24. Советский музыкант, исполнитель-виртуоз на балалайке. 25. Ножной рычаг. 28. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

4. Антарктика. 5. Кенгуру. 10. Преспа. 11. Таль. 12. Оссиан. 15. Стендаль. 16. Нейтрон. 18. Индуктор. 20. Гимнаст. 21. Кислород. 22. Гиджак. 24. Гонг. 26. Кролик. 27. Камбала. 28. «Декабристы».

По вертикали:

1. Онитша. 2. Паркет. 3. Скерцо. 6. Нальчик. 7. Протактиний. 8. Асунсьон. 9. Лаборатория. 13. Планета. 14. Антоним. 17. Тепловоз. 19. Уланова. 23. Кратер. 25. Гравий. 26. Кварта.

На первой странице обложки: Десантники.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: шутка «Лапти». Исполняют М. Петрова и А. Белоусов, участники сельской самодеятельности Новополтавского клуба Прохладненского района, Кабардино-Балкарской АССР.

Фото З. Голубчина.

на с всклоченными волосами; он запахивал халат.

— Простите,— начала Мэгги.

— Ошиблись номером,— произнес он.

— В этом все дело. Я живу в 906-м. И, вероятно, пакет, который я жду, по ошибке доставили сюда.

— Нет тут никаких пакетов.

— Вы уверены?

Он уже закрывал дверь.

— Конечно. Спокойной ночи.

И это было все. Она решила подняться пешком, нашла лестницу и поспешила наверх, на десятый этаж. Поблизости никого не было. И, только уже подходя к двери номера Солта, Мэгги услышала позади себя голоса. Двое только что вышли из лифта. Она остановилась, вынула пудреницу, взглянула на свое отражение, давая им пройти. На нее не обратили никакого внимания, и она медленно двинулась дальше. С облегчением захлопнула за собой дверь, включила свет и тогда вспомнила, что Солт велел ей оставить дверь незапертой. Она быстро поставила замок на предохранитель, чтобы он мог открыть без ключа. Потом, чувствуя слабость от всех волнений вечера, прошла в ванную и выпила холодной воды, которая не была холодной, да и на воду не была похожа. Вернувшись в идиотскую крохотную гостиную, Мэгги сбросила туфли и забралась на диван, ожидая Солта и размышляя о нем.

2

— Если не возражаете, мы будем разговаривать очень тихо,— понизив голос, сказал Солт.

— Не возражаю, но не могу понять, почему. Ведь это гостиная или что-то в этом роде...

— Я не потому. Совсем из-за другого. Между прочим, у меня есть виски.

— Нет, спасибо. Мне нужно что-нибудь другое после моего загадочного визита.

— И на этот случай у меня есть лекарство.

Он принес ей какую-то микстуру в стакане. И Мэгги сразу оценила, что он стал ухаживать за ней, не расспрашивая о случившемся в 806-м номере.

— Наверное, я должна была все проделать лучше,— начала она, выпив лекарство.— Но он так спешил отделаться от меня! Он был очень резок и не ожидал посетителей.

— Из чего можно заключить, что в его номере была женщина?

— Я так думаю. Когда он открыл дверь, я, по-моему, слышала женский смех. Может быть, мне это показалось. Боюсь, мои наблюдения ничего вам не дают. Я не могу утверждать, что у него в номере была женщина. Простите, Солт.

— Не огорчайтесь, Мэгги. Я могу узнать это как-нибудь иначе. А пока подождем.

— Не знаю, что нам дальше делать. Но если вы хотите кому-то внушить, что вы здесь один, то почему бы не включить радио или телевизор? Тогда моего голоса совсем не будет слышно.

— Отлично! Попробуем радио.

Он повозился с приемником, и через несколько минут ему удалось извлечь музыку.

— Квинтет Моцарта,— с некоторым удовлетворением объявил он.— Послушаем, если только вы не очень против, Мэгги. Вы ведь не против музыки?

— Вам следовало бы знать, что нет. Я люблю музыку, хотя и мало ее знаю.

— Тогда послушайте. Это шедевр, очко в пользу человеческой расы.

Пятью минутами позже человеческая раса начала себя дискредитировать. Дверь, которую Солт оставил незапертой, распахнулась и пропустила молодую женщину, на которой был лишь легкий халатик нараспашку. Женщина направилась к доктору Солту, широко раскрыв объятия. Следом за ней в комнате появился высокий худой мужчина с фотоаппаратом.

— Входите, Колеман,— вежливо произнес доктор Солт.— Мэгги, это Герберт Х. Колеман.

— Опять ни черта не вышло! — раздраженно воскликнула нежданная гостья, отскакивая от Солта и запахивая халатик.— Но уж это в последний раз, Берт!

— Может быть, вас, мистер Колеман, устроит, если я разденусь? — смиренно осведомилась Мэгги.

— Боюсь, дорогая,— воскликнула дама в халатике,— что тогда у него срочно испортится фотоаппарат. Боже! Сколько раз я зарекалась!

— Ладно, ладно,— сказал Колеман.— Ну, не вышло. И не по моей вине. Просто он оказался умнее меня. Такое случается.

— Всегда случается. Но со мной больше не случится, Герберт Х.! — Женщина обернулась к Мэгги.— Простите, милочка, что мы к вам вторглись. Мы не имели ничего лично к вам. Так, бизнес.

— Хватит, Энид, хватит болтать. Переживем.

— Конечно, Колеман, переживете,— сказал доктор Солт.— И надеюсь, вы на этом успокоитесь. Но если вы еще что-нибудь затеете, то я постараюсь, чтобы вы пожалели о том, что покинули Бирмингем. А теперь убирайтесь да смотрите не испугайте кого-нибудь в коридоре.

Когда дверь закрылась, Мэгги выключила радио.

— Это, конечно, хорошая музыка, но вы ее сможете послушать в другой раз,— сказала она.— Они хотели подстроить ложное обвинение. Я видела такие истории в кино.

— И Герберт Х. Колеман тоже видел,— улыбаясь, ответил доктор Солт.— Бирмингемская копия голливудского частного детектива... А вам, Мэгги, спасибо за выдержку и терпение. Мне не хочется, чтобы вы уходили, но это необходимо. На тот случай, если наш друг Колеман придумает что-нибудь еще, с учетом вашего пребывания здесь.

Как всегда, они больше не сказали ни слова, пока доктор Солт вел машину к ее дому.

Окончание следует.

11 миллионов человек принимают участие во Всесоюзном фестивале самодеятельного искусства, посвященном 50-летию Великой Октябрьской революции. Фестиваль начинался на фабриках и заводах, в колхозах, школах, воинских частях. Лучшие из лучших приезжают в Москву, где проходят заключительные этапы смотра.

Председатель художественной коллегии фестиваля, народный артист СССР И. М. Туманов нам рассказал.

...Много лет я связан с самодеятельностью. Был художественным руководителем городских, областных, республиканских, союзных и международных фестивалей. Надо сказать, что в этом году размах Всесоюзного фестиваля грандиозен. И это не удивительно: ведь он проводится в ознаменование 50-летия Октября.

Почти все коллективы очень серьезно отнеслись к репертуару. Тематика большинства спектаклей историко-революционная, героическая, патриотическая, подлинно современная.

Еще недавно на смотрах мы часто с сожалением констатировали, что самодеятельность копирует профессиональное искусство — его репертуар, манеру исполнения да порой просто популярного актера. Сейчас можно смело сказать, что народное творчество ищет и находит свои самостоятельные пути. И это отрадно.

Недавно прошедшая в Москве театральная декада поражала разнообразием. Было показано 32 спектакля. Среди них и опера и оперетта, драма, комедия, балет, даже пантомима. И все это на очень высоком уровне мастерства, что, конечно, говорит о художественной требовательности, следовательно, о культуре участников. А резервы и практика самодеятельности расширяют круг возможностей профессионального искусства, плодотворно на него воздействуют. Бесспорно и обратное влияние. Кстати, надо сказать, что в проведении фестиваля очень активное участие принимали творческие союзы.

Содружество профессионального искусства и самодеятельности сейчас на верной дороге.

Еще один радостный и примечательный факт: из 32 лучших коллективов, что приезжали в Москву, 20 — представители национальных республик.

Театральная декада закончилась. Впереди заключительный концерт, на котором выступят хоры, хореографические коллективы, инструменталисты, оркестры, представители оригинальных жанров.

Мы уверены, что вновь встретимся с яркими, интересными проявлениями народного творчества и откроем новые таланты.

Ленинград. Народный театр оперы и балета Дворца культуры имени С. М. Кирова. «Озорные частушки» Р. Щедрина.

Фото Р. Диамента, М. Маркова, Е. Умнова.

МИЛЛИО

Киргизская ССР. Таласский народный театр. «Первый учитель» Ч. Айтматова.

Таджикская ССР. Кулябский народный театр. «Поручение ЧК» А. Сидки.

Грузия. Студенческий народный театр сельскохозяйственного института. «Киквидзе» В. Дарасели.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Азербайджанская ССР. Народный театр металлургов Сумгаита. Техник С. Акимова в роли Ширин в спектакле «Фархад и Ширин» С. Вургуна.

НЫ ТАЛАНТОВ

Минск. Народная оперная студия Дворца культуры профсоюзов. Опера «Кастусь Калиновский» Д. Лукаса.

Пермь. Народный театр Дворца культуры имени В. И. Ленина. «Хорошо!» В. Маяковского.

Москва. Народный театр Дворца культуры имени С. Горбунова. «Нашествие» Л. Леонова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00138. Подписано к печати 5/VII 1967 г. Формат бум. 70×108⅛. Усл. печ. л. 7.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 1324. Заказ № 1959.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663